

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 5, №4 2019

Издательство Амурского государственного университета

УДК 81'32, 81'342, 81'44

UDC 81'32, 81'342, 81'44

Авакян Самвел Арменович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

г. Москва, Российская Федерация

Samvel A. Avakyan

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

sam.avakyan@gmail.com

Давыдов Денис Витальевич

Российская экономическая школа

г. Москва, Российская Федерация

Denis V. Davydov

New Economic School

Moscow, Russian Federation

ddavydov@nes.ru

Завьялова Виктория Львовна

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

Viktoriya L. Zavyalova

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russian Federation

zavyalova.vl@dvfu.ru

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)
QUANTITATIVE EVALUATION OF PHONETIC VARIATION OF ENGLISH
(THE EXAMPLE OF EAST ASIAN COUNTRIES)¹**

Аннотация

В статье представлены результаты анализа и количественной оценки фонетической вариативности английского языка в отдельных странах Восточной Азии. Мы адаптируем подход Левенштейна к числовому описанию лингвистических дистанций для определения степени фонетических различий, основываясь при этом на анализе фонетических транскрипций слов из списка Сводеша. В работе используются методы многомерного шкалирования для наглядного представления результатов исследования. Полученные количественные оценки демонстрируют высокую степень робастности как по отношению к применяемым методам измерений, так и по отношению к степени подробности учёта выявляемых фонетических отличий, а также к (малым) изменениям размера, используемого для построения оценок словаря. Результаты позволяют оценить степень взаимной удалённости рассматриваемых фонетических вариаций английского языка (для носителей китайского, корейского и японского языков) и его «эталона», за который взят британский вариант. Построенные матрицы фонетических дистанций могут в дальней-

¹ Авторы благодарны группе компаний «Домодедово» за поддержку работы Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества РЭШ в 2018–2019 гг. Статья продолжает исследования, выполнявшиеся в ЛИСОМО РЭШ по гранту Правительства РФ (договор № 14.U04.31.0002).

шем быть использованы как «прокси-переменные» в эмпирических исследованиях потенциала взаимодействия соответствующих стран.

Abstract

The article presents the results of the analysis and quantitative assessment of the phonetic variation of English in selected countries of East Asia. We adapt Levenshtein's approach to the numerical description of linguistic distances to determine the degree of phonetic differences, based on the analysis of the phonetic transcriptions of words from the Swadesh list. The work uses methods of multidimensional scaling to visualize the results of the study. The obtained quantitative estimates demonstrate a high degree of robustness both in relation to the applied measurement methods, and in relation to the degree of detail of accounting for detected phonetic differences, as well as to (small) changes in the size used to construct vocabulary estimates. The results allow us to estimate the degree of mutual remoteness of the considered phonetic “variations” of the English language (for native speakers of Chinese, Korean and Japanese) and its “standard”. The constructed matrices of phonetic distances can further be used as “proxies” in empirical studies of the interaction potential of the respective countries.

Ключевые слова: фонетическая вариативность, английский язык, языковые дистанции, Восточная Азия.

Keywords: phonetic variation, English, language distances, East Asia.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_5_17

1. Введение

Исследование регионального фонетического варьирования английского языка в Восточной Азии, представленное ранее в работе [Завьялова, 2018], основано на проведении комплексного многостороннего анализа звукового строя вариаций английского языка, распространённых в Республике Корея, Японии и Китайской народной республике (КНР). Фонетические особенности английской речи представителей перечисленных стран потенциально могут приводить к сбоям в коммуникации вследствие трудностей в понимании речевого сообщения как со стороны носителей «классического» английского, так и со стороны билингвов-носителей других языков мира, включая русскоязычных билингвов. Последнее сказывается на успешности устной коммуникации в формальной и неформальной ситуациях общения между представителями различных стран, а в рамках международных встреч и мероприятий может потенциально нести существенные социальные и экономические потери, если речь идёт о форматах договорённостей в сфере бизнеса или общественного взаимодействия. Не стараясь преувеличить влияние данных эффектов, мы ориентируемся на известные результаты [Felbermaur, Toubal, 2007 ; Melitz, 2008 ; Desmet et al., 2009 ; Ginsburgh, Weber, 2011 ; Вебер, Давыдов, 2017], в целом свидетельствующие о негативном влиянии лингвистической неоднородности и языковых дистанций на экономические эффекты взаимодействия на уровне стран или их регионов. Несмотря на очевидно меньший порядок эффектов, связанных с фонетическими вариациями одного и того же (английского) языка по сравнению с различиями между разными языками, мы исходим из сложившейся практики взаимодействия на международных мероприятиях, проводимых на английском языке с участием представителей стран Восточной Азии, включая особенности работы переводчиков-синхронистов (возникающие сложности, итоговая результативность), а также из накопленных ранее данных [Chang, Min-chia Wu, 2014 ; Нун, 2017 ; Lin et al., 2013], подтверждающих влияние фонетической вариативности на эффективность международной коммуникации на языке-посреднике.

Поэтому в данной работе мы ставим цель выявить особенности отмеченной выше фонетической неоднородности в двух основных аспектах. Во-первых, нас интересует определение степени «отдалённости» фонетических форм английского языка в странах Восточной Азии от «классической» фонетики английского языка (британского варианта RP²), что позволяет отразить потенциальные отрицательные эффекты взаимодействия между группой стран Восточной Азии с государствами, ориентированными на «классический» английский (в частности, Россией³ и странами Европы⁴). Во-вторых, нас интересует дифференциация фонетических отличий между рассматриваемыми вариациями английского языка стран Восточной Азии (Республики Корея, Японии и КНР), что также позволяет характеризовать степень потенциальной потери информации в опосредованной английским языком коммуникации между представителями этих стран.

2. Особенности фонетической неоднородности английского языка для стран Восточной Азии

Специфика языкового контакта в Восточной Азии является следствием исторически сложившейся языковой ситуации, включая генетическую и типологическую дистантность контактирующих языков: английского, приобретшего с конца прошлого столетия широкую посредническую функцию в данном регионе, и группы автохтонных языков, на фоне взаимной разнородности и выраженных этнокультурных различий последних [Завьялова, 2018]. Вследствие того, что звуковые системы английского⁵ и восточноазиатских⁶ языков не обладают свойством типологической конгруэнтности, вариации английского языка Восточной Азии, формирующиеся в результате контакта, демонстрируют существенные отличия от европейских⁷ разновидностей. Несмотря на внутреннее разнообразие, фонетические черты английского языка, функционирующего в Восточной Азии, обладают свойством типичности для носителей восточноазиатских языков в целом, что позволяет их рассматривать как неотъемлемый атрибут коммуникации на языке-посреднике с представителями стран данного региона. Так, одним из существенных общетипологических признаков «восточноазиатского акцента» является его слоговая интерференционная фонетико-когнитивная природа. Общность и специфичность черт, прослеживающихся в восточноазиатских формах английского языка, позволяют, с одной стороны, дать их системное описание, с другой – выделить, с учётом возникающей этнолектной «гибридизации», соответствующие варианты произ-

² Далее по тексту – «эталонный» английский. Следует отметить, что все национальные варианты английского языка могут считаться эталонными. Тем не менее, в образовательных учреждениях стран Восточной Азии в качестве модели используются британский и американский варианты, причём британский считается более престижным.

³ Подготовка переводчиков в России также традиционно ведётся с ориентацией на два национальных варианта английского языка – британский и американский.

⁴ Неявно мы подразумеваем, что региональные фонетические отличия в употреблении английского языка в странах континентальной Европы также возможны, однако такие отличия «пренебрежимо малы» по сравнению с отличиями, выявляемыми для рассматриваемых стран Восточной Азии в силу типологической специфики.

⁵ С точки зрения фонологической типологии английский язык – фонемный с относительно свободной слоговой структурой.

⁶ Во всех исследуемых языках Восточной Азии структура слога жёстко регламентирована: китайский язык принадлежит к группе классических языков слогового типа; японский язык характеризуется наличием особой слоговой единицы – моры, равной краткому слогу, при этом о значимости структуры слога свидетельствуют, наряду с заимствованиями китайских иероглифов, японские слоговые азбуки хирагана и катакана; корейский язык – язык фонемного строя, с жёсткой слоговой структурой, что отражается в особой системе буквенно-слоговой письменности.

⁷ Европейские языки славянской, германской и романской групп являются языками фонемного строя.

ношения (структурно-субстанциональные фоноварианты) языковых единиц английского языка, характерные для речи носителей разных языков Восточной Азии.

Согласно обработке результатов онлайн-анкетирования группы профессиональных русскоязычных переводчиков-синхронистов [Завьялова, 2018], выявляются следующие проблемные для восприятия модификации, обнаруживаемые в английской речи дикторов – носителей языков Восточной Азии: замена отдельных звуков (4,6)⁸; слоговая перестройка слова (4,21); изменение места ударения в слове (3,47); изменение ритма во фразе (3,07); некорректное размещение пауз во фразе (3,0); модификация мелодического контура фразы (3,0); модификация темпа фразы (2,4); иные факторы (5,4)⁹. Как следует из распределения оценок весовых коэффициентов, наиболее важными характеристиками фонетической вариативности оказываются отдельные звуковые или слоговые элементы, а изменения, возникающие во фразе в целом, в среднем, имеют меньшую значимость. Отметим, что детальная и комплексная классификация фонетических особенностей на уровне фраз или других цельных грамматических конструкций имеет более сложную структуру, что в целом требует дополнительных теоретических и эмпирических исследований.

Исходя из этого, мы строим дальнейший анализ, сосредотачивая внимание на микрофонетической вариативности, возникающей на уровне отдельных слов – одних из базовых перцептивных эталонов [Зимняя, 1976; Ягунова, 2008]. Важным элементом анализа здесь является классификация возникающих типов фонетических изменений: монофтонгизация дифтонгов, субституция долгих гласных краткими, изменение типа слога, неполная дифференциация, либо альтернативное употребление контраста согласных по звонкости / глухости, привнесение этимологического тона, различные виды микро- и макро-сегментации и другие.

3. Материал и методика исследования

3.1. Материал

С целью унификации процедуры сравнения для выявления относительной частоты и степени важности фонетических изменений, характерных для каждой из вариаций английского языка (со стороны носителей корейского, японского, китайского языков), мы ориентируемся на наиболее устойчивый базовый лексический словарь английского языка (n=100), называемый также кратким списком Сводеша [Swadesh, 1955]. На основании экспериментальных данных, полученных в ходе анализа представительного корпуса аудиозаписей английской речи носителей языков Восточной Азии¹⁰ [Завьялова, 2018], были составлены ряды реализаций лексем из указанного списка для китайского, корейского, японского и британского английского. Наиболее частотные варианты реализаций посимвольно сравнивались с транскрипцией британского английского, приводимой по словарю Cambridge online dictionary [Cambridge..., 2019].

Такой подход представляется разумным балансом с точки зрения сопоставления издержек на обработку соответствующих данных и получением достаточно устойчивых

⁸ В скобках указаны средневзвешенные числовые значения важности указанных показателей.

⁹ В категорию «иные факторы» сведены отмечаемые респондентами трудности восприятия нефонетической природы (качество подаваемого в наушники сигнала, технические сбои и т.д.)

¹⁰ Исследовательский корпус включает образцы квази-спонтанной речи и чтения текста вслух. Общее время звучания – более 16 часов (см. подробнее [Завьялова, 2018]).

количественных результатов, что подтверждается проведёнными нами оценками робастности предлагаемых процедур.

3.2. Подходы к построению количественных оценок

В качестве базового подхода для оценки так называемых «лингвистических дистанций» между рассматриваемыми фонетическими вариациями английского языка («эталонный» английский, «корейский английский», «японский английский», «китайский английский») мы используем идею Левенштейна [Levenstein, 1966], согласно которой предлагается последовательное (посимвольное) сравнение лексической единицы из двух различных языков (слова с одним и тем же значением, записанного на двух языках), с оценкой доли заменённых символов при переходе от одного слова к другому по сравнению с суммарной или усреднённой длиной этих слов. В отличие от базового подхода Левенштейна, для выявления степени фонетической вариативности мы используем и посимвольно сравниваем транскрипции английских слов (по списку Сводеша), записанных в китайской, корейской и японской реализациях, сопоставляя их как между собой, так и с базовой («эталонной») транскрипцией.

Для каждой пары региональных вариаций английского языка и для каждого слова из списка Сводеша в базовом варианте расчётов было подсчитано стандартное расстояние Левенштейна, поделённое на длину редакционного предписания¹¹. Отметим, что нормализация расстояния Левенштейна необходима, если количество изменений при прочих равных примерно пропорционально длине последовательности. Последнее представляется достаточно разумным в рассматриваемой нами ситуации.

Дальнейшее усреднение вычисленных долей по всем словам списка для каждой пары рассматриваемых фонетических вариаций английского языка позволяет составить так называемую «матрицу расстояний».

Для визуализации полученных расчётных данных мы используем методы классического многомерного шкалирования, что позволяет ввести метрическую оценку в двумерном пространстве и изобразить условное положение каждой из рассматриваемых языковых вариаций на плоскости.

Кроме этого, мы используем различные способы вариации методов для проверки робастности полученных результатов. В частности, помимо классического подхода Левенштейна мы используем «взвешенную» оценку, учитывающую фонетические особенности отдельных звуков. Мы также варьируем оценку за счёт запрета отдельных замен звуков при формировании вариативных транскрипций и проверяем устойчивость результатов по отношению к малым изменениям размера используемого словаря.

Отметим, что на предварительном этапе обработки исходных данных, ориентируясь на указанную выше сравнительную значимость факторов фонетических различий, мы не принимаем во внимание расстановку ударений в транскрипциях рассматриваемых слов, а также не учитываем прочие супрасегментные единицы и некоторые диакритические знаки. Более того, в случае перечисления нескольких возможных вариантов транскрипции для одной и той же вариации языка при проведении базовых

¹¹ Это стандартное основание для нормализации расстояния Левенштейна (см., напр., [Gooskens, Heeringa, 2004]). Альтернативный способ нормализации на размер более длинной последовательности вызывает необоснованное увеличение среднего веса операций удаления и вставки, тогда как нормализация по длине редакционного предписания не имеет такого недостатка. Стоит отметить, что полученные нами результаты оказываются не очень чувствительными к выбору основания для нормализации.

расчётов учтён только первый (наиболее частотный) вариант произношения; из альтернативных звуков, указываемых в транскрипции, также учитывались только первые. Например, среди выделенных исходных транскрипций слова *water* в вариации китайского английского перечень возможных транскрипций – ['wo.tə/a], ['wa.tə/a], [wo], [wa], [wot] – в базовом варианте расчётов заменялся на [wo.tə]. Подчеркнём, что, несмотря на многообразие ненормативных фонетических вариантов реализации лексем, выявленных в исследуемом корпусе, на уровне мезолектной английской речи носителей языков Восточной Азии их можно ранжировать по частотности употребления (см. в приведённом выше примере они упорядочены по убыванию частотности слева направо).

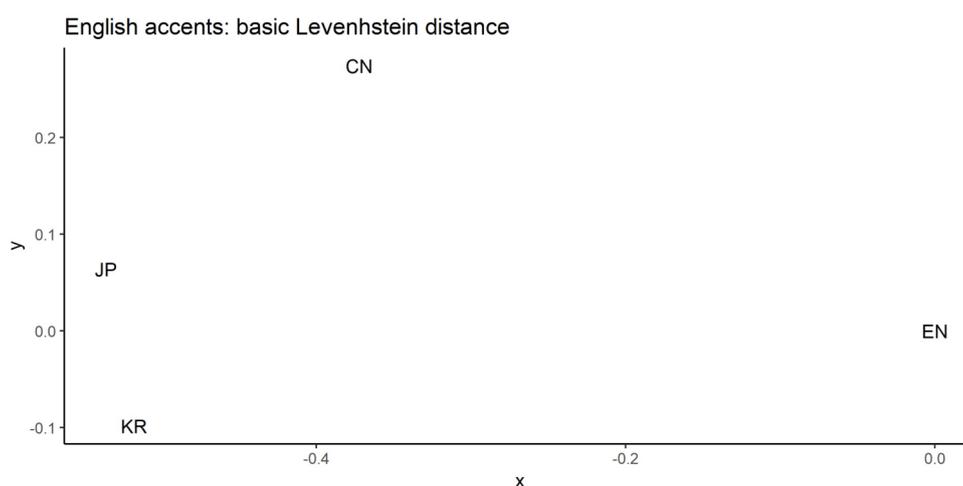
4. Результаты количественной оценки

4.1. Базовый вариант оценки (стандартное расстояние Левенштейна, предварительно обработанные исходные данные)

В соответствии с изложенными выше подходами мы рассчитываем матрицу расстояний между региональными вариациями английского языка, включая китайский английский (CN), корейский английский (KR), японский английский (JP), а также «эталонный» английский (EN) (см. табл. 1). Визуализация степени выявленных различий между региональными фонетическими вариациями представлена на рисунке 1¹².

Т а б л и ц а 1. Матрица парных расстояний (базовый вариант оценки)

Вариация	EN	CN	KR	JP
EN	0	0.472	0.544	0.555
CN	0.472	0	0.391	0.358
KR	0.544	0.391	0	0.314
JP	0.555	0.358	0.314	0

Р и с у н о к 1. Визуализация расстояний (базовый вариант оценки)

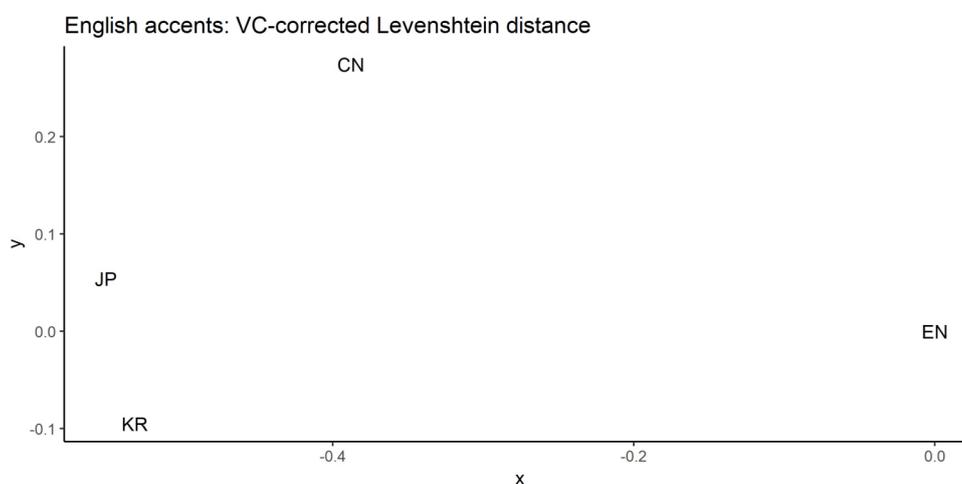
¹² Координатные оси (x, y) на рис. 1 и далее выбраны так, чтобы «эталонный» фонетический вариант попал в центр координат. Полученные в рамках процедуры многомерного шкалирования оси (x, y) здесь и далее не имеют явной прикладной интерпретации, но наилучшим образом описывают матрицу соответствующих парных расстояний.

4.2. Оценка с ограничениями на замены (стандартное расстояние Левенштейна)

В данном варианте расчётов для проверки значимости исходной информации, используемой в описании фонетических различий, мы вводим (искусственное) ограничение на возможность замены гласных и полугласных на согласные и, обратно, согласных на полугласные и гласные. Технически это означает увеличение «стоимости» замены гласного на согласный с условной единицы до двух и более единиц. Другими словами, при сравнении пары транскрипций по процедуре Левенштейна теперь, в частности, нельзя напрямую заменить гласный звук согласным, однако замену можно осуществить с помощью удаления и добавления символа¹³. Полученная матрица расстояний в описанных условиях имеет вид, показанный в таблице 2, а её представление на плоскости отображено на рисунке 2.

Т а б л и ц а 2. Матрица парных расстояний (ограничение на замены звуков)

Вариация	EN	CN	KR	JP
EN	0	0.472	0.546	0.558
CN	0.472	0	0.394	0.361
KR	0.546	0.394	0	0.320
JP	0.558	0.361	0.320	0

Р и с у н о к 2. Визуализация расстояний (ограничение на замены звуков)

Данные в таблице 2 при поэлементном сравнении слабо отличаются от исходных результатов вычислений (табл. 1). Последнее, с одной стороны, даёт нам дополнительные аргументы в пользу устойчивости полученных результатов, с другой стороны, говорит также о том, что замены гласных на согласные (и обратно), по всей видимости, встречаются в рассматриваемых фонетических вариациях языка сравнительно редко.

¹³ Суммарная «стоимость» пары данных операций, очевидно, равна двум.

Данный результат в целом является хорошо интерпретируемым и логичным, и, в некотором смысле, подтверждает гипотезу, что алгоритм Левенштейна достаточно хорошо описывает реальное речевое поведение людей в рассматриваемом нами смысле.

4.3. Оценка с «весами»

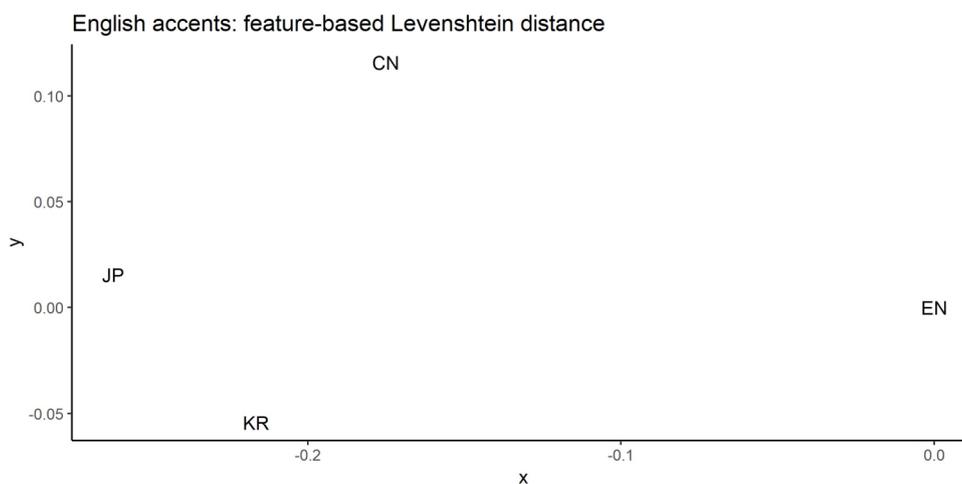
В данном варианте анализа вместо стандартного расстояния Левенштейна мы используем расстояние Левенштейна с весами, установленными в соответствии с нормализованным Евклидовым расстоянием между векторами бинарных свойств, построенных для звуков международного фонетического алфавита. Такой подход, в частности, позволяет дать меньший вес менее значимым изменениям (например, замены звука *b* на *p* или обратной замены). Результаты вычислений и их визуализация приведены, соответственно, в таблице 3 и на рисунке 3.

Отметим, что номинальные значения вычисляемых дистанций в данном варианте расчётов значительно меньше, чем в рассматриваемых выше вариантах оценок (см. табл. 1, 2). Данный эффект возникает в силу нормализации расстояний между анализируемыми векторами бинарных свойств. Последнее приводит к тому, что «стоимость» каждой из операций, используемой в расстоянии Левенштейна, лежит в интервале от 0 до 1, тогда как в стандартной процедуре Левенштейна (без использования весов) стоимость любой операции равна единице.

В то же время, несмотря на различия в количественных значениях, полученные результаты сохраняют структуру «взаимного расположения» фонетических вариаций английского языка (ср. рис. 1, 2, 3).

Т а б л и ц а 3. Матрица парных расстояний (оценка с «весами»)

Вариация	EN	CN	KR	JP
EN	0	0.210	0.228	0.262
CN	0.210	0	0.175	0.155
KR	0.228	0.175	0	0.127
JP	0.262	0.155	0.127	0

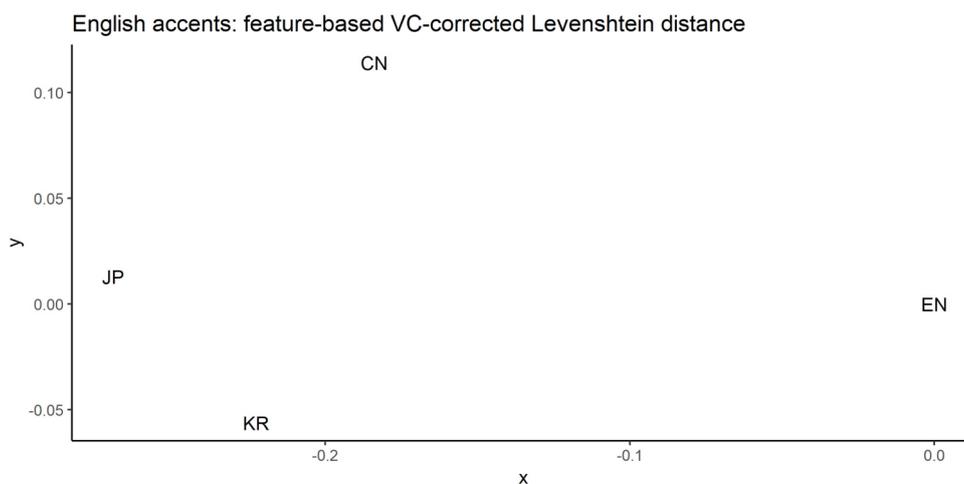
Р и с у н о к 3. Визуализация расстояний (оценка с «весами»)

4.4. Оценка с «весами» и ограничениями на замены

Усиливая эффекты возможных изменений, мы также проверяем вариативность получаемых количественных значений сочетанием двух приведённых выше ограничений, одновременно изменяя алгоритм вычисления (применяя оценку «с весами») и вводя ограничения на замены гласных и полугласных звуков согласными (и наоборот, согласных на гласные или полугласные). Представленные в таблице 4 и на рисунке 4 результаты оценки подтверждают устойчивость применяемого нами подхода, как в количественном выражении (по сравнению с данными из табл. 3), так и в части сохранения структуры взаимного расположения элементов.

Т а б л и ц а 4. Матрица парных расстояний
(оценка с «весами» и ограничениями на замены)

Вариация	EN	CN	KR	JP
EN	0	0.210	0.230	0.264
CN	0.210	0	0.174	0.157
KR	0.230	0.174	0	0.130
JP	0.264	0.157	0.130	0

Р и с у н о к 4. Визуализация расстояний
(оценка с «весами» и ограничениями на замены)

4.5. Альтернативный метод оценки

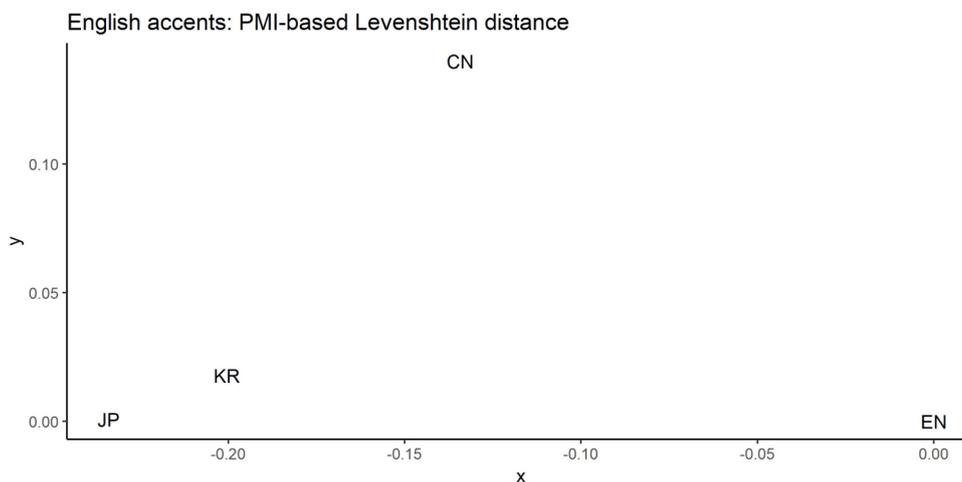
В данном случае для вычисления парных дистанций мы отталкиваемся от идей алгоритма [Wieling et al., 2014]. В отличие от классического подхода Левенштейна, здесь используется мера информации, основанная на том, насколько частота совпадений двух событий далека от случайной при данных вероятностях независимого появления каждого из событий. Это позволяет учитывать значимость («вес») замены отдельного символа в зависимости от «степени случайности» такой замены. В результате относительно больший вес («отдаляющий» вариации написания слова или его транскрипций друг от друга) присваивается заменам, которые встречаются в заданном слове

или тексте сравнительно редко, а меньший вес приписывается тем заменам, которые используются чаще. Идея подобного «взвешивания» заключается в том, что часто встречающиеся замены свидетельствуют о схожести соответствующей пары символов, а потому данные символы могут считаться «более близкими». Полученная с использованием алгоритма PMI матрица расстояний между отдельными символами далее применяется для оценки матрицы расстояний между фонетическими вариациями английского языка по аналогии с классическим подходом Левенштейна.

Данный алгоритм имеет итеративную природу, поэтому результат зависит от исходно задаваемой матрицы расстояний между символами. Проведённые числовые эксперименты при разных начальных условиях, а также при наличии или отсутствии запрета на замену гласных или полугласных согласными (и наоборот), показали стабильный, слабо меняющийся результат. В качестве иллюстрации мы приводим количественную оценку парных расстояний с применением запрета на замену после построения матрицы расстояний между символами по упомянутому алгоритму (табл. 5, рис. 5).

**Т а б л и ц а 5. Матрица парных расстояний
(PMI-алгоритм с ограничениями на замены, ex post)**

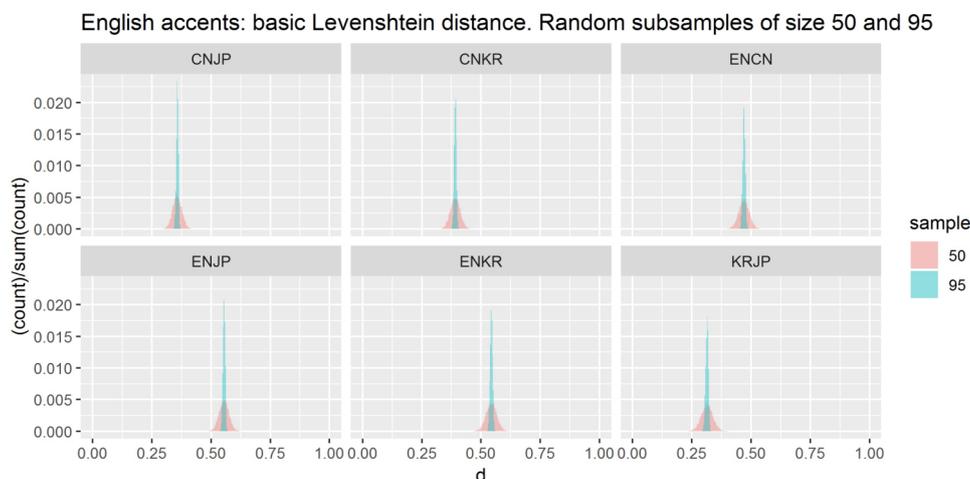
Вариация	EN	CN	KR	JP
EN	0	0.194	0.219	0.240
CN	0.162	0	0.160	0.176
KR	0.189	0.160	0	0.143
JP	0.214	0.176	0.143	0

**Р и с у н о к 5. Визуализация расстояний
(PMI-алгоритм с ограничениями на замены, ex post)**

Устойчивость полученных результатов оценена по отношению к изменению размера «словаря» для всех рассмотренных выше случаев 1-5. Для каждого случая мы 10000 раз строим две случайные выборки из списка Сводеша, состоящие из 95 и из 50 слов, и вычисляем соответствующие парные расстояния. Затем оцениваем распределение полученных результатов по всем построенным наблюдениям. В качестве примера

на рисунке 6 приведены распределения вычисленных расстояний между всеми шестью парами рассматриваемых вариаций английского языка, соответствующие случаю 1 (простой алгоритм Левенштейна, без запретов или модификаций).

Р и с у н о к 6. Распределение расстояний между парами вариаций английского языка (простой алгоритм Левенштейна)

5. Заключение

Результаты проведённого количественного анализа фонетической вариативности на примере региональных разновидностей английского языка Восточной Азии позволяют сделать вывод о продуктивности применения подхода Левенштейна и его модификаций к числовой оценке лингвистических дистанций. В данной работе мы посчитали целесообразным модифицировать указанный подход таким образом, чтобы он отвечал задаче вычисления показателей фонетической микровариативности: последовательному сравнению подвергались фонетические реализации слов, характерных для речи билингвов из стран Восточной Азии, на основе анализа выделенного «базового словаря». Представляется также оправданным использование методов многомерного шкалирования для визуализации выявленных матриц «фонетических расстояний».

Полученные количественные оценки демонстрируют высокую степень структурной устойчивости, при сохранении относительных пропорций взаимной различимости рассматриваемых вариаций английского языка. В частности, во всех числовых оценках условная «удалённость» японской фонетической вариации английского языка от «эталонной» транскрипции оказывается максимальной. При этом фонетические реализации слов японского английского и корейского английского в рассматриваемом контексте сравнительно близки друг другу, а реализации китайского английского стоят особняком, демонстрируя как существенное отличие от «эталона», так и значимое отличие от двух других вариаций.

В целом, полученные результаты имеют три основные интерпретации. Во-первых, они позволяют оценить непосредственную степень отличия каждой из трёх рассматриваемых фонетических вариаций (для носителей китайского, корейского и японского языков) от «эталонного» английского языка. Во-вторых, количественные оценки дают возможность попарного сопоставления трёх указанных вариаций между

собой. В-третьих, полученные матрицы «фонетических расстояний» для данных вариаций английского языка могут быть использованы в дальнейших исследованиях как «прокси-переменные» для количественной оценки сложностей, возникающих в устной коммуникации английского языка между представителями рассматриваемых стран Восточной Азии. Последнее имеет широкое потенциальное применение в различных областях, включая оценку экономического потенциала взаимодействия стран с учётом сопутствующей бизнес-коммуникации, оценку активности и потенциальных препятствий межкультурной коммуникации и ряда других параметров.

Перспектива исследования видится в проведении дальнейших количественных оценок фонетических различий с учётом вариантности как внутри региональных (территориальных) разновидностей, так и внутри эталонного варианта английского языка.

Список литературы

- Вебер, Ш. Социально-экономические эффекты языкового разнообразия [Текст] / Ш. Вебер, Д. В. Давыдов // Вопросы экономики. – М., 2017. – № 11. – С. 50–62.
- Завьялова, В. Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования : дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Завьялова Виктория Львовна ; ДВФУ. – Владивосток, 2018. – 584 с.
- Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / под ред. Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьева. – М. : Наука, 1976. – С. 5–33.
- Ягунова, Е. В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) [Текст] / Е. В. Ягунова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2008. – 395 с.
- Cambridge dictionary [Electronic Resource]. – Cambridge University Press, 2019. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 23.04.2019).
- Chang, C.-C. Non-native English at international conferences: Perspectives from Chinese–English conference interpreters in Taiwan [Text] / C.-C. Chang, M. Min-chia Wu // Interpreting. – 2014. – P. 169–190. – DOI : 16. 10.1075/intp.16.2.02cha.
- Desmet, K. Linguistic Diversity and Redistribution [Text] / K. Desmet, I. Ortuno-Ortin, S. Weber // Journal of the European Economic Association. – 2009. – Vol. 7. – N. 6. – P. 1291–1318.
- Felbermayr, G. Cultural Proximity and Trade [Text] / G. Felbermayr, F. Toubal // European Economic Review. – 2007. – Vol. 54. – N 2. – P. 279–293.
- Ginsburgh, V. How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity [Text] / V. Ginsburgh, S. Weber – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 256 p.
- Gooskens, C. Perceptive evaluation of Levenshtein dialect distance measurements using Norwegian dialect data [Text] / C. Gooskens, W. Heeringa. // Language Variation and Change. – 2004. – Vol. 16. – N 3. – P. 189–207.
- Huh, J. Phonological consideration of World Englishes in interpreter training: pedagogical suggestions based on an experimental study of consecutive interpretation [Text] / J. Huh // The Interpreter and Translator Trainer. – 2017. – N 11(1). – P. 1–23. – doi.org/10.1080/1750399x.2017.1310598.
- Levenstein, V. Binary codes capable of correction deletions, insertions, and reversals [Text] / V. Levenstein // Cybernetics and Control Theory. – 1966. – Vol. 10. – N 8. – P. 707–710.
- Lin, I. I. The impact of non-native accented English on rendition accuracy in simultaneous interpreting [Text] / I. I. Lin, F. A. Chang and F. Kuo // The International Journal of Translation and Interpreting Research. – 2013. – N 5(2). – P. 30–44.
- Measuring foreign accent strength in English: Validating Levenshtein distance as a measure [Text] / M. Wieling, J. Bloem, K. Mignella, M. Timmermeister, J. Nerbonne // Language Dynamics and Change. – 2014. Vol. 4. – N 2. – P. 253–269.

- Melitz, J. Language and Foreign Trade [Text] / J. Melitz // *European Economic Review*. – 2008. – Vol. 52. – N 4. – P. 667–699.
- Swadesh, M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating [Text] / M. Swadesh // *International Journal of American Linguistics*. – 1955. – Vol. 21. – P. 121–137.

References

- Weber, Sh., Davydov, D. V. (2017). Sotsial'no-ekonomicheskiye efekty yazykovogo raznoobraziya [Socio-economic effects of linguistic diversity]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 11, 50–62.
- Zavyalova, V. L. (2018). *Zvukovoi stroi angliyskogo yazyka Vostochnoi Azii: kontseptsiya regional'nogo foneticheskogo var'irovaniya* [Sound system of English in East Asia: the concept of regional phonetic variation]. Doctoral in in Philological sci. diss. Far Eastern Federal University. Vladivostok.
- Zimnyaya, I. A. (1976). Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobscheniya [Semantic perception of speech message]. In T. M. Dridze, A. A. Leontiev (Eds.), *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobscheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of speech message (In mass communication)] (pp. 5–33). Moscow : Nauka Press.
- Yagunova, E. V. (2008). *Variativnost' strategii vospriyatiya zvuchashego teksta (eksperimental'noe issledovanie na materiale russkoyazychnyh tekstov raznyh funktsional'nyh stilei)* [Variability of strategies of oral text perception (Experimental research based on Russian texts of different functional styles). Perm : Perm State University Press.
- Cambridge dictionary (2019). Cambridge University Press. Retrieved April 23, 2019 from <<https://dictionary.cambridge.org/>>.
- Chang, C.-C., Min-chia Wu, M. (2014). Non-native English at international conferences: Perspectives from Chinese–English conference interpreters in Taiwan. *Interpreting*, 169–190. DOI: 16. 10.1075/intp.16.2.02cha.
- Desmet, K., Ortuno-Ortin, I., Weber, S. (2009). Linguistic diversity and redistribution. *Journal of the European Economic Association*, 7 (6), 1291–1318.
- Felbermayr, G., Toubal, F. (2007). Cultural proximity and trade. *European Economic Review*, 54 (2), 279–293.
- Ginsburgh, V., Weber, S. (2011). *How many languages do we need? The economics of linguistic diversity*. Princeton: Princeton University Press.
- Gooskens, C., Heeringa, W. (2004). Perceptive evaluation of Levenshtein dialect distance measurements using Norwegian dialect data. *Language Variation and Change*, 16 (3), 189–207.
- Huh, J. (2017). Phonological consideration of World Englishes in interpreter training: pedagogical suggestions based on an experimental study of consecutive interpretation. *The Interpreter and Translator Trainer*, 11 (1), 1–23. doi.org/10.1080/1750399x.2017.1310598.
- Levenstein, V. (1966). Binary codes capable of correction deletions, insertions, and reversals. *Cybernetics and Control Theory*, 10 (8), 707–710.
- Lin, I. I., Chang, F. A., Kuo, F. (2013). The impact of non-native accented English on rendition accuracy in simultaneous interpreting. *The International Journal of Translation and Interpreting Research*, 5 (2), 30–44.
- Melitz, J. (2008). Language and Foreign Trade. *European Economic Review*, 52 (4), 667–699.
- Swadesh, M. (1955). Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*, 21, 121–137.
- Wieling, M., Bloem, J., Mignella, K., Timmermeister, M., Nerbonne, J. (2014). Measuring foreign accent strength in English: Validating Levenshtein distance as a measure. *Language Dynamics and Change*, 4 (2), 253–269.

УДК 81'42

UDC 81'42

Ахметгареева Оксана Федоровна
Военный университет Министерства обороны
г. Москва, Российская Федерация
Akhmetgareeva Oksana Fedorovna
Military University of the Ministry of Defence
Moscow, Russian Federation
oksanafed1979@mail.ru

**ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ**
**THE FUNCTIONS OF PERSONAL PRONOUNS IN THE PRESIDENTIAL
DISCOURSE OF GEORGIA**

Аннотация

В предлагаемой статье анализируются функции личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Рассматриваются особенности использования местоимений в президентском дискурсе, где они являются одним из эффективных средств манипулирования общественным мнением, а также значимой характеристикой политика, отражающей его мировоззрение и идеологию. В статье предпринята попытка показать специфику личных и притяжательных местоимений на материале современных грузиноязычных политических текстов. Кроме того, уделяется внимание употреблению личного местоимения 1-го лица с глаголом 1-го лица. Детальное изучение выступлений президента Грузии позволило сделать вывод об эффективности этого грамматического сочетания, которое способствует достижению особого прагматического эффекта и придаёт определённую экспрессивность высказыванию. Результатом проведённого анализа явилось выделение в президентском дискурсе Грузии наиболее актуальных функций местоимений для данного вида дискурса: детерминация, демонстрация статусного превосходства и объединение.

Abstract

The article analyzes the functions of personal and possessive pronouns in the presidential discourse of modern Georgia. The article considers the use of pronouns in presidential discourse, where it is one of the effective means of manipulating public opinion, as well as a significant feature of a politician, reflecting his worldview and ideology. The article attempts to show the specificity of personal and possessive pronouns on the material of modern Georgian-language political texts. In addition, attention is paid to the use of the personal pronoun of the 1st person with the verb of the 1st person. A detailed study of the speeches of the President of Georgia made it possible to draw a conclusion about the effectiveness of this grammatical combination, which contributes to the achievement of a special pragmatic effect and gives a certain expressiveness to the statement. The result of the analysis of the presidential discourse of Georgia was the identification of the most relevant functions of pronouns for this type of discourse: determination, status superiority demonstration, expressing unity.

Ключевые слова: грузинский язык, личные и притяжательные местоимения, межкультурная, межнациональная и межгосударственная коммуникация, президентский дискурс.

Keywords: the Georgian language, personal and possessive pronouns, intercultural, inter-ethnic and interstate communication, presidential discourse.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_18_25

1. Введение

Обострение политической обстановки в современном мире не могло не найти своё отражение в политических текстах, так как именно текст выступает ключевой формой институциональной коммуникации. Следствием этого становится постепенное усиление в политическом и общественном дискурсах имплицитных форм подачи информации.

Присутствуя в большинстве сфер общественной жизни, политика, бесспорно, оказывает огромное воздействие на способы коммуникации между индивидами. Отдавая дань тенденции к политизированности общества, коммуникация во всех своих проявлениях чаще всего организовывается и реализуется на уровне политики. Представляя собой совокупность эффективных речевых действий, политическая коммуникация служит достижению основополагающей цели политиков – не просто добиться власти, но и удержать её. Политические элиты стремятся к эффективному управлению человеческим поведением, используя действенные стратегии и тактики речевого воздействия. Дискурсивное выражение политической власти проявляется в системе коммуникации между её субъектами, где стратегической целью одного из коммуникантов – политического деятеля, является манипулирование аудиторией через использование по возможности слабых коммуникативных сторон противника. Для политического дискурса характерна высокая степень аргументации, где просматривается его флективная составляющая – в зависимости от ситуации аргументативность политического дискурса может служить отстаиванию точки зрения, оправданию или опровержению мнения либо для получения одобрения аудитории.

По нашему мнению, в ситуации активного политического противоборства, использование языковых средств воздействия на массового адресата представляет собой совокупность взаимосвязанных действий, направленных на достижение главной цели – политического доминирования или превосходства.

Политический дискурс современной Грузии находится на этапе своего развития – это объясняется активной политической жизнью страны в последние десятилетия, а также рядом значимых политических событий, произошедших в конце 20-го начале 21-го вв. Ситуация, сложившаяся в обществе, а также задачи, стоящие перед политиками, определяют особенности их речевого поведения, целью которого является воздействие на интеллектуальную, идеологическую и эмоциональную составляющие адресата. Воздействующая функция, активно используемая в политической коммуникации, реализуется через применение языковых средств воздействия, стратегий и тактик, что оказывается основной составляющей политической коммуникации. Семантическое своеобразие местоимений давно выступает предметом научного интереса лингвистов, например Л. Блумфилд, Е. М. Вольф, Г. Суит рассматривали местоимения как слова-заменители (субституты), З. Харрис называл их «проформы», Ф. Брюно – «репрезентанты» и так далее. Один из основателей дескриптивного направления структурной лингвистики Л. Блумфилд признавая несамостоятельность местоимений, предлагал объединить существительные и местоимения в одну, более крупную часть речи субстантивные слова. Это обуславливается тем, что функция субституции является основной для класса местоимений [Bloomfield, 1933, с. 269–275.]. Описание местоимений как указательных слов мы находим в работах таких ученых, как К. Бругмана К. Бюлера А. А. Потебня – это связано с введением в понятийный аппарат термина «дейксис». Дейктические элементы, или индексальные выражения, в терминологии Ч. С. Пирса,

явили собой классический объект изучения прагматики с 50-х годов XX века [Арутюнова, 1985, с. 3–42]. Основными функциями местоимений являются дейктическая, субституционная и анафорическая. При этом очевидно, что местоимения – это прагматически разнообразный класс слов. Мы разделяем точку зрения Дж. Юла, согласно которой именно простота формы местоимений маскирует сложность их использования [Yule, 1996, с. 89].

В данной статье научный интерес автора фокусируется на разряде личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Исследование именно грузиноязычных текстов нам кажется актуальным, поскольку на сегодняшний день в России нет работ, посвящённых описанию грузинского языка в рамках изучения политического дискурса и политических текстов. Будучи национальным языком большинства населения Грузии и имея более чем двухтысячелетнюю историю грузинский язык – это хранитель национальной культуры народа, где языковые единицы (в данной работе – местоимения) являются средством передачи любой информации, в том числе и политической.

2. Некоторые особенности президентского дискурса Грузии

При изучении текстового материала и исследовании грузиноязычных политических текстов, нами поставлена задача дать описание специфике функционирования личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Поставленная задача показала необходимость анализа употребления и функционирования местоимений в современных грузиноязычных политических текстах. Думается целесообразным показать особенность функционирования отобранных для исследования разрядов местоимений на материале текстов выступлений президента Грузии. В рамках коммуникативной стратегии текста семантика и функции местоимений приобретают особое значение.

Коммуникативно правильное применение местоимений способствует созданию особого эффекта в речи политиков. Для политика важно создать имидж наиболее подходящего лидера своей нации, способного разделить и защитить интересы представителей всех социальных слоев. Согласно точке зрения французского лингвиста Э. Бенвениста, в речевом акте с местоимениями Я и ТЫ объединяется группа указательных слов, к которым относятся местоимения, наречия, наречные выражения и т. п., и которые зависят от центра персональности, местоимений Я, ТЫ [Бенвенист, 1974, с. 287]. Для политических деятелей важно владеть искусством умелого использования языковых средств с целью убеждения адресата в правильности своих позиций, а также в том, что все действия политика направлены исключительно на защиту интересов общества. Демонстрируя отстаивание интересов общества, политик опирается на сложившийся веками национальный менталитет, что является характерной чертой политического дискурса современной Грузии. Расставляя акценты в своих обращениях на общечеловеческих ценностях, политик позиционирует себя как одно целое с народом. Человеку свойственно сравнивать себя с другими членами социума когда речь идет о поиске и определении своего места в обществе. «Соотнося себя с другими людьми, он включается в объективную сеть политических отношений, он начинает определять своё Я, исходя из того, какое место он занимает в политическом пространстве, к какой группе принадлежит, какова его политическая идентичность» [Пушкарева, 2004, с. 27].

Г. В. Пушкарева определяет политическую идентичность как «особый вид эмоционально переживаемого знания, хранящегося в памяти человека, это самопрезентация индивида, определяющие его самоотнесение с той или иной группой политических акторов, с той или иной позицией в системе политических властеотношений» [там же].

В рамках манипулятивных техник Е. Н. Рядчикова выделяет контакт «... который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему», а примером служат обращения типа «коллега», «земляк», а также местоимение «мы», которое способствует тому, чтобы слушающий ясно осознавал, что говорящий такой же, как и он сам [Рядчикова, 2005, с. 290–300].

Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000, с. 159] определены особые вербальные знаки интеграции, способствующие отождествлению политиков себя с аудиторией, призывающие к общей национальной, статусной и иной социальной принадлежности. Среди них:

- «маркеры своих»: инклюзивное *мы*, лексемы совместности (*вместе, все, наши, единство, единый, блок, союз, объединение*);
- лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией 'я свой' (*друзья, товарищи, братья и сестры, сограждане, россияне, коллеги, земляки, мужики*);
- формулы причастности (*Я, как все...*).

Значимой характеристикой политика является использование или игнорирование местоимения первого лица, однако функции личных и притяжательных местоимений, употребляемых в президентском дискурсе современной Грузии, на сегодняшний день не проанализированы и научно не описаны.

Проводя анализ употребления местоимений в политическом дискурсе современной Грузии, нельзя не сказать о разнообразии их экспрессивно-стилистических функций. Например, употребляя местоимения «мы», «наш» в политических текстах выполняется функция группового объединения, демонстрация единства говорящего с другими лицами или социальными группами. В своей инаугурационной речи президент Грузии Г. Маргвелашвили употребил местоимения: *мы* – 20 раз, *наш, наши, нам, нас* – 21 раз, *я* – 17 раз. Отрывок данной речи приведён ниже (здесь и далее перевод наш – О. А.).

<p>მაგრამ ჩვენ, აქამდე ვერ ვახერხებდით, ჩვენი ევროპელობა ახელმწიფოებრივ ინსტიტუციურ ანზომილებაში გადაგვეტანა.</p>	<p>Но, до сих пор, <i>нам</i> не удавалось перенести <i>нашу</i> европейскость в государственное институциональное измерение.</p>
<p>შარშანდელი პირველი ოქტომბრის შემდეგ, ჩვენ შევძელით ჭეშმარიტად პოლიტიკური როცესებისთვის დავუდეთ სათავე.</p>	<p>После первого октября прошлого года, <i>мы</i> сумели положить начало истинно политическим процессам.</p>
<p>ერთი წლის წინ, ბიძინა ივანიშვილმა გაგვავრთიანა და ერთიანობით, ჩვენ გაგვაკეთეთ ის, რაც შეუძლებელი ჩანდა - მშვიდობიანად, არჩევნებით ჩავუყარეთ საფუძველი ჩვენი ქვეყნის წარმატებულ პოლიტიკურ მომავალს.</p>	<p>Год назад, Бидзина Иванишвили объединил нас и при помощи этого единства <i>мы</i> сделали то, что казалось невозможным – мирно, путём выборов, заложили фундамент успешного политического будущего нашей страны.</p>

ამის შემდეგ, ჩვენ არა მხოლოდ შევინარჩუნეთ და განვამტკიცეთ სტაბილურობა ქვეყანაში, განვახორციელეთ მნიშვნელოვანი ეკონომიკური, სოფლის მეურნეობის, ჯანდაცვის, აგანმანათლებლო, სოციალური პროექტები, არამედ მოვახერხეთ მაღალი დემოკრატიული სტანდარტებით არჩევნების ჩატარება.	После этого <i>мы</i> не только сохранили и укрепили стабильность в стране, осуществили важные экономические, сельскохозяйственные, здравоохранительные, образовательные, социальные проекты, но сумели провести выборы по высоким демократическим стандартам.
ამ არჩევნებში ჩვენმა კოალიციამ დამაჯერებელი გამარჯვება მოიპოვა.	В этих выборах <i>наша</i> Коалиция одержала убедительную победу.

Данный пример был взят из инаугурационного выступления Г. Маргвелишвили [Речь президента, 2011]. Он взывает к народу, его постоянное употребление *мы, нас, нашу* подчёркивает, что президент, Грузия и народности её населяющие – неразделимое единое целое. Таким образом, можно сделать вывод, что личные и притяжательные местоимения могут выполнять функцию группового объединения в случаях, когда речь идёт об их употреблении во множественном числе 1-го лица, а также детерминирующую функцию, направленную на создание положительного имиджа лидера, конкретизирующую излагаемые им цели, выделяющую оппозицию «свои – чужие».

Значимой компонентой при создании положительного имиджа политиков является употребление местоимения первого лица единственного числа *მე 'я'*, что показывает их интенцию подчеркнуть важность настоящего момента, демонстрирует степень ответственности за высказанное мнение, а также придаёт речам политиков субъективный характер. Искренность и открытость к диалогу, вовлечённость в важные социально-политические события также подчёркивается употреблением местоимения 1-го лица единственного числа. Подвергая анализу употребление личного местоимения *მე - 'я'* в грузинском политическом дискурсе, мы опираемся на мнение А. В. Бондарко, который указывает на то, что специфика данного личного местоимения заключается в его роли в качестве ядра грамматического центра поля персональности. Соответственно, оно представляет центральную сферу семантики персональности и тем самым исключает участие в речевом акте. А. В. Бондарко указывает на то, что реальное *Я* отражается, прежде всего, в системе глагольных и местоименных форм лица [Бондарко, 2002, с. 560–570].

Кроме личных местоимений всех трёх лиц единственного и множественного чисел, могущих сопутствовать соответствующим личным глагольным формам, сама личная форма глагола включает в себе показатели лиц субъекта в виде префиксов или суффиксов [Руденко, 1940, с. 89]. В грузинском языке показателем глагола 1-го лица для обоих чисел выступает префикс *ვ- 'в'*, что допускает использование в грузинском языке глагола без местоимения, но требует перевода на русский язык с местоимением. Употребление в инаугурационной речи президента Грузии личного местоимения *მე 'я'* вместе с глаголом 1-го лица с префиксом *ვ-* усиливает экспрессивность высказывания, подчёркивает неоспоримость лидерства Г. Маргвелишвили, усиливает осознание степени ответственности за государство и грузинский народ. Выразительность речи при переводе сохраняется, поскольку свободный порядок слов в русском варианте этих предложений помогает подчеркнуть необходимость предпринимаемых избранным президентом действий.

<p>მე, როგორც ქვეყნის პრეზიდენტი, ახელისუფლებო გუნდთან ერთად, ვიღებ ამ პოლიტიკის განხორციელების პასუხისმგებლობას.</p>	<p>Я, как Президент страны, вместе с правительственной командой, принимаю ответственность за осуществление этой политики.</p>
<p>როგორც პორეზიდენტი, მე ვემსახურები თითოეულ თქვენთაგანს. საქართველოს ყველა მოქალაქისთვის, ერთნაირად ვიქნები უფლებათა დაცვის გარანტი.</p>	<p>Как Президент, я служу каждому из вас. Я буду гарантом защиты прав одинаково для всех граждан Грузии.</p>
<p>მე, როგორც ქვეყნის უმაღლესი მთავარსარდალი, ქედს ვიხრი ჩვენი დაღუპული გმირების ხსოვნის წინაშე. მათი სახელი დავიწყებას არასდროს მიეცემა.</p>	<p>Я, как верховный главнокомандующий страны, преклоняюсь перед памятью наших погибших героев. Их имена никогда не будут нами забыты.</p>
<p>მე მჯერა, რომ ყველაზე უარესი წლები, უკან მოვიტოვეთ; რომ ჩვენი ქვეყნის ოქროს ხანა ეკუთვნის არა მხოლოდ წარსულს, არამედ მომავალსაც. ეს ხედვა რეალურად ერთ დღეში ვერ იქცევა, მაგრამ მე ვხედავ საქართველოს, რომელიც მისი შვილებისათვის არა გადარჩენისთვის ბრძოლის, არამედ ღირსეული ყოფის, სიცოცხლით ტკობის, ნიჭიერების გაფურჩქვნისა და თვითრეალიზაციის სივრცეა.</p>	<p>Я верю, что мы оставили позади самые худшие годы; что золотая эра нашей страны принадлежит не только прошлому, но и будущему. Это видение не может стать реальностью в один день, но я вижу Грузию, которая является для ее сынов пространством не для борьбы за выживание, но достойного бытия, наслаждения жизнью, расцвета таланта и самореализации.</p>
<p>მე ვხედავ ქვეყანას, რომელსაც მსოფლიო იცნობს არა პოლიტიკური კრიზისებით თუ ჰუმანიტარული პრობლემებით, არამედ მისი განსაცვიფრებელი სილამაზით, ცხოვრების სილადით და...</p>	<p>Я вижу страну, известную миру не политическими кризисами или гуманитарными проблемами, но своей удивительной красотой, вкусом к жизни...</p>
<p>მე ვხედავ ენერგიას, რომელმაც რუსთაველს „ვეფხისტყაოსანი“ შეაქმნევინა...</p>	<p>Я вижу энергию, благодаря которой Руставели создал «Витязя в тигровой шкуре»...</p>
<p>მე ვხედავ იმ აღტაცების გამეორებას, რომელიც მოჰგვარა მსოფლიოს მცხეთის ჯვრის სილიადემ...</p>	<p>Я вижу повторение восторга, в который привели мир величие монастыря Джвари...</p>

Данные примеры свидетельствуют о том, что разворачивающаяся в высказывании ситуация непосредственно соотносится с коммуникантами с путём использования личного местоимения *Я* с глаголом 1-го лица с префиксом *з-*, что позволяет охватывать зоны субъектности то есть указывать на того, кто говорит и выступает в качестве от-правной точки высказывания.

В приведённых примерах личная форма глагола выступает, в том числе, и категорией персональности, так как в форме глагола показана категория лица. Будучи

грамматическим центром персональности, категория лица местоимений и глаголов обретает многофункциональность, что позволяет говорить о выполнении не только семантических функций, но ещё и функций прагматических в случаях, обусловленных особенностью коммуникативной ситуации.

3. Заключение

Обобщая теоретический материал и подводя итог анализу функций местоимений в президентском дискурсе Грузии, мы выделили наиболее, на наш взгляд, актуальные функции для данного вида дискурса:

– функция детерминации, в случаях, когда местоимение 1-го лица единственного числа выступает, в первую очередь, как средство детерминации, то есть определения говорящего, инициатора коммуникативного акта;

– функция демонстрации статусного превосходства, в случаях, когда использование личного местоимения 1-го лица единственного числа в роли подлежащего может говорить о социально-статусном доминировании говорящего над аудиторией, присвоении себе лидирующих позиций с правом отдавать распоряжения и /или навязывать свою систему ценностей;

– функция объединения, где местоимение 1-го лица множественного числа служит имплицитным целям сближения говорящего со слушающим.

В рамках политического дискурса использование *мы* часто несёт в себе тенденцию включённости в общее дело, в социум, благодаря чему человек ощущает себя причастным к происходящим событиям и одним из действующих лиц оных.

Говоря об употреблении личного местоимения *Я* в совокупности с глаголом 1-го лица в грузинском президентском дискурсе, следует отметить, что данное грамматическое сочетание способствует достижению особого прагматического эффекта и придаёт определённую экспрессивность высказыванию. Путём их частотного использования, президент представляет себя разделяющим интересы своего народа и наиболее эффективным лидером своей нации, особенно пробуждая чувство народного единства.

Список литературы

- Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 488 с.
- Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка [Текст] / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2002. – 736 с.
- Пушкарева, Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода [Текст]: автореф. дис. ... д-ра политич. наук: 23.00.01 / Пушкарева Галина Викторовна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 42 с.
- Рядчикова, Е. Н. Речевое воздействие как вид манипуляции [Текст] / Е. Н. Рядчикова // Личность в пространстве языка и культуры. – М.; Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. – С. 290–300.
- Речь президента [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://president.spl.ge/ge/>.
- Руденко, Б. Т. Грамматика грузинского языка [Текст] / Б. Т. Руденко. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – 275 с.
- Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шейгал Елена Иосифовна; ВГПУ. – Волгоград, 2000. – 431 с.

Bloomfield, L. *Language* [Text] / L. Bloomfield. – N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1933. – 564 p.
Yule, G. *Pragmatics* [Text] / G. Yule. – London : Oxford University Press, 1996. –138 p.

References

- Arutyunova, N. D., Paducheva, E. V. (1985). Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origin, problems and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New issues in foreign linguistics] (Vol. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], pp. 3–42). Moscow : Progress Press.
- Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow : Progress Press.
- Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury (Studia philologica) Press.
- Pushkareva, G. V. (2004). *Politicheskoe povedenie: teoriya, metodologiya i prakticheskie vozmozhnosti kognitivnogo podhoda* [Political behavior: Theory, methodology and practical possibilities of cognitive approach]. Author's abstract of Doctoral in Political sci. diss. Lomonosov Moscow State University : Moscow.
- Ryadchikova, E. N. (2005). Rechevoe vozdeystvie kak vid manipulyatsii [Speech impact as a type of manipulation]. *Lichnost' v prostranstve yazyka i kul'tury* [Personality in the space of language and culture] (pp. 290–300). Moscow ; Krasnodar.
- Rech' prezidenta [President speeches]. Retrieved from <<http://president.spl.ge/ge/>>.
- Rudenko, B. T. (1940). *Grammatika gruzinskogo yazyka* [Georgian grammar]. Moscow : USSR Academy of Sciences Press.
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Political discourse semiotics]. Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd State Pedagogical University. Volgograd.
- Bloomfield, L. (1933). *Language*. N. Y. : Holt, Rinehart & Winston.
- Yule, G. (1996). *Pragmatics*. London: Oxford University Press.

УДК 811.161.1, 811.581, 81'342.3

UDC 811.161.1, 811.581, 81'342.3

Бай Сюйхаожань
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
Bai Xuhaoran
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
baisujxaozhan@yandex.ru

**ПРИЧИНЫ ОШИБОК ПРИ ВОСПРИЯТИИ
ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ: НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**
**REASONS FOR MISTAKES IN FOREIGN SPEECH PERCEPTION:
BASED ON RUSSIAN AND CHINESE**

Аннотация

Свободное владение иностранным языком предполагает освоение всех видов речевой деятельности. Аудирование является одним из самых сложных видов речевой деятельности для инофонов при изучении иностранного языка. Это подтвердили данные нашего опроса 52 китайских и 50 русских респондентов – учащихся вузов (бакалавры, магистранты и аспиранты) г. Челябинска в возрасте 18–28 лет. Статья представляет собой анализ причин, влияющих на ошибки в практике аудирования при изучении китайцами русского языка и русскими – китайского. Среди таковых выделяются психологические причины (обструкционистская тревожность и отсутствие мотивации) и лингвистические, включая фонетические (разница фонологической системы: количество звуков языка, тон в противоположность ударению, процессы связной речи), лексикографические, лексико-грамматические (недостаток словарного запаса, разница грамматических категорий и способов построения предложения), а также недостаток знания о лингвокультурных реалиях. Производимые ошибки – естественный результат отрицательной интерференции родного языка.

Abstract

Fluency in a foreign language presupposes advancement in various skills. When learning a foreign language, listening is one of the most difficult types of language practices for non-native speakers. The results of the present research based on the survey of 52 Chinese and 50 Russian L2 learners, aged 18–28 (Bachelor, Master and PhD levels) in Chelyabinsk support this viewpoint. The current paper analyzes the causes of mistakes in listening comprehension made by Chinese learners of Russian and Russian learners of Chinese. The causes can be of psychological nature (anxiety and the lack of motivation), of linguistic nature reflected on the phonetic (number of sounds, syllable tone vs lexical stress, connected speech processes), lexicographic, lexical-grammatical (the lack of vocabulary, differences of grammatical categories and syntactic sentence patterns) levels, as well as the lack of knowledge regarding cultural realities. These mistakes are a naturally expected as a result of the negative interference of the mother tongue.

Ключевые слова: ошибка, аудирование, психология, интерференция, фонетика, словарный запас, культура.

Keywords: mistake, listening, psychology, language interference, phonetics, vocabulary, culture.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_26_32

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что свободное владение иностранным языком предполагает освоение всех видов речевой деятельности. Среди этих навы-

ков для учащихся одним из самых трудных видов речевой деятельности является аудирование, представляющее собой не пассивное действие, а активный процесс восприятия. Цель нашей работы – выявить основные причины появления ошибок при аудировании и на основании этих причин обобщить стратегии для подготовки в практике аудирования речи на иностранном языке.

В 2018 г. нами был проведён эксперимент с целью выявить тот вид речевой деятельности, для которого характерно наибольшее количество ошибок при изучении иностранного языка. Было опрошено 52 китайских и 50 русских респондентов, в основном учащихся вузов (бакалавры, магистранты и аспиранты) г. Челябинска, в возрасте от 18 до 28 лет, изучающих иностранный язык (русский и китайский языки). Опросный лист предъявлялся на родном языке (китайском и русском соответственно). Опросник включал данные о поле, возрасте, специальности, времени изучения иностранного языка. Вопрос выглядел следующим образом:

对您而言, 在使用俄语的过程中, 经常出现哪些错误? (具体表现在哪些方面: 书写? 阅读? 口语? 听力?) – Какие ошибки при использовании иностранного языка (русского / китайского) Вы допускаете чаще всего (в каких видах речевой деятельности: письме, чтении, говорении, слушании)?

Используя статистические методы, мы получили следующие результаты: 53% китайских и 54% русских респондентов – практически равное количество – полагали, что чаще всего допускают ошибки в аудировании. Отсюда несложно сделать вывод о том, что именно аудирование является универсальной значительной сложностью для носителей обоих языков. Это и побудило нас обратиться к основным причинам, обуславливающим ошибки в процессе аудирования «чужой» речи.

2. Психологические причины ошибок при аудировании

Аудирование – это двусторонний процесс, предполагающий восприятие и анализ информации на слух и обратную связь, поэтому исследование аудирования показывает не только уровень владения иностранным языком, но и проблемы, возникающие при изучении иностранного языка. Поскольку в процессе слушания для начинающих психологические факторы играют важную роль, остановимся подробнее на психологических аспектах процесса аудирования.

Первая ситуация, влияющая на восприятие текста в процессе аудирования, связана с тревожностью. Как правило, это можно объяснить тем, что при изучении и использовании иностранного языка возникает много психических состояний, например, напряжение, страх, беспокойство и другие, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на освоение иностранного языка. Так, Ч. Д. Спилбергер выделяет активную и обструкционистскую тревожность [Spielberge, 1972, с. 46]. Первая полезна, поскольку помогает учащимся проявлять интерес к языку и способствует реализации цели. Напротив, второй тип тревожности – обструкционистская тревожность – мешает овладению иностранным языком. В ходе тренировки аудирования время для запоминания и понимания услышанного ограничено: мы должны запомнить, понять, проанализировать информацию в сжатые временные рамки. Много начинающих часто работают в сложной психологической атмосфере и слушают в большом напряжении, некоторые обучающиеся не могут услышать всё содержание. По этой причине неизбежно возникают ошибки и трудности восприятия.

Вторая ситуация – отсутствие учебной мотивации. Думается, что при изучении иностранного языка мотивация чаще всего является одним из самых активных факторов в учёбе. Это можно объяснить тем, что мотивация является точной целью для какого-либо вида деятельности. А. К. Маркова выделяет три уровня познавательных

мотивов: «1) широкие познавательные мотивы, когда ученик стремится овладеть новыми знаниями: фактами, явлениями, закономерностями; 2) учебно-познавательные мотивы, когда учащийся стремится овладеть способами приобретения знаний; 3) мотивы самообразования, когда учащийся желает приобрести дополнительные знания и умения и строит программы самосовершенствования» [Маркова, 1983, с. 96]. Мотивация в изучении иностранного языка считается неинтеллектуальным фактором, в сравнении с интеллектуальным фактором (например, умением).

Таким образом, обструкционистская тревожность и отрицательные эмоции влияют на восприятие и понимание иностранного языка, что может приводить к неоправданной ошибке. В то же время, отсутствие учебной мотивации, не имеющее непосредственного влияния на появление ошибок, всё же отражается на отношении к учёбе.

3. Интерференция родного языка как причина ошибок при аудировании

В процессе речевой деятельности на иностранном языке происходит влияние родного языка на наше восприятие и выражение мыслей. Это влияние называется интерференцией родного языка. В практике аудирования иностранного языка интерференция родного языка также ведёт к появлению большого количества ошибок.

Н. Н. Рогозная писала следующее: «С целью облегчения процесса обучения иностранному языку в 1978 году в свет начал выходить болгарский журнал «Сопоставительное языкознание», в США в помощь преподавателям иностранных языков была выпущена серия «Контрастивные структуры», создаются двуязычные программы по изучению английского языка (немецко-английская, польско-английская, сербо-хорватско-английская и венгро-английская). На основе сопоставления учёные пытаются предсказать возможные трудности в изучении иностранного языка и тем самым предупредить появление многочисленных ошибок, а также дать объяснения конкретным действиям учащихся в тех случаях, когда родной язык влияет на изучаемый как в плане совпадения (перенос, позитивная трансформация или транспозиция), так и в плане различий (отрицательный перенос, интерференция)» [Рогозная, 2001, с. 14].

Явление интерференции («смешение языков», «языковые контакты» или «взаимовлияние языков») привлекло внимание всерьёз и надолго; исследователи выделили интерференцию в речи и интерференцию в языке [Вайнрайх, 1979], заговорили об ошибках индивидуального говорения, возникающих в речи ученика под влиянием второго языка, а также подразделили все явления этого рода на межъязыковую и внутриязыковую интерференцию [Рогозная, 2001, с. 12].

Положительный перенос обусловлен общностью в системах и языковых привычках родного языка и изучаемого иностранного языка. В этом случае имеет место позитивная интерференция. Степень этой общности бывает разной: у языков, принадлежащих к одной группе, она выше, а у разносистемных языков – ниже. К последним относятся китайский и русский языки. Несовпадения в системе и языковых привычках вызывают отрицательный перенос и, как следствие, отрицательную интерференцию. Отрицательный перенос явлений родного языка препятствует эффективному освоению произношения, лексики, грамматики и культуры изучаемого иностранного языка. Учитывая, что китайский и русский – разносистемные языки, отрицательная интерференция будет давать о себе знать в разы чаще, чем положительная на всех языковых уровнях.

3.1. Фонетический уровень и письмо

На фонетическом уровне отрицательная интерференция обусловлена принципиальной разницей фонологических систем и особенностями письма: слоговой и фонем-

ный строй, идеографическое и фонетическое письмо. В китайском языке тоже существует система звукового письма – 拼音 пиньинь, которая включает 23 согласных инициали и 39 вокалических финалей. Но в русском языке намного меньше гласных (6 фонем в противовес 39 финалям) и значительно больше согласных (36 фонем в противовес 23 инициалам). Разное количество сегментов, разное соотношение согласных и гласных и несовпадение признаков, по которым они противопоставлены, способно создать немало проблем при аудировании. Нельзя не заметить, что для многих русских студентов сложно различать китайское произношение *ji*, *qi*, *xi*, в то время как китайские студенты сталкиваются с проблемой различения на слух русских парных звонких и глухих звуков, особенно таких как [д] – [т] и других смычно-взрывных.

Существуют большие различия в фонетике китайского и русского языков на уровне просодии: в русском языке значимую роль играет словесное ударение, в китайском языке – тоны. Сложной для восприятия китайскими учащимися оказывается такая функция русского ударения, как смыслоразличительная, например: *дорóга* 'путь' – *дорогá* (краткая форма от *дорогой*); *зámок* 'дворец' – *замóк* 'запор' и т. д. Кроме того, русское ударение характеризуется подвижностью, что предполагает в некоторых случаях смещение ударения с основы на флексию. В связи с этим, китайским студентам очень сложно сразу определять и понимать звучащие высказывания. Как следствие этого, на первоначальном этапе возникает проблема со скоростью речи.

В китайском языке отсутствует ударение, но есть тоны. В стандартном китайском (путунхуа) выделяют 4 смысловых тона (первый, второй, третий, четвёртый) и нулевой (слабый /нейтральный тон). Разные тоны придают разные значения слогу с одним и тем же сегментным составом. Например, слог *xiang* (сян): первым тоном *xīāng* значит 'вкусно', вторым тоном *xíáng* значит 'подробный', третьим *xiǎng* обозначает 'скушать', четвёртым *xiàng* означает 'похожий'.

Тон и ударение не только играют смыслоразличительную роль в соответственно в китайском и русском языках, но и создают трудности для восприятия указанных языков как иностранных. Студенты допускают ошибки в процессе аудирования в том числе потому, что много времени затрачивается на распознавание правильного ударения в русском языке и правильного тона – в китайском.

Кроме того, нельзя забывать о фонетических процессах связной разговорной китайской речи, которые только начинают активно изучаться [Ли Ифан, Андросова, 2019] и пока никак не внедрены в методику обучения аудированию, хотя такая необходимость, несомненно, имеется.

Существует большая разница между идеографическим и фонетическим письмом. Форма письменности китайского языка является иероглифической, а запись формы русского языка представляет собой буквы. Практика аудирования в основном базируется на проведении диктантов и прослушивании аудиозаписей. При написании диктантов могут наблюдаться следующие ошибки. Например, русские студенты пишут иероглифы бесструктурно: «好» пишется как «女 + 子», «感» пишется как «咸»; в свою очередь, китайские учащиеся нередко пишут предлог со словом слитно, например: «вкомнате» вместо положенного «в комнате» и подобные. Зачастую китайцы не отличают «а» от «о» и наоборот – «о» от «а». Таким образом, мы наблюдаем затруднения в дифференциации отдельных элементов.

3.2. Лексический и грамматический уровни

Несомненно, лексика составляет смысловую основу как отдельного предложения, так и языка в целом. Необходимо подчеркнуть, что в процессе практики аудирования для учащихся самая большая проблема – небогатый словарный запас. В русском

языке существуют явления омонимии, синонимии и антонимии. Лишь только овладев всем богатством лексического состава, можно быстро разбираться в содержании речи. В китайском языке слова тоже могут быть многозначными, что типично для китайского языка, например: слово 想 ('думать', 'полагать', 'хотеть', 'скучать', 'чтобы', 'желание'); 好 ('хороший', 'очень', 'какой', 'легко', 'любить', 'добро' и т. д.). Поэтому русским студентам, изучающим китайский язык, тоже необходимо освоить достаточный словарный запас. Недостаточный словарный запас приводит к непониманию содержания высказывания, из-за чего могут появляться ошибки при восприятии устной речи.

Структура предложения в каждом языке имеет свои отличительные особенности и отсутствие или недостаток базовых знаний этих особенностей – препятствие при изучении иностранного языка. Так, в русском языке имеется целый ряд морфологических категорий, которые могут использоваться для выражения различных грамматических отношений и от которых напрямую зависит синтаксическая структура предложения. Проблемными представляются шесть падежей, три времени глагола, два вида глаголов, а также причастие и деепричастие. Поскольку в китайском языке отсутствуют эти грамматические категории, способы построения предложения оказываются различными, и это вызывает серьёзные сложности, в том числе при аудировании. Например, китайским студентам сложно услышать разницу между глаголами: *идти, пойти, ехать, ездить*; трудно различить причастие и деепричастие и т. д.

Для русских студентов существует проблема иного характера, они часто забывают добавить счётное слово в предложении перед определяемым словом. Например, они пишут “我有三书” вместо “我有三本书” ('У меня три книги'). Здесь 本 является счётным словом для печатного издания (книг, журналов, словарей и т. п.). Другая типичная ошибка допускается при понимании на слух предложений следующего типа: ... «这个箱子 800 多块钱»... 'этот чемодан стоит более 800 юаней'. Такие предложения часто встречаются, и русские студенты допускают в них ошибки, поскольку по правилам русского языка слово *более* ставится перед числом, а в китайском – после.

Таким образом, отрицательная интерференция неизбежно приводит к ошибкам на всех языковых уровнях, что самым прямым образом отражается на качестве аудирования. Изучение иностранного языка – это процесс освоения новой языковой системы, в ходе которого необходимо не только уяснить сходство, но и понимать различие между двумя языками, чтобы эффективно использовать положительную интерференцию и преодолевать отрицательную.

4. Недостаток знания о лингвокультурных реалиях

Язык непосредственно связан с жизненными реалиями. В процессе обучения студенты не только готовятся к сдаче экзамена, но и должны получить достаточную подготовку для решения реальных коммуникативных задач в ситуациях общения с носителями языка. Поэтому необходимо учитывать разный лингвокультурный фон коммуникантов и уделять достаточное внимание таким явлениям, как прецедентные феномены, слова, образующие лакуны в другом языке и прочее. Например, в китайском и русском языках много пословиц. Люди часто используют пословицы вместо подробных объяснений, чтобы выразить свои интенции. В свою очередь, прецедентные тексты являются проявлением национальной культуры, и только при достаточном понимании соответствующей культуры вы можете точно понять их значение.

В практике обучения языку в целом и аудированию в частности часто встречаются такие слова и понятия, которые имеют национально-культурные особенности. Только при условии правильного и полного понимания таких единиц студенты смогут предотвратить появление ошибки. Например, в китайском языке есть слово 糖葫芦 'засаха-

ренные ягоды', в буквальном смысле – 'сладкий кабачок', однако буквальный перевод рассматривается как ошибка. К таким единицам в китайском языке мы можем отнести также слова: 豆腐 «тофу» ('соевый творог'), 太极拳 «тайцзицюань» ('китайская гимнастика'), 武术 «ушу», 京剧 «пекинская опера» и так далее.

Соответственно в русском языке есть немало сложных для понимания китайцев метафор, например, *море счастья* ('желать кому-нибудь много счастливых моментов в жизни'), в буквальном смысле – 'счастливое море' (ошибочный перевод); *языки пламени* – здесь имеется в виду не язык как средство общения, а скорее язык как часть нашего тела, язык очень подвижная часть тела и огонь тоже постоянно двигается и другие. Наряду с этим, существуют идиомы, которые отражают особенности национального мировоззрения человека. Например, китайцы часто говорят “好事成双” (буквальный перевод: 'хорошие события двойные'; правильный перевод: 'радостные события случаются парами'), “六六大顺” (буквальный перевод: 'шесть шесть удач' (с повтором числительного); правильный перевод: 'желаем вам всего самого лучшего'), используя слова со значением количества. В русском языке также есть устойчивые выражения, включающие указание на количество или порядок при счёте, например: *из третьих рук* (т. е. через посредство третьего лица) [Фёдоров, 2008]; *семь пятниц на неделе* (о человеке, который легко меняет свои решения, намерения и т. п.) [Быстрова, 1997]. Помимо этого, различия культурного фона воплощаются в обычаях и привычках, в праздниках, в образе мышления и так далее.

Таким образом, при изучении иностранного языка обучающийся должен узнать основную культурную составляющую языка. Без лингвокультурной базы в некоторых коммуникативных ситуациях, в том числе при аудировании, сложно понять значение как отдельного слова, так и целого высказывания. Основную лингвокультурную нагрузку несут слова, отражающие национальные особенности быта и жизни народа, фразеологизмы, пословицы и поговорки, праздники, обычаи и так далее.

5. Заключение

Аудирование представляет собой активный процесс восприятия устной речи. Студенты, изучающие иностранный язык, отмечают, что делают большое количество ошибок и испытывают немало трудностей в процессе аудирования. Ошибки, с одной стороны, могут быть свойственны и другим видам речевой деятельности, то есть связаны с изучением языка в целом, а с другой – объясняются специфической формой и свойствами устной речи. В свою очередь, трудности обусловлены целым рядом причин: психологическими, связанными со спецификой усвоения иностранного языка, индивидуальными особенностями учащихся и отрицательной интерференцией родного языка, а также лингвокультурными причинами, обусловленными отличающимися представлениями действительности в разных языках.

Список литературы

- Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь [Текст] / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М. : АСТ, 1997. – 304 с.
- Вайнрайх, У. Языковые контакты. [Текст] / У. Вайнрайх. – Киев : Вища, школа, КГУ, 1979. – 264 с.
- Ли Ифан, Андроcова, С. В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) [Текст] / Ли Ифан, С. В. Андроcова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 4. – С. 99–116.
- Маркова, А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте : пособие для учителя [Текст] / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1983. – 96 с.

- Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев [Текст] / Н. Н. Рогозная. – Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. – 332 с.
- Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. [Текст] / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, 2008. – 828 с.
- Щерба, Л. В. О понятии смешения языков [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 40–43.
- Spielberger, C. D. Anxiety as an emotional state [Text] / C. D. Spielberger // *Anxiety: Current trends in theory and research* / ed. by C. D. Spielberger. – N. Y., 1972. – Vol. 1. – P. 24–55.

References

- Bystrova, E. A. (1997). *Uchebnyi frazeologicheskiy slovar'* [Student's phraseological dictionary]. Moscow : AST Press.
- Vaynraykh, U. (1979). *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Kyiv : Vishcha shkola Press. National University of Kyiv.
- Li Yifang, Androsova, S. V. (2019). Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov [Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied linguistics], 5 (4), 99–116.
- Markova, A. K. (1983). *Formirovanie motivatsii ucheniya v shkol'nom vozraste: Posobie dlya uchitelya* [Forming a motivation for studying at a school age: Teacher's manual]. Moscow : Prosveshchenie Press.
- Rogoznaya, N. N. (2001). *Lingvisticheskiy atlas narusheniy russkoy rechi inostrantsev* [Linguistic collection of mistakes made by foreigners speaking Russian]. Irkutsk : Irkutsk Regional Printing House N 1.
- Fyodorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. Moscow : Astrel Press.
- Shcherba, L. V. (1958). *O ponyatii smesheniya yazykov* [On the concept of language fusion]. Leningrad : Selected articles on linguistics and phonetics.
- Spielberger, C. D. (1972). Anxiety as an emotional state. In C. D. Spielberger (Ed.), *Anxiety: Current trends in theory and research* (Vol. 1, pp. 24–55). N. Y.

УДК 81'161.1, 81'36, 81'37

UDC 81'161.1, 81'36, 81'37

Бучилова Ирина Анатольевна
Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Российская Федерация
Irina A. Buchilova
Cherepovets State University
Cherepovets, Russian Federation
ibuchilova@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ЛЕКСИКОН¹
LANGUAGE PERSONALITY OF OTHER THAN RUSSIAN LANGUAGE ORIGIN
YOUNG CHILDREN LEARNING RUSSIAN: LEXICON

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования языковой личности у детей-инофонов младшего школьного возраста, описывается структура языковой личности. Особое внимание уделяется такому важному структурному компоненту языковой личности, как лексикон. Приводятся результаты эмпирического исследования лексикона таких детей, обучающихся в российских школах. Во-первых, результаты анкетирования продемонстрировали, что восприятие ими национального или русского языка как родного напрямую связано с языком общения в семье, что в свою очередь зависит от того, является семья смешанной или нет. Во-вторых, анкетирование показало, что более 61% и 72% детей испытывают серьезные затруднения в написании диктантов, изложений и сочинений на русском языке, при этом 72% не могут писать и на родном языке. В-третьих, в ходе констатирующего эксперимента выявлено, что формирование языковой личности изучаемой категории детей имеет специфические особенности: недостатки в структуре вербально-семантического уровня (лакуны в словарном запасе, аграмматизмы); особенности лексикона определяются речевым инпутом; лакуны в лексическом запасе снижают качество выполнения письменных текстов (диктантов, изложений, сочинений) из-за трудностей их понимания. Предлагаются рекомендации по уточнению и обогащению лексического запаса у данной категории школьников.

Abstract

The present article aims to study the problem of linguistic personality formation in children of other than Russian language origin learning Russian at Russian primary school. The structure of the language personality is also observed. The focus of this study is lexicon as an important structural component of the language personality. The results of an empirical study of the vocabulary of such children are presented. First, the results of the survey with the questionnaire enabled to determine that the perception of a national language or the Russian language as the native one depended upon the language used for communication in the family which in its turn was a result of a family being international or mononational. The survey also showed that more than 61% and 72% experienced writing skills challenges in dictation and essays in Russian, at the same time, 72% cannot write their national language at all. Third, in the course of ascertaining experiment, it was found that the targeted category of children demonstrated certain specific features of language personality formation: flaws occurred in the structure of verbal-semantic level (gaps in vocabulary, agrammatism), features of the lexicon were determined by the speech input, gaps in lexicon reduced the quality of writing performance (dictations, expositions, essays) because of difficulties in understanding. Recommendations are offered for this category of learners to improve and enlarge their vocabulary.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-350003 «Создание электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области»)

Ключевые слова: языковая личность, дети-инофоны, проблемы письменной речи, лексикон, речевой инпут.

Keywords: language personality, children of other than Russian language origin, writing skills challenges, lexicon, speech input, texts.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_33_40

1. Введение

Развитие многоязычной и поликультурной языковой личности является актуальной задачей в век «мультикультурного диалога» (по определению П. Щедровицкого [Щедровицкий, 2006]). Именно такая личность способна принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации, реализовывать себя в рамках диалога культур [Дзюба, 2009, с. 63].

Многие современные российские школы являются поликультурными и полиэтническими, так как в них обучаются не только русскоговорящие школьники, но и дети-инофоны из семей мигрантов. Дети из семей мигрантов до поступления в школу слабо владеют русским языком. Однако со временем, воспринимая речь окружающих, часто вступая в коммуникацию с носителями русского языка, эти дети осваивают язык принимающей страны.

В отличие от русскоязычных детей, у детей-инофонов иные условия и пути вхождения в язык. Постижение родного русского языка у русскоязычного ребёнка происходит постепенно, в сопровождении матери и других родственников. При этом взрослые подстраивают общение под возможности и особенности своего малыша, обеспечивая тем самым благоприятные условия для его речевого развития. Освоение неродного русского языка ребёнком-инофоном чаще всего начинается без специального предварительного обучения при поступлении в образовательное учреждение. Следует отметить, что требования к нему резко отличаются от имеющихся языковых возможностей [Освоение русского языка..., 2010, с. 241]. Дети-инофоны осваивают русский язык в естественных языковых условиях. Конструирование вторичной языковой системы, языковой личности происходит с опорой на речевое окружение [Освоение русского языка..., с. 248].

Ю. Н. Карауловым, наиболее детально разработавшим концепцию языковой личности в отечественной лингвистике, предложено следующее определение данному феномену: «...языковая личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2010, с. 38]. В структуре языковой личности Ю. Н. Караулов выделяет следующие уровни:

- вербально-семантический уровень или лексикон личности, понимаемый в широком смысле, включающий также грамматические знания личности;
- лингво-когнитивный, или тезаурус личности, отражающий «образ мира» (система знаний о мире);
- мотивационный уровень, или прагматикон личности (система её целей, мотивов, установок, потребностей) [Караулов, 2010, с. 37–42].

Обобщая мнение Ю. Н. Караулова и других исследователей относительно структуры языковой личности, Е. А. Дзюба подчёркивает, что «...языковая личность есть многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений и готовности к осуществлению языковых поступков разной степени сложности...» [Дзюба, 2009, с. 63]. Языковые поступки классифицируются по видам речевой деятельности: го-

ворение, аудирование, письмо, чтение – с одной стороны; с другой – по уровням языка: фонетика, грамматика, лексика.

В данной статье рассматриваются особенности вербально-семантического уровня языковой личности детей-инофонов младшего школьного возраста. Как отмечает С. Н. Цейтлин, взаимодействие индивидуального ментального лексикона и индивидуальной ментальной грамматики является основой формирования языковой системы личности. Освоение языка и использование его в процессе речевой деятельности можно рассматривать как диалог между двумя указанными выше подсистемами. На всех этапах онтогенеза осуществляется самое тесное и разнонаправленное взаимодействие этих двух подсистем [Цейтлин, 2009, с. 21].

Инофоны, как правило, испытывают значительные затруднения в усвоении русского языка, в частности его лексического состава. Лакуны в лексическом запасе могут снижать качество выполнения письменных текстов (диктантов, изложений, сочинений) из-за трудностей их понимания.

Перед проведением собственного эмпирического изучения словаря детей-инофонов младшего школьного возраста были изучены данные исследований других авторов. Так, Т. А. Кругляковой выявлено, что в словаре ребёнка-инофона на начальном этапе освоения русского языка преобладают имена существительные и глаголы [Освоение русского языка..., 2010, с. 209]. В связи с этим, важной задачей является определение особенностей субстантивного и предикативного словаря иноязычных детей (уточнение степени освоенности существительных разных тематических групп и выделение тех лексических разделов, которые у детей-инофонов вызывают наибольшие затруднения; выявление степени освоенности категориальных значений глаголов: вида, рода и т.д.).

Исследование особенностей субстантивного словаря детей-инофонов младшего школьного возраста было проведено В. А. Рытниковой под научным руководством С. Н. Цейтлин. В эксперименте приняли участие дети разных национальностей: носители киргизского, армянского, таджикского и азербайджанского языков. Такой подход к формированию экспериментальной группы максимально приближает исследователя к тем условиям, в которых работает современный учитель. В полиэтнических классах российских школ, как правило, обучаются дети нескольких национальностей. Следует также отметить, что носители самых разных языков делают при освоении второго языка много одинаковых ошибок [Освоение русского языка..., 2010, с. 210].

Как показал анализ данных констатирующего эксперимента, проведённого В. А. Рытниковой, у иноязычных детей средние показатели пассивного и активного словаря заметно меньше, чем у русскоязычных сверстников (ср. у детей-инофонов – 66,8% и 58,3%; у русскоязычных школьников – 95,3% и 93,5% соответственно). Это позволяет сделать вывод о том, что лакун в словаре у иноязычных детей заметно больше, чем у русскоязычных монолингвов (соответственно 8,5% и 1,8%) [Освоение русского языка..., 2010, с. 210–211].

Исследователем выделяются наиболее характерные ошибки: практически все иноязычные дети в отличие от русскоязычных монолингвов неправильно образовывали формы множественного числа имён существительных (*бровы, глаза, глазья* и т.д.). Это свидетельствует о том, что, хотя эти слова уже имеются в активном лексиконе, они ещё недостаточно вписаны в формирующуюся языковую систему детей, занимают в ней периферийное положение) [Освоение русского языка..., 2010, с. 212]. Подобные ошибки делают русскоязычные дошкольники с речевыми нарушениями.

Е. М. Остапенко под научным руководством Т. А. Кругляковой изучался словарь глаголов движения детей-инофонов. По результатам эксперимента выявлено, что глаголы движения, входящие в ядро внутреннего лексикона детей-инофонов и активно упо-

требляемые ими в речи, не отличаются разнообразием. Отмечается активное использование лишь четырёх глаголов движения: *идти, ехать, бежать, лететь*. Анализ речевой продукции инофонов свидетельствует о неправильном употреблении разнонаправленных и однонаправленных глаголов движения: *Туристы на лодке к берегу плавают. Ребята помогают бабушке. Каждое утро они воду в вёдрах несут*. Подобные ошибки в речи детей могут быть объяснены отсутствием дополнительной семы направленности в системе глагола родного языка ребёнка [Освоение русского языка..., 2010, с. 250].

Исследование сформированности адъективного словаря у младших школьников-инофонов было проведено Т. А. Марголиной под научным руководством С. Н. Цейтлин. Данные эксперимента на материале 40 качественных прилагательных свидетельствуют, что адъективный словарь инофонов на треть «отстаёт» от словаря русскоязычных сверстников. При этом пассивный словарь на 37% шире активного, в то время как у русскоязычных сверстников эта разница составляет только 1%) [Освоение русского языка..., 2010, с. 231]. Автор отмечает, что прилагательные появляются в речи только при достаточном накоплении словаря существительных [Освоение русского языка..., 2010, с. 239].

Итак, теоретический обзор исследований, направленных на изучение лексикона, или вербально-семантического уровня языковой личности, детей-инофонов свидетельствует, что у данной категории школьников отмечаются существенные особенности освоения русской лексики, выявляются лакуны по различным лексическим темам, наблюдается значительный разрыв между активным и пассивным словарём.

Объектом настоящего экспериментального исследования является языковая личность детей-инофонов младшего школьного возраста в аспекте изучения их лексикона. Была выдвинута следующая гипотеза. Формирование языковой личности ребёнка-инофона младшего школьного возраста имеет специфические особенности:

- недостатки в структуре вербально-семантического уровня (лакуны в словарном запасе, аграмматизмы);
- особенности лексикона определяются речевым инпутом;
- лакуны в лексическом запасе могут снижать качество выполнения письменных текстов (диктантов, изложений, сочинений) из-за трудностей их понимания.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Изучение лексического запаса детей-инофонов младшего школьного возраста проводилось в марте 2019 на базе МАОУ «СОШ № 18» и МАОУ «СОШ № 30». В качестве информантов выступили 18 двуязычных детей, обучающихся в начальной школе. В эксперименте приняли участие школьники разных национальностей: таджики (4 ребёнка), украинцы (4 ребёнка), азербайджанцы (3 ребёнка), узбеки (3 ребёнка), армяне (2 ребёнка), грузины (1 ребёнок), казахи (1 ребёнок).

Дети занимаются по учебному комплексу «Школа России» (научный руководитель комплекта – А. А. Плешаков). Данный учебно-методический комплект постоянно обновляется и является надёжным инструментом реализации стандарта второго поколения в начальной школе. Авторами комплекса демонстрируется возможность существования различных точек зрения на один и тот же вопрос, воспитывается терпимость и уважение к мнению другого, культура диалога, что хорошо согласуется с задачей формирования толерантности у учащихся в условиях поликультурного образовательного пространства.

Организация исследования предполагала два этапа: 1) анкетирование, 2) тест на изучение лексикона.

Анкета включает 12 вопросов: Какой язык является родным для твоей мамы? Какой язык является родным для твоего папы? Какой твой родной язык? На каком языке с тобой обычно говорят дома? Как давно твоя семья живет в России? К какой национальности или народу ты себя относишь? Трудно ли тебе говорить по-русски (общаться с друзьями, учителями)? Трудно ли тебе писать по-русски? Какие тексты тебе трудно писать по-русски (списывать текст, писать диктант, изложение, сочинение)? Есть ли в русских текстах незнакомые тебе слова? Можешь ли ты писать на языке своих родителей? На каком языке ты думаешь?

Тест на изучение лексикона проводился на основе «Картинного словаря русского языка» в авторстве И. В. Баранникова и др. [Баранников, 1993]. Детям предлагалось назвать 261 картинку из данного словаря. Проверялся активный словарь существительных, прилагательных и глаголов. Так, например, в разделе «Школа» детям предлагалось назвать 12 картинок: дежурный, доска, карта, класс, коридор, парта, урок, ученик, ученица, учитель, учительница, школа. Нами предъявлялись задания по 18 лексическим разделам: «Школа», «Учебные вещи», «В библиотеке», «В столовой», «Дом», «Семья», «Человек. Люди», «Продукты питания», «Овощи», «Фрукты», «Ягоды», «Цветы», «Лес. Деревья», «Грибы», «Дикие животные», «Домашние животные» (субстантивный словарь), «Какой?» (адъективный словарь), «Что делает?» (предикативный словарь).

2.2. Обсуждение результатов

Рассмотрим результаты анкетирования. Так, своим родным языком считают национальный язык 38,9% детей, русский язык считают родным также 38,9%, два языка – 22,2%. Следует отметить, что все дети из смешанных семей (один из родителей русский по национальности) выбрали в качестве родного русский язык. Язык домашнего общения в 33,3% семей – национальный, в 44,5% семей – русский, в 22,2% семей – два языка. Поясним, что в смешанных семьях, как правило, в качестве языка домашнего общения используется русский. Некоторые трудности в устном общении с друзьями, одноклассниками, учителями отметили 27,8%, а затруднения в письме – 33,3% респондентов. При конкретизации трудностей письма было выявлено, что все испытуемые испытывают затруднения в разных видах письменных работ: 16,6% – при списывании текста, 61,1% – при написании диктантов; 61,1% – при написании изложений, 72,2% – при написании сочинений. При этом 50% детей отметили, что в русских текстах часто встречаются незнакомые им слова, 50% – что такие слова попадаются иногда. В большинстве случаев дети-инофоны на языке своих родителей писать не умеют (72,2%). Думают 72,2% испытуемых на русском языке, на языке своих родителей – 16,7%, а на двух языках – 11,1%. Показатели успешности выполнения теста представлены в таблице 1.

В целом успешность выполнения теста составила 73,5%. Различия в данных тестирования в двух школах статистически не значимы. Словари существительных и глаголов усвоены одинаково успешно – примерно 74% (среднем по существительным – 73,9%). Невысокий процент успешности выявлен по активному адъективному словарю (59,4% успешности).

Среди существительных лучше всего усвоены разделы «Дом», «Столовая», «Продукты питания» (90% и более); хорошо усвоены разделы, относящиеся к учёбе и семье (около 80% и более); хуже всего (менее 55%) усвоены частные разделы, относящиеся к природе (прежде всего, растениям).

При этом у школьников вызвали затруднения одни и те же лексические разделы. Наиболее сложными темами оказались такие, как: «Ягоды» (41,7% успешности), «Цветы» (40,2% успешности), «Лес. Деревья» (54,2% успешности), «Грибы» (41,1% успеш-

ности). Перечислим некоторые конкретные слова из различных лексических разделов, наименее знакомые детям-инофонам. Так, слово *карта* знают только 25% информантов, *указка, портфель* – 37,5% (лексические разделы «Школа», «Учебные вещи»). В лексических разделах «Семья», «Человек. Люди» малознакомыми для инофонов оказались такие слова, как *внук* (37,5%), *женщина* (25%). В лексических разделах «Овощи», «Фрукты» и «Ягоды» – *редиска, репа* (37,5%), *свёкла* (25%), *персик, черешня* (37,5%), *хурма* (12,5%), *смородина, черника* (37,5%), *брусника, рябина* (12,5%). Менее трети испытуемых смогли назвать такие цветы и деревья, как *василек, гвоздика, ландыш, мак, незабудка, подснежник, фиалка, ива, каштан, клен, лиственница*. Отмечались затруднения при назывании некоторых диких и домашних животных: *лось, носорог, рысь, осёл, козёл, ягненок* (37,5%), *морж, тюлень* (25%).

Т а б л и ц а 1. Показатели успешности выполнения теста на изучение лексикона детей-инофонов младшего школьного возраста (данные в %)

название лексического раздела	показатель успешности обучающихся (школа № 18)	показатель успешности обучающихся (школа № 30)	общий показатель успешности
Школа	79,2	88,3	84,3
Учебные вещи	82,4	77,6	79,7
В библиотеке	81,3	82,5	81,9
В столовой	97,9	96,7	97,2
Дом	90	100	95,6
Семья	83	95,5	89,9
Человек. Люди	65,3	72,2	69,1
Продукты питания	91,3	89,6	90,3
Овощи	72,3	90	82,1
Фрукты	73,2	82,9	78,6
Ягоды	35,4	46,7	41,7
Цветы	34,6	44,6	40,2
Лес. Деревья	52,5	55,5	54,2
Грибы	40	42	41,1
Дикие животные	77,7	87,8	83,3
Домашние животные	71,9	74	73,1
Какой? (словарь прилагательных)	68,8	52	59,4
Что делает? (словарь глаголов)	70,3	77,5	74,3
Общий процент успешности выполнения теста	73,7	73	73,5

При общем успешном усвоении глаголов, менее половины информантов смогли правильно обозначить глаголами следующие действия, изображенные на картинках: *бегает, встречается, вяжет, гребёт, ищет, катается, косит*.

В разделе «прилагательные» все дети правильно назвали только 2 признака предмета: *большой* и *маленький*. Прилагательное *высокий* большинство заменили на *большой* (70%), *низкий* – на *маленький* (60%). Прилагательным *большой* обозначали признаки *длинный, толстый, широкий*, а прилагательным *маленький* – *короткий, тонкий, узкий*.

Следует отметить значимые различия в показателях успешности теста у отдельных испытуемых при одинаковой национальной принадлежности. Так, Орзу (таджик, 2 класс) выполнил задания теста с показателем 92% успешности. Фариза, (таджичка, 1 класс) выполнила задания теста с показателем 43% успешности. Семьи обоих школьников живут в России давно (более 10 лет). Язык домашнего общения в семье Орзу русский. Орзу относит себя к русскому народу и родным языком считает русский. В семье Фаризы дома говорят на двух языках (русском и таджикском). Фариза относит себя к русскому народу, но родным языком считает таджикский. Писать дети по-таджикски не умеют, думают на русском языке.

3. Заключение

Проведённое исследование показало, что, согласно результатам анкетирования, во-первых, около 39% детей-инофонов считают национальный язык своим родным, столько же считают своим родным языком русский, что напрямую связано с тем, на каком языке общаются в семье, что в свою очередь зависит от того, является семья смешанной или нет. Двужычие в семейном устном общении указали чуть более 22% респондентов, а в письменной речи – 11%. Немногим более 72% участников эксперимента вообще не могут писать на национальном языке и думают по-русски.

Во-вторых, среди разных видов письменных работ, выполняемых на русском языке в школе, только списывание не вызывало особых затруднений, тогда как диктант, изложение и сочинение оказались весьма сложными заданиями и успешно выполнялись менее чем половиной испытуемых.

В-третьих, тест показал, что существительные и глаголы усвоены одинаково успешно, а прилагательные заметно хуже. Успешность выполнения теста среди лексических единиц разных тематических групп значительно варьировала: в целом, прочно усваивались слова, относящиеся к сферам, имеющим первостепенное значение для функционирования детей в русскоязычном обществе, более частная лексика – значительно хуже. Признак национальности на исследуемом материале не оказывал заметного влияния на успешность усвоения лексических единиц разных тематических групп и грамматических категорий и не являлся определяющим фактором в типах совершаемых ошибок. Однако поскольку данные не сбалансированы по признаку «национальность», определённые выводы здесь делать нельзя.

Таким образом, данные анкетирования и тестирования демонстрируют целесообразность специальной коррекционной работы по обогащению и уточнению русской лексики у детей-инофонов. В настоящее время разработаны специальные учебные комплексы по решению данной проблемы; автор одного из них – О. Н. Каленкова [Каленкова, 2015]. Лексический материал учебного комплекса сформирован в ассоциативно-тематические ряды и включён в учебные темы, которые в свою очередь положены в основу речевой практики. Учебный материал предназначен для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста и разработан с учётом психологических особенностей этих возрастных групп. Психологические особенности обучающихся также определяют методы и формы обучения (максимальное использование на занятии наглядных пособий, игровых заданий). Учебно-методический комплекс универсален, так как позволяет организовать работу с детьми разных национальностей в различных образовательных учреждениях. По нашему мнению, указанный методический комплекс целесообразно применять на дополнительных занятиях по русскому языку с детьми-инофонами. Для классов, в которых большинство обучающихся русскоговорящие школьники, данный комплекс не актуален.

В качестве перспектив дальнейшего исследования по данной теме можно указать следующие задачи: расширение стимульного материала для проведения теста, направленного на изучение лексикона детей-инофонов (в частности, увеличение количества заданий на изучение адъективного и предикативного словаря); включение заданий не только на изучение возможностей детей устно называть картинки, но и на изучение их возможностей письменного обозначения предметов, признаков, действий; более детальное изучение влияния лагун в лексиконе на качество письменных текстов (списываний, диктантов, изложений и сочинений).

Список литературы

- Баранников, И. В. Картинный словарь русского языка: Для учащихся начальных классов [Текст] / И. В. Баранников. – СПб. : Просвещение, 1993. – 223 с.
- Дзюба, Е. А. Использование современных технологий обучения в вузе [Текст] / Е. В. Дзюба // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2009. – № 7/4. – С. 63–72.
- Каленкова, О. Н. Уроки русской речи : учебно-методический комплекс. Книга для преподавателя в 2 частях. Ч. 1 [Текст] / О. Н. Каленкова – М. : Русский язык. Курсы, 2015. – 321 с.
- Каленкова, О. Н. Уроки русской речи : учебно-методический комплекс. Книга для преподавателя в 2 частях. Ч. 2 [Текст] / О. Н. Каленкова – М. : Русский язык. Курсы, 2015. – 288 с.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Освоение русского языка как первого и как второго (неродного) [Текст] / сост. Т. А. Круглякова. – СПб. : Златоуст, 2010. – 260 с.
- Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 592 с.
- Щедровицкий, П. Г. Кто и что стоит за доктриной Русского Мира : интервью [Электронный ресурс] / П. Г. Щедровицкий // Центр гуманитарных технологий. – 28.08.2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2510>.

References

- Barannikov, I. V. (1993). *Kartinnyy slovar' russkogo yazyka: Dlya uchashchihsya nachal'nykh klassov* [Picture dictionary of the Russian language: For primary school students]. St Petersburg : Prosveshchenie Press.
- Dzyuba, E. A. (2009). Ispol'zovanie sovremennykh tekhnologiy obucheniya v vuzе [The use of modern technologies in higher educational institutions]. *Severo-Kavkazskiy psihologicheskiy vestnik* [North-Caucasian psychological Bulletin], 7 (4), 63–72.
- Kalenkova, O. N. (2015 a). *Uroki russkoy rechi: Uchebno-metodicheskiy kompleks. Kniga dlya prepodavatelya v 2 chastyah. Ch. 1*. [Lessons of Russian speech: Educational and methodical complex. Teacher's book. In 2 parts. Part 1]. Moscow : Russkiy yazyk. Kursy Press.
- Kalenkova, O. N. (2015 b). *Uroki russkoy rechi: Uchebno-metodicheskiy kompleks. Kniga dlya prepodavatelya v 2 chastyah. Ch. 2*. [Lessons of Russian speech: Educational and methodical complex. Teacher's book. In 2 parts. Part 2]. Moscow : Russkiy yazyk. Kursy Press.
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow : LKI Press.
- Kruglyakova, T. A. (Ed.). (2010). *Osvoenie russkogo yazyka kak pervogo i kak vtorogo (nerodnogo): kollektivnaya monografiya* [Mastering the Russian language as L1 and L2 (non-native)]. St Petersburg : Zlatoust PRes.
- Tseitlin, S. N. (2009). *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoй rechi* [Essays on word formation and word forms building patterns in child speech]. Moscow : Znak Press.
- Shchedrovitskiy, P. G. (2006). Kto i chto stoit za doktrinoy Russkogo Mira [Who is responsible for the doctrine of the Russian World?]: Interview. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy* [Humanitarian Technology Center]. Retrieved from <<https://gtmarket.ru/library/articles/2510>>.

УДК 811.134.2

UDC 811.134.2

Галстян Сона Артуровна
Военный университет Министерства обороны РФ
г. Москва, Российская Федерация
Sona A. Galstian
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
bekki@inbox.ru

**ПРЕДЛОГ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИИ
ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)**
**PREPOSITION AS A MEANS TO REFLECT THE CATEGORY OF SPACE
IN THE LANGUAGE (BASED ON SPANISH)**

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию роли предлогов в передаче пространственных отношений в испанском языке, в том числе взаимоотношению физического и лингвистического пространства. Приводятся аргументы, свидетельствующие в пользу того, что предлог является основным средством отражения в языке категории пространства, поскольку в семантике пространственных предлогов содержится информация о всесторонней локализации объектов: предлоги испанского языка способны обозначать направление от исходной точки к заданной, конечный пункт движения, траекторию движения, а также местонахождение объекта. Особое внимание в статье уделяется взаимосвязи употребления пространственных предлогов с ситуацией, окружающей субъекта. Подчёркивается, что это играет ключевую роль в выборе предлога, в некоторых случаях предлога с нехарактерной семантикой, для описания той или иной ситуации. Выявлено, что для выражения динамических пространственных отношений в некоторых случаях в связи с особенностями восприятия человеком действительности необходимо употребить статический пространственный предлог, и наоборот, при передаче статических пространственных отношений иногда используются динамические пространственные предлоги. Продемонстрировано, что в ситуациях, описывающих одно и то же с точки зрения объективной действительности физическое пространство, нередко фигурируют предлоги с разным семантическим наполнением. В целом, доказано, что выбор того или иного предлога обусловлен не столько его зависимостью от реального пространства, сколько от способа восприятия человеком данной категории, что подтверждает гипотезу о том, что в языке лингвистическое пространство имеет приоритет перед физическим пространством, в частности, когда речь идёт об употреблении пространственных предлогов.

Abstract

The article explores the role of prepositions in expressing spatial relations in Spanish including physical and linguistic space relationship. The article presents the arguments in favour of the idea that the preposition is the main means to reflect the category of space in the language since the semantics of spatial prepositions contains information about objects localization: the Spanish prepositions are able to indicate the direction from the start point and to the given point, the final point of movement, the trajectory of movement as well as the object location. The article pays particular attention to the relationship between the use of spatial prepositions and the situation in which the subject is involved. Thus, the objects that exist in reality can be interpreted by a person in different ways. I argue that this fact plays a key role in choosing a preposition, in some cases a preposition with uncharacteristic semantics, to describe a particular situation. It was found that, in order to express the dynamic spatial relations, in some cases, due to the peculiarities of human perception of reality it is necessary to use a static spatial preposition, and vice versa, when transmitting the static spatial relations, sometimes the dynamic spatial prepositions are used. Another finding was that in some situations that describe the same physical space from the point of view of the objective reality, prepositions with different semantic content often appear. On the whole, it was proven that the choice of the preposition is more dependent on the way a person perceives this

category (i. e., the linguistic space) than on the real space itself, which confirms the hypothesis that the linguistic space in a language has priority over the physical space, in particular, when it comes to the use of spatial prepositions.

Ключевые слова: пространственные отношения, физическое пространство, лингвистическое пространство, категория пространства, пространственные предлоги.

Keywords: spatial relations, physical space, linguistic space, category of space, spatial prepositions.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_41_51

1. Введение

Объективная действительность существует в двух фундаментальных философских категориях: пространстве и времени; отражение в языке пространственно-временных отношений является одним из важнейших условий формирования языковой картины мира. Г. К. Колшанский полагает, что «пространственно-временное ориентирование человека есть практически физический закон существования любого объекта, и естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов» [Колшанский, 1984, с. 90]. Пространственные отношения считаются исходными, первичными, которые впоследствии развивались в другие виды отношений. Это связано с тем, что пространственные отношения легче осмысливаются – «достаточно непосредственного восприятия устанавливающего их лица» [Гренадерова, 2005, с. 83].

Согласно Л. Н. Федосеевой, «выражаемые посредством языка и речи, пространственные отношения обретают почти материальную оболочку – звуко-буквенный образ – и смысловое наполнение. В этом случае мы сталкиваемся с невещественной, релятивной семантикой. Сфера номинации и сфера собственно отношений дифференцируются в этой области весьма условно (для удобства языкового анализа), т. к., согласно реляционной концепции, пространство уже есть отношение вещей. Глубина проникновения этой универсальной категории в область языка такова, что даже слова, имеющие ярко выраженное предметное или отвлечённое значение, не теряя его, способны быть и выразителями пространственных отношений. При этом проявляются семантические разновидности, специфика данной категории и в то же время тесная связь с другими видами отношений, прежде всего темпоральными» [Федосеева, 2004, с. 17].

Многие лингвисты, исследующие аналитические языки, полагают, что в языках данного типа всё многообразие пространственных моделей выражается в большинстве случаев посредством предлога. Имеются труды, посвящённые проблеме взаимосвязи категории пространства и пространственных предлогов в разных языках, например, романских [Гренадерова, 2005 ; Степанова, 2006 ; Зененко, 2010], английском [Газизова, 1999 ; Бороздина, 2003 ; Конева, 2004 ; Логинова, 2004 ; Елтанская, 2007], немецком [Хоружая, 2007], русском [Крейдлин, 1994 ; Маляр, Селиверстова, 1998 ; Федосеева, 2004; Плунгян, Рахилина, 2014], скандинавских [Шматова, 2010].

В целом, работ, описывающих испанские предлоги, немного, а особенности взаимосвязи испанских пространственных предлогов с категорией пространства остаются одними из самых малоизученных (см., напр., статьи о функционировании предлога *en*, синонимичных предлогах места *con* и *de*, пространственных и временных значениях предлога *a*, в том числе, в речи носителей испанского языка и изучающих его как иностранный [Edmunds, 2005 ; Lewandowski, 2018 ; Lam, 2018]). Данное обстоятельство явилось мотивом для проведения собственного анализа. В контексте нашего исследования представляется интересным рассмотреть функционирование предлогов при переда-

че пространственных отношений в языке, семантическое наполнение пространственных предлогов, а также зависимость выбора того или иного предлога исходя из ситуации, окружающей субъекта, и восприятия субъектом физического пространства. Другими словами, было важно изучить влияние лингвистического пространства на употребление в высказывании определённого предлога. Гипотеза исследования состояла в том, что между физическим и лингвистическим пространством имеется параллелизм, однако он является неполным, что обусловлено сложным характером пространственных отношений, полисемантической природой ряда предлогов и особенностями восприятия пространства человеком.

2. Взаимосвязь предлогов испанского языка с категорией пространства

В рамках исследования мы рассмотрели функционирование в испанском языке большинства простых предлогов (*a, de, en, hasta, desde, sobre, entre* и др.), а также некоторых сложных предлогов, заключающих в себе пространственную семантику (*a través de, alrededor de, cerca de, a lo largo de* и др.). В общей сложности в работе было рассмотрено около 20 испанских пространственных предлогов. Были проанализированы примеры, взятые из испанских грамматик [Llorach, 2007; Nueva Gramática de La Lengua Española, 2010], а также из художественной литературы (длинных произведений) [Zafón, 2001 ; Navarro, 2010] и испанских журналов [Rincón, 2000] (выбранных методом случайной подборки), поскольку, на наш взгляд, при изучении функционирования предлогов в текстах художественной литературы и прессы представляется возможным наиболее полно исследовать типовые особенности употребления предлогов.

При анализе материала использовалась комплексная методика исследования с опорой на следующие методы:

- лингвистическое наблюдение;
- лингвистическое описание;
- функционально-семантический анализ;
- компонентный анализ;
- контекстно-логический анализ;
- элементы сравнительно-сопоставительного метода.

2.1. Семантическое наполнение пространственных предлогов

Исходя из результатов проанализированного нами материала, мы полагаем, что предлоги испанского, а также некоторых других аналитических языков, выполняя в высказывании функцию передачи пространственных отношений, могут обозначать:

- направление действия к заданной точке;

Salió a la calle para respirar – Он вышел на улицу, чтобы подышать.

Hace mucho tiempo que no voy a este teatro – Я уже давно не ездила в этот театр.

- направление действия от исходной точки;

Regresó de vacaciones – Он вернулся из отпуска.

Salió de casa tarde – Он поздно вышел из дома.

- конечный пункт движения;

Nuestro tren llegó a la estación a tiempo – Наш поезд прибыл на станцию вовремя.

Se puede tomar el autobús para ir hasta la ciudad – До города можно добраться на автобусе.

- траекторию движения;

Va a su trabajo a través del parque – Он идёт на работу через парк.

El gato corrió alrededor de la mesa – Кот бегал вокруг стола.

– местонахождение объекта.

Hay una farmacia cerca de casa – Рядом с домом есть аптека.

Está cerca del coche – Он стоит рядом с машиной.

2.2. Особенности употребления пространственных предлогов в зависимости от ситуации, окружающей субъекта

Пространственные отношения, выражаемые предлогами, носят сложный и многогранный характер. Это, по словам Е. Г. Логиновой, связано с тем, что «сама многогранность объективной действительности, многообразие признаков предметов и явлений, наличие всесторонних связей между ними дают возможность их разного представления в языке. Кроме того, существуют объекты, которые, по своим объективным свойствам или в зависимости от особенностей их восприятия человеком, могут быть по-разному осмыслены» [Логинова, 2004, с. 96].

Сложный характер пространственных отношений отражается на особенностях употребления предлогов в зависимости от ситуации, окружающей субъекта.

Проиллюстрируем данное утверждение на примере испанского языка: *Poner el libro sobre la mesa* – положить книгу на стол. В приведённом выражении *стол* не воспринимается как «конечный пункт движения», поскольку в данной ситуации отсутствует само движение в определённом направлении со стороны субъекта. Дело в том, что субъект совершает действие в рамках определённого пространства, при этом не выходя за его пределы. Исходя из этого, мы полагаем, что *стол* осознаётся не как точка, по направлению к которой необходимо совершить передвижение, а как пространство, внутри которого субъект производит действие.

Tirar la pelota en la pared – бросить мяч об стену.

В данном случае *стена* также воспринимается как пространство, в рамках которого совершается действие со стороны субъекта при отсутствии его движения в определённом направлении. Как следствие, необходимо использовать предлог *en*, семантика которого не заключает в себе информации о движении.

Таким образом, в подобных примерах, где пространство, выраженное любым объектом действительности, представляет собой границы, в рамках которых субъект выполняет то или иное действие / передвижение, будет неуместным употребление предлогов со значением «направление движения». В связи с этим, в испанском языке используются предлоги, обладающие семантикой местоположения.

Исследуя особенности употребления предлогов в зависимости от ситуации, окружающей субъекта, А. В. Бондарко и соавторы выделяют независимое и зависимое движение (действие) [Теория... , 1996, с. 9]. Под независимым движением понимается ситуация, когда субъект высказывания и субъект, совершающий процесс локализации, совпадают:

Miguel va al trabajo – Мигель идёт на работу.

Ana sale de casa – Анна выходит из дома.

El gato está sobre la mesa – Кот сидит на столе.

В случае зависимого действия субъект высказывания не совпадает с локализуемым объектом (т. е. объект совершает движение только благодаря воздействию на него со стороны субъекта; сам же субъект, как мы уже отмечали, не передвигается в пространстве). Именно в связи с этим выбор осуществляется в пользу тех предлогов, которые обладают значением местоположения:

Poner al niño en la silla – усадить ребёнка на стул.

В своей работе, посвящённой пространственным предлогам английского языка, Н. Ю. Конева отмечает, что пространственные предлоги являются дейктиками, которые

необходимы «для успешного овладения человеком данной пространственной областью, причём дейксис в значении всех предлогов может быть объективным или субъективным. Объективный дейксис связан с тем, что предлоги отражают отношения между объектами неязыковой действительности лишь частично. Большинство значений пространственных предлогов обусловлено субъективным дейксисом. Это связано с преломлением окружающего мира в нашем сознании, переосмыслением пространственной информации и её отображением в языке с помощью пространственных предлогов. Причём для отображения одной и той же денотативной сцены в разных языках используются конструкции с различными предлогами, что также свидетельствует о субъективном восприятии окружающего мира» [Конева, 2004, с. 26].

Таким образом, в языках аналитического типа (сказанное, видимо, будет в целом справедливо для многих языков), в частности в испанском, предлог передаёт и объективное, и субъективное представление о пространстве и тем самым оказывает влияние на смысл всего высказывания, поскольку ориентирование в пространстве является одним из ключевых, исходных условий осмысления человеком окружающего мира. Именно предлоги делают это осмысление наиболее полным.

2.3. Предлог и лингвистическое пространство

Итак, предлог берёт на себя функцию передавать пространственные отношения различного рода. Для того чтобы наиболее полно раскрыть эту функцию предлогов, нам представляется необходимым исследовать зависимость выбора данных языковых единиц от способа восприятия человеком физического пространства. Другими словами, изучим, какое влияние оказывает лингвистическое пространство на этот выбор.

Прежде чем проанализировать функционирование предлогов, рассмотрим, что подразумевается под понятием лингвистического пространства.

В своей работе, посвящённой пространственно-динамическим предлогам английского языка, Л. В. Газизова говорит о том, что человек не только осмысливает окружающие его предметы и явления действительности, но и «познаёт и отражает определённые отношения и связи между ними. Так как предметы, явления, свойства существуют объективно в пространстве, то и пространственные отношения между ними носят объективный характер. Следовательно, в языке должны находить своё отражение объективно существующие пространственные отношения, т. е. объективное физическое пространство» [Газизова, 1999, с. 9].

Отражённое в языке пространство, о котором говорит Л. В. Газизова, не всегда совпадает с физическим пространством. Дело в том, что под пространством понимается совокупность всех составляющих его предметов и объектов. При этом на первый план выходит, по словам Ю. Д. Апресяна, «способ восприятия» этого пространства. Так, лингвист убеждён, что «способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. Когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении высказывания отдаётся ему» [Апресян, 1986, с. 16]. Е. С. Яковлева, также считает, что лингвистическое пространство не всегда отражает только физическое пространство: лингвистическое пространство «конституируется» объектами, и «в этом смысле оно вторично по отношению» к ним [Яковлева, 1994, с. 20].

На примере высказывания *перед горой лежало озеро* Л. В. Газизова утверждает, что, несмотря на соизмеримость / несоизмеримость величин горы и озера, «здесь важны не фактические размеры озера и горы, а лишь их восприятие говорящим. Озеро может быть крохотным, а гора огромной, т. е. их размеры в действительности могут быть несоизмеримы, но в восприятии человека они представляются как соизмеримые, например, в силу большой удалённости горы. В данном случае пространственные отношения,

отражённые в языке, не совпадают с объективными пространственными отношениями» [Газизова, 1999, с. 10–11].

Таким образом, понятие лингвистического пространства может быть значительно шире физического пространства, поскольку включает в себя не только вместительность объектов действительности, которым является физическое пространство, но и «способ восприятия» объектов человеком.

Помимо предлога, отличия лингвистического пространства от физического могут демонстрировать особенности употребления артикля. Продемонстрируем это на следующих примерах из испанского языка:

Mantequilla debe quedarse en el frigorífico para no derretirse – Масло должно оставаться в холодильнике, чтобы оно не растаяло.

La mantequilla en el frigorífico ha ido mal, no la comas – Масло в холодильнике испортилось, не ешь его.

С точки зрения физического пространства ситуация в обоих случаях одинаковая: есть предмет – *масло*, и есть его местонахождение – холодильник.

Однако с лингвистической позиции один и тот же предмет (*масло*) в обоих примерах будет представлять собой два разных понятия. В первом случае мы имеем дело с любым видом масла (в любом количестве, любого качества, любой марки), в то время как во втором примере речь идёт об определённом масле (конкретной фирмы, в определённом количестве, имеющем определённое местоположение в холодильнике). В связи с этим во втором примере, в отличие от первого, необходимо употребить определённый артикль.

Tengo mucha sed. ¿Te ha quedado agua en la botella? – Я очень хочу пить. У тебя осталась вода в бутылке?

No me parece que el agua en la botella sea mejor que el agua filtrada – Мне не кажется, что вода в бутылке лучше фильтрованной воды.

Физическое пространство в данных примерах также совпадает – один объект (*вода*) находится в другом (*бутылка*), при этом первый пример подразумевает любую воду (важен факт её наличия, но не принимается во внимание ни её качество, ни количество, ни происхождение). Во втором же случае рассматривается только та вода, которая продаётся в бутылках.

И первую, и вторую пару анализируемых примеров различает представление человека о предметах, располагающихся в одном и том же физическом пространстве. Таким образом, для адекватного отражения в языке пространственных отношений необходимо иметь в виду не только физическое пространство, но и «способ его восприятия». Совокупность этих двух составляющих представляет собой лингвистическое пространство, которое для языка важнее, чем физическое, поскольку человек и его представление об объективной действительности играют в языке одну из самых значимых ролей и могут выступать, по словам Ю. Д. Апресяна, «в качестве естественной точки отсчёта» [Апресян, 1986, с. 31].

Предлоги входят в систему средств, с помощью которых в большинстве языков аналитического типа отражается физическое пространство. Проанализируем на материале испанского языка зависимость выбора того или иного предлога от способа восприятия человеком объективных пространственных отношений.

Las casas están a lo largo de la calle – Дома расположены вдоль улицы.

Приведённый пример демонстрирует, что, независимо от расположения домов, они воспринимаются говорящим не в трёхмерном пространстве (где один дом по отношению к улице мог бы стоять боком, а другой – вдоль улицы), а как одна линия, параллельная улице. Это происходит потому, что основное внимание говорящего

сосредоточивается на двумерной плоскости улицы и прилегающих к ней домах, в то время как трёхмерность домов становится для говорящего несущественной и поэтому с точки зрения отражения в языке игнорируется. В связи с этим в испанском языке выбирается предлог *a lo largo de*, который указывает на наличие плоскости, не имея трёхмерных характеристик.

В выражении *subirse en el autobús* (сесть в автобус) автобус воспринимается как плоскость, поверхность, с которой связано действие субъекта, но не в качестве конечного пункта, к которому направлено движение субъекта. По этой причине употребляется предлог *en*, в семантике которого заключается информация о наличии поверхности у объекта, а не предлог *a*, который имеет значение «направление к объекту».

В целях исследования лингвистического пространства и зависимости выбора предлога от способа восприятия человеком объективной действительности можно рассмотреть следующие примеры (на основе статических пространственных отношений):

Sobre la mesa – на столе.

En la cama – на кровати.

Как представляется, и *стол*, и *кровать* служат горизонтальными поверхностями для расположения других предметов (книга на столе, человек в постели), т.е. физическое пространство остаётся неизменным. Однако в сознании говорящего стол (*mesa*) ассоциируется с твёрдой поверхностью, которая не подвергнется деформации в случае локализации на ней другого объекта, в то время как кровать (*cama*) отражается в качестве некоторого вместилища: если на её поверхности окажется другой объект (человек, животное и т. д.), то этот объект «погрузится» в поверхность кровати. Таким образом, поверхность кровати не обладает свойством твёрдости и деформируется во время локализации на ней другого объекта. Следовательно, кровать рассматривается как «вместилище», обладающее трёхмерными характеристиками, которые, стоит оговориться, выражены имплицитно. Отсюда и выбор предлогов для каждой отдельной ситуации: употребление предлога *sobre* объясняется восприятием стола как горизонтальной поверхности. В случае же с кроватью предлог *en* свидетельствует о том, что говорящим она воспринимается как «вместилище» для других объектов.

Итак, восприятие человеком объективного пространства не только может не совпадать с физическим пространством, но в некоторых случаях обуславливает выбор того или иного предлога в высказывании.

Анализируя употребление пространственных предлогов, можно сказать, что осмысление лингвистического пространства происходит в языке посредством передачи пространственных отношений, которые могут быть осложнены другими видами отношений. Так, пространственные отношения, выражаемые предлогами, могут граничить с:

– отношениями части / целого;

En las calles de la ciudad – на улицах города [Rincón, 2000, с. 45].

En la cantina de la universidad – в столовой университета.

Entre los armarios del pasillo – среди шкафов коридора.

En la sala de la embajada – в зале посольства.

– определительными отношениями;

En la cafetería con la cocina española – в кафе с испанской кухней.

En la atmósfera de amistad – в дружественной обстановке.

En la ciudad de mi niñez – в городе моего детства [Navarro, 2010, с. 37].

Un habitante de los EEUU – житель США.

– отношениями номинации;

En la plaza de Colón – на площади Колумба [Zafón, 2001, с. 56].

En la ciudad de Lima – в городе Лима.

A Ciudad de México – в город Мехико.

– притяжательными отношениями;

A la ciudad de mis parientes – в город моих родственников.

En casa de mi amigo – в доме моего друга.

– отношениями оценки (критерия оценки).

Estoy en la ciudad más hermosa de toda mi vida – Я в самом красивом городе в моей жизни.

Примечательно, что в рамках пространственных отношений предлог может приблизить высказывание к выражению целевых отношений:

Ir al médico (идти к врачу) = *ir a consultarse con el médico*.

Ir de compras a la tienda (идти за покупками в магазин) = *ir para hacer la compra en la tienda*.

Итак, мы полагаем, что в языках аналитического типа, в частности в испанском, всё многообразие пространственных моделей выражается в большинстве случаев посредством предлога. Это может быть связано с тем, что употребление предлогов для передачи пространственных отношений позволяет как можно шире и детальнее представить локализацию объекта.

Исходя из проанализированного нами материала, стоит отметить, что пространственные предлоги являются наиболее часто употребляемыми в испанском языке: частотность их использования в несколько раз выше по сравнению с предлогами с другим семантическим наполнением. Среди пространственных предлогов самыми употребляемыми являются простые предлоги *a* и *de*, заключающие в себе семантику направления к исходной точке и от исходной точки соответственно, а также предлог *en*, обозначающий местоположение субъекта. Также важно отметить, что простые предлоги используются для выражения пространственных отношений значительно чаще, чем производные. Возможно, это связано с тем, что данные предлоги являются первичными, исходными.

3. Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало связь предлога с категорией пространства. Было показано, что в испанском языке он играет ключевую роль при выражении пространственных отношений, поскольку именно данная часть речи позволяет наиболее полно и точно передать представление людей о пространстве.

Предлог входит в систему средств, необходимых для выражения пространственной соотнесённости, т. к. в семантике данной части речи содержится информация о:

- местонахождении объектов;
- их перемещении в пространстве;
- исходном и конечном пунктах движения;
- траектории движения;
- границах пространства, в пределах которого происходит движение.

Предлоги *de*, *a* и *en*, заключающие в себе информацию об исходном и конечном пунктах движения, а также о местонахождении объектов соответственно, являются наиболее частотными среди всех испанских пространственных предлогов.

Предлоги в испанском языке способны передавать пространственные отношения различного рода, в том числе осложнённые другими видами отношений, что демонстрирует сложный характер пространственных отношений, выражаемых посредством предлога. Это может быть связано с полисемантическим наполнением простых предлогов, которые могут выражать, помимо пространственных отношений, отношения части / целого, определительные отношения, притяжательные отношения и другие.

Кроме того, важно подчеркнуть, что выбор того или иного пространственного предлога в контексте, в некоторых случаях предлога с нехарактерной для данного типа пространственных отношений семантикой, обусловлен не столько его зависимостью от реального пространства, сколько от способа восприятия человеком данной категории, то есть лингвистического пространства. Это происходит потому, что восприятие человеком объективного пространства не всегда совпадает с физическим пространством. В связи с вышесказанным, нам представляется необходимым в дальнейших исследованиях подробнее изучить влияние лингвистического пространства на употребление пространственных предлогов в испанском языке.

Список литературы

- Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю. Д. Апресян // Семантика и информатика. – М.: 1986. – Вып. 28. – С. 5-33.
- Бороздина, И. С. Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бороздина Ирина Сергеевна ; Курский гос. ун-т. – Курск, 2003. – 219 с.
- Газизова, Л. В. Пространственно-динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Газизова Луиза Венеровна ; Башкирский гос. пед. ин-т. – Уфа, 1999. – 149 с.
- Гренадерова, О. Л. Полифункциональность предлога (на материале португальского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Гренадерова Ольга Леонидовна ; Московский гос. лингвистич. ун-т. – М., 2005. – 149 с.
- Елтанская, Е. А. Семантическая структура английских пространственно-динамических предлогов (на материале различных типов дискурса) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Александровна Елтанская ; Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2007. – 213 с.
- Зененко, Н. В. Диалектика структурных доминант: грамматика и дискурс (на материале иберо-романских языков) [Текст] : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Зененко Наталья Викторовна ; Военный ун-т. – М., 2010. – 407 с.
- Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 174 с.
- Конева, Н. Ю. Синонимия пространственных предлогов IN, ON, AT [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Конева Наталья Юрьевна ; Череповецкий гос. ун-т. – Череповец, 2004. – 168 с.
- Крейдлин, Г. Е. Метафора семантических пространств и значение предлога [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 19–27.
- Логинова, Е. Г. Концептуальное соотношение пространства и времени в семантике английских предложных сочетаний [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Логинова Елена Георгиевна ; Московский гос. лингвистич. ун-т. – М., 2004. – 252 с.
- Маляр, Т. Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках [Текст] / Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1998. – 345 с.
- Плунгян, В. А. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом «под»: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления [Текст] / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Welt der Slaven-Halbjahresschrift fur Slavistic. – 2014. – Т. 59. – № 1. – С. 22–56.
- Степанова, З. М. Роль предлогов в формировании лингвокультурологических особенностей пространственных концептов (на материале русского и французского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Степанова Зоя Михайловна ; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2006. – 207 с.
- Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность [Текст] / А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Наука, 1996. – 229 с.
- Федосеева, Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке: семантика и средства выражения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Федосеева Лариса Николаевна ; Рязанский гос. пед. ун-т. – Рязань, 2004. – 211 с.

- Хоружая, Ю. Н. Семантические функции пространственных и временных предлогов в немецком и русском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Хоружая Юлия Николаевна ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 218 с.
- Шматова, Н. В. Типологическое описание семантики пространственных предлогов «в» и «на» на материале русского и скандинавских языков [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Шматова Наталия Витальевна ; Ин-т языкозн. Рос. академии наук. – М., 2010. – 132 с.
- Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия [Текст] / Е. С. Яковлева. – М. : ГНОЗИС, 1994. – 343 с.
- Edmunds, P. Usage of the Spanish Preposition *en* in Monolingual and Contact Varieties [Text] / P. Edmunds // Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium. Ed. by D. Eddington. – Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2005. – P. 22–30.
- Lam, Y. The Acquisition of Prepositional Meanings in L2 Spanish [Text] / Y. Lam // The Canadian Journal of Applied Linguistics. – 2018. – N 21 (1). – P. 1–22.
- Lewandowski, W. Exploring vagueness: Preposition alternation in Spanish [Text] / W. Lewandowski // Language Sciences. – 2018. – N 66. – P. 1–14.
- Llorach, E. A. Gramática de la lengua española [Text] / E. A. Llorach // Real Academia Española. – Madrid : Espasa Calpe S. A., 2007. – P. 81–84.
- Navarro, J. Dime quién soy [Text] / J. Navarro. – Plaza & Janés, 2010. – 1097 p.
- Nueva Gramática de La Lengua Española. Manual / Real Academia Española (RAE). – Madrid : Espasa Libros S. L., 2010. – 993 p.
- Rincón, W. G. Tesoros de España. Plazas [Text] / W. G. Rincón. – Madrid : Espasa Calpe S. A., 2000. – 160 p.
- Zafón, C. R. La sombra del viento [Text] / C. R. Zafón. – Editorial Planeta, 2001. – 575 p.

References

- Apresyan, Yu. D. (1986). Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Daixis in vocabulary and grammar and naive model of the world]. *Semantica i informatica* [Semantics and informatics], 28, 5–33. Moscow.
- Borozdina, I. S. (2003). *Semantika prostranstvennykh predlogov (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Semantics of spatial prepositions (Based on the English and Russian languages)]. PhD in Philological sci. diss. Kursk : Kursk State University.
- Gazizova, L. V. (1999). *Prostranstvenno-dinamicheskie predlogi so znacheniem «dvizhenie iz iskhodnogo punkta» v angliyskom yazyke* [Spatial-dynamic prepositions with the meaning of “moving from the starting point” in English]. PhD in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State Pedagogical Institute.
- Grenaderova, O. L. (2005). *Polifunksional'nost' predloga (na materiale portugal'skogo yazyka)* [Preposition polyfunctionality (based on the Portuguese language)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Eltanskaya, E. A. (2007). *Semanticheskaya struktura angliyskikh prostranstvenno-dinamicheskikh predlogov (na materiale razlichnykh tipov diskursa)* [The semantic structure of English spatial dynamic prepositions (on the material of various types of discourse)]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University.
- Zenenko, N. V. (2010). *Dialektika strukturnykh dominant: grammatika i diskurs (na materiale ibero-romanskikh yazykov)* [Dialectics of structural dominants: grammar and discourse (on the material of the Ibero-Romance languages)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Military university.
- Kolshanskiy, G. V. (1984). *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazika* [Communicative function and language structure]. Moscow : Nauka Press.
- Koneva, N. Yu. (2004). *Sinonimiya prostranstvennykh predlogov IN, ON, AT* [Synonyms of spatial prepositions IN, ON, AT]. PhD in Philological sci. diss. Cherepovets : Cherepovets State University.
- Kreidlin, G. E. (1994). Metafora semanticheskikh prostranstv i znachenie predloga «sredi» [The semantic limits of the metaphor and the meaning of prepositions]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 5, 19–27.

- Loginova, E. G. (2004). *Kontseptual'noe sootnoshenie prostranstva i vremeni v semantike angliyskikh predlozhnykh sochetaniy* [Conceptual relationship of space and time in the semantics of English prepositional combinations]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.
- Malyar, T. N., Seliverstova, O. N. (1998). *Prostranstvenno-distantionnye predlogi i narechiya v russkom i angliyskom yazykakh* [Spatial and remote prepositions and adverbs in Russian and English]. München.
- Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. (2014). Semantiko-sintaksicheskie svoystva russkikh konstruksiy s predlogom «pod»: pryamye (prostranstvennye) i perenosnye (vremennyye) upotrebleniya [Semantic and syntactic properties of Russian constructions with the preposition “under”: direct (spatial) and figurative (temporary) uses]. *Welt der Slaven-Halbjahresschrift fur Slavistic*, 59 (1), 22–56.
- Stepanova, Z. M. (2006). *Rol' predlogov v formirovanii lingvokul'turologicheskikh osobennostey prostranstvennykh kontseptov (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The role of prepositions in the formation of linguoculturological features of spatial concepts (Based on the material of the Russian and French languages)]. PhD in Philological sci. diss. Ulyanovsk : Ulyanovsk State University.
- Bondarko, A. V. (ed) (1996). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar: Locativeness. Beingness. Possessiveness. Conditioning]. Saint Petersburg : Nauka Press.
- Fedoseeva, L. N. (2004). *Prostranstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke: semantika i sredstva vyrazheniya* [Spatial relations in modern Russian: semantics and means of expression]. PhD in Philological sci. diss. Ryazan : Ryazan State Pedagogical University Press.
- Khoruzhaya, Yu. N. (2007). *Semanticheskie funktsii prostranstvennykh i vremennykh predlogov v nemetskom i russkom yazykakh* [Semantic functions of spatial and temporal prepositions in German and Russian]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University.
- Shmatova, N. V. (2010). *Tipologicheskoe opisanie semantiki prostranstvennykh predlogov «v» i «na» na materiale russkogo i skandinavskikh yazykov* [Typological description of the semantics of spatial prepositions “in” and “on” based on the material of Russian and Scandinavian languages]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
- Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira. Modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya* [Fragments of the Russian language world picture. Models of space, time and perception]. Moscow : GNOZIS Press.
- Edmunds, P. (2005). Usage of the Spanish Preposition en in Monolingual and Contact Varieties. In D. Eddington, *Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium* (pp. 22–30). Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project.
- Lewandowski, W. (2018). Exploring vagueness: Preposition alternation in Spanish. *Language Sciences*, 66, 1–14.
- Lam, Y. (2018). The Acquisition of Prepositional Meanings in L2 Spanish. *The Canadian Journal of Applied Linguistics*, 21 (1), 1–22.
- Llorach, E. A. (2007). Gramática de la lengua española. *Real Academia Española* (pp. 81–84). Madrid : Espasa Calpe S.A.
- Navarro, J. (2010). *Dime quién soy*. Plaza & Janés.
- Nueva Gramática de La Lengua Española. Manual (2010). Real Academia Española (RAE). Madrid : Espasa Libros S.L.
- Rincón, W. G. (2000). *Tesoros de España*. Plazas. Madrid : Espasa Calpe S.A.
- Zafón, C. R. (2001). *La sombra del viento*. Editorial Planeta.

УДК 81'373, 811.111-26

UDC 81'373, 811.111-26

Гусейханова Зарема Сажудиновна, Султанов Казимурза Гаджиевич**Дагестанский государственный университет****Махачкала, Российская Федерация****Zarema S. Guseykhanova, Kazimurza G. Sultanov****Dagestan State University****Makhachkala, Russian Federation**

zarema7@inbox.ru, kazimurza@yandex.ru

**ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ИСЛАМ»
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
THE CONCEPT OF ISLAM: FRAME MODELING
IN THE ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA****Аннотация**

В статье анализируются высказывания, способствующие объективации концепта ИСЛАМ в англоязычном общественно-политическом дискурсе. Ислам рассматривается не только как религиозное и культурное направление, но и как социальное и политическое явление. Такой подход обуславливает использование печатных СМИ с целью выявления концептуальных признаков ИСЛАМА в современной языковой картине мира. В рамках работы проводится анализ содержания, структуры и способов языковой репрезентации концепта ИСЛАМ. Цель работы – выявление особенностей фреймовой структуры указанного концепта. В статье впервые проводится анализ концепта ИСЛАМ для выявления языковых средств, репрезентирующих его в английском языке. Концепт ИСЛАМ может быть представлен в виде фрейма, вершинные узлы которого представлены следующими компонентами: СУБЪЕКТ, ВИД, ИСТОЧНИК, ДЕЙСТВИЕ. К основным концептуальным признакам, ассоциируемым с исламом в английском языке, можно причислить «догматизм», «глобальность», «организованность», «фундаментализм», «насилие».

Abstract

The research analyzes utterances verbalizing the concept of ISLAM in the English-language political discourse. Islam is considered in the paper not only as a religious and cultural phenomenon but also as a social and political phenomenon. This approach justifies the use of print media texts in order to expose ISLAM conceptual features in the contemporary picture of the world. Within the framework of the article, we analyze ISLAM contents, structure and means of expression. The purpose of the article is to identify the main features of ISLAM frame structure based on modern political discourse. ISLAM can be represented as a frame whose top levels are SUBJECT, TYPE, SOURCE, and ACTION. The main conceptual features attributed to ISLAM in the English-language political discourse are “dogmatism”, “globalism”, “good organization”, “fundamentalism”, “violence”.

Ключевые слова: концепт, фреймовое моделирование, ислам, фреймовая структура, общественно-политический дискурс.

Keywords: concept, frame modeling, Islam, frame structure, political discourse.

doi: 10.22250/2410 -7190_2019_5_4_52_61

1. Введение

В языкознании на сегодняшний день немного работ, посвящённых исследованию концепта ИСЛАМ. Внимание лингвистов привлекали лишь некоторые аспекты данного концепта. В частности, в работе М. К. Козыревой рассматриваются особенности репрезентации концепта “Muslim World” в современном англоязычном дискурсе [Козырева,

2015, с. 151]. Тем не менее, частотность репрезентации данного концепта в языке медиа, который, бесспорно, становится самой влиятельной сферой употребления современного литературного языка [Иванов, Клушина, 2018, с. 5], обуславливает необходимость всестороннего когнитивного анализа средств объективации концепта ИСЛАМ в англоязычных СМИ с использованием метода фреймового моделирования.

Когнитивный подход к языку, возникший на стыке многих научных направлений, предполагает исследование языковых проявлений человеческого сознания [Демьянков, 1994, с. 19]. Особенности восприятия мира человеком находят языковое выражение – в результате обработки информации человеческим сознанием формируются концепты, содержание которых впоследствии отражается в семантике лексических единиц. Следовательно, при описании семантики слова необходимо учитывать когнитивную структуру, лежащую в основе процессов номинации. Фреймовый анализ, представляющий фрейм как определённую когнитивную структуру, стоящую за формированием лексического значения, в настоящее время является одним из наиболее перспективных методов.

2. Фреймовое моделирование как способ изучения концептов

Фреймовое моделирование можно с полным правом назвать способом изучения концептов, поскольку фрейм – это система структурированных данных для представления стереотипной информации (см. подробнее [Минский, 1979]). Инструментом познания в когнитивной лингвистике являются оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупность всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т. д. [Маслова, 2005, с. 10]. Е. С. Кубрякова выделяет несколько аспектов в понимании популярного термина «фрейм» [Кубрякова, 2004, с. 53]: языковой (система выбора языковых средств, связанных с прототипом сцены); психологический («аналитические леса», с помощью которых постигается собственный опыт); собственно когнитивный (единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, обладающая конвенциональной природой).

Формально фрейм представляет собой систему узлов и отношений разных уровней: в «верхние уровни» включаются данные, всегда справедливые для подвергаемой анализу ситуации, а «нижние» уровни фрейма представляют собой пустые узлы («ячейки», «терминальные узлы», или «слоты»), заполняемые конкретными данными из той или иной практической ситуации [Минский, 1979, с. 152].

Информация, соответствующая «верхнему уровню» во фреймовой модели, является константной, включающей минимально необходимое, национально и культурно значимое, истинное содержание [Карасик, 2005, с. 175]. В. В. Красных рассматривает фрейм-структуры сознания как составляющие когнитивной базы носителей языка – «определённым образом структурированной совокупности необходимых обязательных знаний и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных, 2000, с. 53].

Основными свойствами фреймов, которые следует учитывать в когнитивном исследовании семантики языковых единиц, являются:

- взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов;
- возможность фокусировки внимания человека на любой части фрейма.

Субъекты по-разному опишут одну и ту же ситуацию, поскольку каждый из них обратит внимание на различные её аспекты, которые будут интерпретированы им как наиболее важные. Когнитивные структуры, в отличие от языковых структур, принципиально нелинейны. Следовательно, в момент перехода от нелинейных структур сознания к линейным или языковым актуализируется одна информация и сворачивается другая.

3. Содержание и структура концепта ИСЛАМ

3.1. Материал и методика исследования

В настоящей статье предпринята попытка определить основное содержание концепта ИСЛАМ путём выявления и анализа структуры лексики, репрезентирующей исследуемый в работе концепт в английском языке на материале СМИ. Источником материала послужили новостное агентство *Reuters*, газеты *The Guardian*, *The Independent*, журнал *The Economist* и британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация *BBC* (2013–2019 гг.). Отбор материала был произведён методом сплошной выборки.

Отобранные лексические единицы подверглись фреймовому анализу и тем самым были структурированы. В работе проводится анализ лексической наполненности каждой составляющей фрейма, а также исследуются способы актуализации концептуальных признаков с целью выявления национально-специфических особенностей концепта ИСЛАМ в картине мира англоязычного сообщества.

3.2. Содержание концепта ИСЛАМ

Для построения когнитивной модели концепта ИСЛАМ обратимся к его содержательному минимуму. Анализ словарных дефиниций слова-номинанта концепта показывает, что в английском языке лексема *Islam* имеет два значения [Collins..., 1992 ; Longman..., 1995 ; The New Oxford..., 2001]:

1) *the religion of the Muslims, a monotheistic faith regarded as revealed through Muhammad as the Prophet of Allah* – 'религия мусульман, монотеистическая вера, которая (как считается) была передана через Мухаммада, как Пророка Аллаха';

2) *the Muslim world: the most enormous complex of fortifications in all Islam* – 'мусульманский мир: крупнейший фортификационный комплекс в исламе'.

Опираясь на указанные дефиниции, к лексическим единицам, репрезентирующим изучаемый концепт, можно отнести лексемы, обозначающие лицо или группу лиц, исповедующих ислам (*muslims, islamists*), а также лексические единицы *monotheistic faith, Prophet Muhammad* и *Allah* (указывают на, соответственно, проводник и источник веры) и, наконец, *the Muslim world*. Аналогичные составляющие выявляются в дефиниции энциклопедии «Британника» с уточнением о том, что это одна из основных мировых религий [Encyclopaedia Britannica, 2019].

От дефиниций перейдём к анализу экспериментального материала. Как известно, в традиционном Исламе противопоставляются две ветви: *Sunnism* и *Shiism* или *Shia* (определение и историю начала их противостояния см., напр., в энциклопедии «Британника» [Encyclopaedia Britannica, 2019]), на противоборство которых обращают внимание в СМИ, подчёркивая непримиримость сторонников этих религиозных течений Ислама через лексемы *fight* и *revolt*:

(1) *Many Shi`ites have come to Syria from Iraq or Lebanon to help Assad, whose ruling establishment are mostly members of a sect linked to Shi`ite Islam, fight a majority Sunni revolt* (Reuters, 16.11.2013) – 'Многие шииты прибыли в Сирию из Ирака и Ливана, чтобы помочь Асаду, правительство которого, в основном, состоит из представителей шиитского направления в исламе, подавить восстание представителей суннитского большинства'.

Нельзя не заметить параллели «правящая верхушка – секта шиитов» и «восстание – суннитское большинство», подчёркивающие дисбаланс ситуации.

В целом, к лексике, реализующей вербально концепт ИСЛАМ, относятся следующие единицы (приведены в алфавитном порядке): *Adhan* 'Адхан', *Allah* 'Аллах', *Faith*

'вера', *Fast* 'пост', *God* 'Бог', *Hadiths* 'хадисы', *Hajj* 'хадж', *Hijab* 'хиджаб', *Imam* 'Имам', *Islam* 'Ислам', *Jihad* 'джихад', *Koran (Qur'an)* 'Коран', *Mosque* 'мечеть', *Muezzin* 'муэдзин', *Muslims* 'мусульмане', *Niqab* 'никаб', *Pilgrimage* 'паломничество', *Prayer* 'молитва', *Prophet Muhammad* 'пророк Мухаммад', *Ramadan* 'Рамадан', *Sharia (sacredlaw)* 'Шариат (священное право)', *Shiism (Shia)* 'шиизм', *Sunnism* 'суннизм'. Основная сфера употребления данной лексики – религиозный дискурс. Многие из этих единиц заимствованы из арабского языка.

На основе семантического анализа указанного выше списка лексики и слов-номинантов концепта ИСЛАМ можно отметить, что его основным содержанием является: представление о монотеистической религии, проповедующей поклонение Аллаху как единому Богу и совершение обязательных и желательных религиозных ритуалов.

3.3. Фреймовая структура концепта ИСЛАМ и его объективация в дискурсе СМИ

На основе содержательного минимума концепта ИСЛАМ можно выявить его фреймовую структуру, состоящую из следующих вершинных узлов: СУБЪЕКТ, ИСТОЧНИК, ВИД, ДЕЙСТВИЕ. Фрейм концепта ИСЛАМ имеет иерархически сложную структуру, состоящую из указанных вершинных узлов, а также присоединяемых к ним слотов с определённой лексической репрезентацией. Выделенные вершинные узлы могут быть представлены системой слотов, которые связаны функциональными отношениями с вышестоящими и нижестоящими слотами.

Ислам рассматривается не только как религиозное и культурное течение, но и как социально-политическое явление, которое находит широкое отражение в дискурсе СМИ. Обратимся к информационным и аналитическим сообщениям СМИ об исламе для представления фрейма в более детализированном виде.

В составе фрейма ИСЛАМ одной из ключевых является вершина СУБЪЕКТ (подфрейм). Рассмотрим её реализацию в дискурсе СМИ. Именем подфрейма является *Muslims* – мусульмане. Чаще всего в англоязычных текстах СМИ субъект репрезентируется лексемой *Muslims*:

(2) *Australian Muslims who, despite being mostly born, raised and educated in Australia, still feel like their identity is being constantly questioned (The Guardian, 03.07.2013)* – 'Австралийские мусульмане, несмотря на то, что родились, выросли и получили образование в Австралии, по-прежнему ощущают, что их идентичность подвергается сомнению'.

Кроме того, используются словосочетания с лексемами *Islam*, *Islamic* и *Muslim*: *Islamic community*, *Islamic society*, *Muslim community*, *Muslim groups* и т. п.

(3) *Brandeis University said it had decided not to award an honorary degree to Ayaan Hirsi Ali, a former Dutch parliamentarian who has been a prominent critic of the treatment of women in Islamic society (Reuters, 09.04.2014)* – 'В университете Брандейса заявили, что было принято решение не присуждать почётное звание бывшему депутату голландского парламента Аяну Хирси Али, известному своей критикой отношения к женщине в исламском обществе'.

Употребление таких словосочетаний указывает на сплочённость единоверцев и некоторую организованность. Это свидетельствует о том, что подфрейм СУБЪЕКТ можно представить в виде слотов «Индивидуальные субъекты» и «Группы». Слот «Группы» часто выражается следующими языковыми единицами: *Muslim community*, *Islamic community*, *Islamic society*, *Muslim groups*:

(4) *Muslim groups say that by refusing to suspend the practice during Ramadan the US is adding insult to injury (The Guardian, 08.07.2013)* – 'Представители мусульманско-

го сообщества заявляют, что отказ США от приостановки военных действий в период Рамадана, добавляет к имеющимся жертвам ещё и факт оскорбления.'

Исламская община, как любая организованная структура, предполагает наличие некоторой иерархии. Так, в структуре исламской общины можно выделить тех, кто проповедует ислам и тех, кто исповедует эту религию:

(5) *Why else did 500 Muslim imams across the UK – immediately after the Oxford court hearings – deliver sermons on the evils of child grooming and rape? (The Independent, 07.07.2013)* – 'По какой же ещё причине 500 мусульманских имамов по всей территории Соединенного Королевства – сразу после слушаний в Оксфордском суде – выступили с проповедями о зле соращения и сексуального насилия над детьми?'

(6) *Its purpose is clear: to call followers to prayer, to convert non-believers, to ring out across the land like an air-raid siren from on high (The Independent, 02.07.2013)* – 'Цель ясна: призвать последователей к молитве, обратить неверующих, прозвучать по всей стране, словно сирена противовоздушной обороны'.

В текстах СМИ часто субъект определяется словосочетаниями *Islamic countries* или *Muslim countries*, выражающими некоторую географическую и территориальную обособленность, а также *Islamic world*, *Muslim world*, отражающими единение мусульман или широкое распространение сравнительно молодой религии ислам во всем мире.

(7) *As Ramadan starts, this issue is becoming increasingly embarrassing for the US government; it's about time President Obama took a brave decision to end this in a way that would be appreciated around the Islamic world (The Guardian, 08.07.2013)* – 'С началом Рамадана этот вопрос ставит в неловкое положение правительство США; Президенту Обаме уже пора принять смелое решение и поставить точку в этом вопросе таким образом, чтобы это с благодарностью было воспринято во всём Исламском мире'.

В некоторых случаях слот «Группы» объективируется названием мусульманской организации или группы, например, *the Junta Islamica*, *Ahrar-al-Sham*, *Ausar-al-Sharia* и т. д.

(8) *In Spain, the Junta Islamica reinforced the vivid links between the expelled Muslims and Spain (The Guardian, 24.02.2014)* – 'В Испании организация Хунта Исламика усилила связи между изгнанными мусульманами и Испанией'.

Таким образом, языковые выражения, объективирующие слот «Группы», реализуют такие концептуальные признаки, как «глобальность» и «организованность».

Идентификатором слота «Индивидуальные субъекты» является лексема *Muslims*, которая наиболее часто используется для обозначения лиц, исповедующих ислам. В информационных сообщениях обычно указываются пол, национальность, гражданство, возраст и другие характеристики мусульман.

(9) *He is also a Muslim. Neat, clean-shaven, thin as a whip, with powerful spectacles, he lives in one of the predominantly Muslim areas of Rangoon... (The Independent, 28.02.2014)* – 'Кроме того, он мусульманин. Опрятный, гладко выбритый, стройный и подтянутый, в очках с мощными линзами, он проживает в одном из мусульманских кварталов Рангуна'.

Реализация слотов «Национальность», «Внешний вид», «Пол», «Возраст», «Социальный статус», «Приверженность идеологии» и «Личностные характеристики» зависит от характера статьи. Однако с их помощью СМИ реализуют одну из основных своих функций – воздействующую – и формируют стереотипное представление о мусульманах.

(10) *It's recently been reported that half of British Muslims are under 25 (The Independent, 02.07.2013)* – 'Недавно была опубликована информация о том, что половина британских мусульман не достигли 25-летнего возраста'.

Особое внимание необходимо обратить на то, что довольно часто англоязычные СМИ обращаются к проблеме отношения к женщинам в Исламе. При этом акцентирова-

ется внимание на неравноправии мужчин и женщин в Исламе, а также на насилии, совершаемом над женщинами, как со стороны мусульман, так и со стороны не-мусульман:

(11) *A woman was assaulted in hospital in Luanda for wearing a veil, and on another occasion, a young Muslim lady was beaten up and told to leave the country because she was wearing a veil (The Guardian, 28.11.2013)* – 'В Луанде женщина подверглась насилию в больнице за то, что носила паранджу. В другом случае, молодую мусульманку избили и потребовали покинуть страну по той же причине'.

Подфрейм ИСТОЧНИК (вершинный узел) является наименее детализированным и представляет собой идеологическую основу ислама. Любая религия, как известно, догматична. Источниками догматов мировых монотеистических религий, к которым относится ислам, являются священные писания. Таким образом, в качестве ИСТОЧНИКА выступает священная для мусульман книга – Коран. В англоязычных медийных текстах лексеме Коран соответствуют *Koran* и *Qur'an*:

(12) *They claim that the Qur'an insists only God can determine when someone dies and that it is up to doctors to do everything to preserve a life – even if this means it is of poor quality and painful (The Guardian, 09.11.2013)* – 'Они утверждают, что согласно Корану, только Всевышний может определить, когда человеку суждено умереть, а врачи должны делать всё возможное, чтобы сохранить жизнь – даже, если она будет тяжёлой и болезненной'.

В качестве источника для последователей ислама выступают *Hadiths* пророка Мухаммеда, которые представляют собой желательные для соблюдения правила и нормы поведения мусульман.

(13) *Among those many thousands of sayings, or hadiths, are accounts which refer to the confrontation of two huge Islamic armies in Syria, a great battle near Damascus, and intervention from the north and west of the country (Reuters, 02.04.2014)* – 'Среди тысяч этих сказаний, или хадисов, есть рассказы о противостоянии двух крупных армий в Сирии, великой битве близ Дамаска, и вторжении с севера и запада страны'.

На Коран и Хадисы опирается *Sharia* 'Шариат' – совокупность правовых, канонически-традиционных, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая значительную часть жизни мусульман.

В дискурсе масс-медиа часто освещаются вопросы, связанные с мусульманским религиозным правом и отношением не-мусульман к нему:

(14) *The report says Islamist extremists seek to impose a global Islamic state governed by their interpretation of sharia as state law, rejecting liberal values such as democracy, the rule of law and equality (The Independent, 04.12.2013)* – 'В репортаже говорится о том, что исламские экстремисты стремятся установить глобальное исламское государство, основанное на их толковании шариата как государственного права, отвергая такие либеральные ценности как демократия, верховенство закона и равенство'.

К языковым единицам, репрезентирующим вершинный узел ИСТОЧНИК, относится также лексема *Fatwa*. В исламе фетва – это решение по какому-либо вопросу, выносимое представителем мусульманского духовенства, основанное на принципах ислама.

(15) *A visiting Saudi cleric issued a fatwa, from the Green Lane mosque in Birmingham (The Guardian, 04.12.2013)* – 'В мечети Грин Лэйн в Бирмингеме, религиозный деятель, приехавший из Саудовской Аравии, вынес фетву, которая поддерживала его врагов в конгрегации'.

Таким образом, языковые средства, объективирующие подфрейм ИСТОЧНИК, реализуют концептуальный признак «догматичность».

Вершинный узел ВИД представлен разветвлениями ислама – традиционный и радикальный ислам. Слот «Традиционный ислам» выражается лексемами, обозначающими две ветви ислама: *Sunnism* и *Shi'ism (Shia)*. Сунниты составляют большую часть

среди мусульман, а шииты составляют второе по численности течение в исламе. Конфликты между представителями этих течений то и дело вспыхивают в мусульманских странах и часто отражаются в сообщениях СМИ как жестокие и кровопролитные противостояния:

(16) *A group of Syrian Sunni Muslim rebels linked to al Qaeda have beheaded one of their own wounded fighters after mistaking him for a foreign Shi'ite fighting for president Bashar al-Assad, a monitoring group said (Reuters, 16.11.2013)* – 'Как заявили в группе наблюдательной миссии, группа сирийских повстанцев из числа мусульман-суннитов, связанная с Аль-Каедой, обезглавила одного из своих раненых бойцов, по ошибке приняв его за иностранного боевика шиита, воюющего на стороне президента Башара аль-Асада'.

Одним из радикальных течений в исламе является исламизм – *Islamism*. Однако в текстах СМИ исламистами (*Islamist*) часто называют приверженцев любых радикальных течений в исламе. Таким образом, лексему *Islamism* можно считать идентификатором слота «Радикальный ислам».

(17) *The doors of Muslim jihad (religious reasoning) have always remained open, and modern Islamist attempts to impose theocratic orthodoxy on us will therefore be resisted (The Guardian, 28.01.2014)* – 'Врата мусульманского джихада (религиозное обоснование) всегда были открыты, а посему попытки современных исламистов навязать нам ортодоксальную теократию столкнутся с сопротивлением'.

В целом, языковые средства, объективирующие слот «Радикальный ислам», реализуют следующие концептуальные признаки:

«фундаментализм»:

(18) *Under the Prime Minister's proposals, Islamist radicals face being expelled from mosques, Muslim community groups and universities in a fight-back against fundamentalism. (The Independent, 04.12.2013)* – 'По предложению премьер-министра, в рамках борьбы с фундаментализмом, исламские радикалы изгоняются из мечетей, мусульманских сообществ и университетов'.

(19) *Religious extremists are using schools to narrow children's horizons and "pervert education", England's chief inspector of schools has warned (BBC, 2018)*. – 'Религиозные экстремисты используют школы для того, чтобы сузить горизонты детей и "извратить образование", предостерегает главный инспектор Англии по школам'.

«насилие»

(20) *Just over a month ago, on Easter morning, jihadist terrorists killed more than 250 people around Sri Lanka in a series of suicide-bombings (The Economist, 2019)* – 'Чуть более месяца назад, утром в день Пасхи, в результате серии атак террористов-смертников, джихадисты убили более 250 человек в разных регионах Шри-Ланки'.

«страх»

(21) *Islam frightens many in the West. Jihadists kill in the name of their religion (The Economist, 2019)* – 'Ислам многих страшит на Западе. Джихадисты убивают во имя своей религии'.

В приведённых выше примерах актуализация указанных признаков происходит прямо (*fundamentalism, killed, frightens*) либо опосредованно, путём описания конкретных ситуаций, вызывающих в сознании читателя данные ассоциации (*narrow children's horizons, a rich Muslim doctor was accused of having secretly sterilised 4,000 women*).

Языковыми выражениями, репрезентирующими вершину ДЕЙСТВИЕ, являются также лексемы *Pilgrimage* и *Hajj*.

(22) *Saudi Arabian authorities have asked pilgrims to put politics aside during the annual haj, but amid bitter divisions in Egypt, some Islamists refuse to keep quiet (Reuters, 10.10.2013)* – 'Власти Саудовской Аравии обратились к паломникам с просьбой оста-

вить в стороне политические разногласия на период ежегодного хаджа. Однако некоторые исламисты из числа непримиримых оппонентов в Египте отказываются поддерживать режим временного перемирия'.

Однако нейтральные аспекты ислама не так интересны СМИ, как маргинальный характер вершины **ДЕЙСТВИЕ**, ассоциируемой с такими концептуальными признаками, как «догматичность», «фанатизм» и «опасность».

(23) *Some Muslim conservatives believe it lets them **force** their daughters to marry. (The Economist, 2019) – 'Отдельные Мусульмане консервативного толка полагают, что это позволяет им принудительно выдавать дочерей замуж'.*

(24) ***Fear** of terrorism, not least the **danger** that jihadists returning from Syria will cause **bloody havoc** at home, and the rise of anti-immigrant populism are leading governments to try to control Muslims. (The Economist, 2019) – 'Страх перед угрозой терроризма и в равной степени опасность того, что возвращение джихадистов из Сирии приведёт к кровавым погромам, а также рост анти-иммигрантского популизма, вынуждает правительства пытаться контролировать мусульман'.*

(25) *Julien Odoul posted his verbal exchange on Twitter along with a message citing a **fatal knife attack** on four police officers in Paris earlier this month which has been linked to Islamist radicalisation. (BBC, 2019) – 'Жюльен Одул разместил на своём Твиттер-аккаунте свою словесную перепалку наряду с сообщением о случившемся в начале месяца нападении террориста, вооруженного ножом, жертвами которого стали 4 офицера полиции. Данную атаку связали с исламистской радикализацией'.*

Как видно из примеров, в медиапространстве в основном создаётся образ врага-мусульманина, что достигается путём использования большого количества слов с отрицательной оценочной семантикой в контекстах употребления слов-репрезентантов вершинных узлов концепта ИСЛАМ.

4. Заключение

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, анализ словарных дефиниций и экспериментального материала показал, что содержательный минимум концепта ИСЛАМ можно определить как представление о монотеистической религии, 1) проповедующей поклонение Аллаху как единому Богу и совершение обязательных и желательных религиозных ритуалов, 2) основателем которой является Мухаммед, по преданию, избранный Аллахом своим посланником, пророком.

Во-вторых, концепт ИСЛАМ в текстах СМИ репрезентируется лексическими единицами, основной сферой употребления которых является религиозный дискурс. Большая часть лексики представляет собой лексемы, заимствованные из арабского языка, что обусловлено исторически. К этим лексическим единицам примыкает лексика, носящая эмоционально-оценочный, преимущественно негативный, характер.

В-третьих, ислам рассматривается не только как религиозное и культурное течение, но и как социально-политическое явление, которое находит широкое отражение в дискурсе СМИ.

В-четвёртых, фрейм концепта ИСЛАМ в английском языке состоит из следующих вершинных узлов: СУБЪЕКТ, ИСТОЧНИК, ВИД, **ДЕЙСТВИЕ**. Основными концептуальными признаками являются «организованность», «догматичность», «глобальность», «фанатизм», «преступность», «насилие» и «опасность». Их актуализация происходит либо прямо в соответствующих лексемах, либо опосредованно – через описание конкретных ситуаций, вызывающих в сознании читателя ассоциации с указанными признаками.

Список литературы

- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2002. – 236 с.
- Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
- Иванова, М. В. Нормы в массмедиа: когнитивный аспект / М. В. Иванова, Н. И. Клушина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – Вып. 2. – С. 5–12.
- Иная ментальность [Текст] / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
- Кибрик, А. Е. Когнитивные исследования по дискурсу [Текст] / А. Е. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
- Козырева, М. Е. Репрезентация концепта “Muslim World” в современном англоязычном дискурсе [Текст] / М. Е. Козырева // Филологические науки. – 2015. – №4 (6). – С. 151–160.
- Красных, В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В. В. Красных // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 1. – С. 53–55.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие [Текст] / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск : Тетра Системс, 2005. – 256 с.
- Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
- Collins Concise English Dictionary [Text] / ed. by J. Collins. – 3 rev. ed. – London : Harper Collins Publishers, 1992.– 1657 p.
- Encyclopaedia Britannica [Electronic resource]. – URL : <https://www.britannica.com> (дата обращения : 15.11.2019).
- Longman Dictionary of Contemporary English [Text] / ed. by D. Summers. – 3rd ed. – Basingstoke : Longman Group Ltd, 1995.– 785 p.
- The New Oxford dictionary of the English language [Text] / ed. by J. Pearsall, P. Hanks. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 643 p.

References

- Boldyrev, N. N. (2002). Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii [Cognitive semantics: A course of lectures in English philology]. Tambov.
- Demiankov, V. Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of explanatory approach]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 4, 17–33.
- Ivanova, M. V., Klushina, N. I. (2018). Normy v massmedia: kognitivnyy aspekt [Mass media norms: Cognitive aspect]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 5–12.
- Karasik, V. I., Prokhvacheva, O. G., Prokhvacheva, O. G., Zubkova, Ya. V., Grabarova, E. V. (2005). Inaya mental'nost' [Another mentality]. Moscow.
- Kibrik, A. E. (1994). Kognitivnyye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 5, 126–139.
- Kozyreva, M. E. (2015). Rezentatsiya kontsepta “Muslim World” v sovremennom angloyazychnom diskurse [‘Muslim world’ concept representation in modern English discourse]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 4 (6), 151–160.
- Krasnykh, V. V. (2000). Stroyeniye yazykovogo soznaniya: freym-struktury [Linguistic consciousness structure: Frame structures]. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive Semantics], 1, 53–55.
- Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. Ways to gain knowledge about the language. The role of the language in world cognition]. Moscow.

- Maslova, V. A. (2005). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk.
- Minsky, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow.
- Collins, J. (Ed.). (1992). *Collins Concise English Dictionary*. 3 rev. ed. London : Harper Collins Publishers.
- Encyclopaedia Britannica (2019). Retrieved November 15, 2019 from <<https://www.britannica.com>>.
- Summers, D. (Ed.). (1995). *Longman Dictionary of Contemporary English*. 3rd ed. Basingstoke : Longman Group Ltd.
- Pearsall, J., Hanks, J. (Eds.). (2001). *The New Oxford dictionary of the English language*. Oxford : Oxford University Press.

УДК 81'44, 81-115

UDC 81'44, 81-115

Дубровская Полина Дмитриевна
Независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Polina D. Dubrovskaya
Independent researcher
Saint Petersburg, Russian Federation
dubrovskaya.pl@mail.ru

Манёрова Кристина Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Kristina V. Manerova
Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
k.manerova@spbu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ
ЮМОРА В ЖАНРЕ «СТЕНДАП»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)
LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF HUMOR
CREATING IN STAND UP (ON EXAMPLE OF RUSSIAN AND GERMAN)

Аннотация

Относительно новый юмористический жанр «стендап» (от англ. stand up comedy) только начинает привлекать внимание исследователей разных направлений лингвистики. Сравнительный лингвокультурологический анализ избранных скетчей русского и немецкого представителей жанра «стендап» имеет своей целью установление универсальных и несхожих типологических черт жанра в двух лингвокультурах, выявление рецепции национальной культуры смеха в жанре, проявляющейся в тематике скетчей, а также сравнение использования механизмов создания и восприятия вербального юмора (мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости, мотив враждебности и мотив высвобождения) на материале 20 избранных скетчей П. Воли и М. Миттермайера. Темы, подвергающиеся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков двух стран, выявляют как совпадения (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых), так и различия (социальная напряженность, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие).

Abstract

The relatively new comedy genre stand-up comedy is just beginning to attract the attention of researchers from different areas of linguistics. A comparative linguistic and cultural analysis of selected sketches of the Russian and German stand-up comedians is aimed to establish universal and dissimilar typological features of the genre in two linguistic cultures, identify the reception of national culture of laughter in the genre, manifested in the subject of sketches, as well as compare the use of mechanisms for creating and perceiving verbal humor (incongruity theories, hostility theories and release theories) on the material of 20 selected sketches by P. Volya and M. Mittermeier. It was discovered that certain topics that both comics involved to laugh at were similar (new trends in technical sphere, automobiles, holidays and rest) while others varied (social tension, feminism, male and female relations, financial instability).

Ключевые слова: лингвокультура, жанр «стендап», типология жанра, теория юмора, механизм создания юмора, сравнительный анализ, немецкий язык, русский язык.

Keywords: linguistic culture, stand-up, typology of genre, humor theory, theories of humor creating, comparative analysis, German, Russian.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_62_74

1. Введение

Невыраженный интерес лингвистов к жанру «стендап» можно объяснить его новизной и вызванной этим сравнительно узкой известностью, а также определёнными ограничениями, связанными с возможным употреблением оскорбительной, пейоративной и табуизированной лексики в скетчах, с неизбежностью её учёта при анализе жанра. Как отмечает В. Д. Казакова, «исследуются разные аспекты комического: философско-эстетический, биопсихологический, литературоведческий, социокультурный, лингвистический» [Казакова, 2013, с. 77]. Однако в объёмной современной монографии немецких исследователей лингвистических аспектов гелотологии, посвящённой возникновению мировых юмористических жанров, жанр «стендап» не упомянут [Wirth, 2017]. За последние пять лет появились немногочисленные работы, в которых названный жанр становится объектом для лингвопрагматического [Манжелевская, 2017] и лингвокогнитивного [Казакова, 2013] анализа, изучения транслатологических особенностей передачи юмора на другой язык [Джабраилова, Зарипова, 2018], рассмотрения передачи этностереотипов в отдельно взятом языковом варианте жанра [Мельничук, Андросова, 2016].

В то же время названный жанр можно считать ярким примером отражения национальной лингвокультуры страны, поскольку данный жанр, несмотря на свою универсальность: 1) выявляет несхожую тематику явлений, подвергающихся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков разных стран; 2) проявляет черты рецепции национальной культуры смеха; 3) в зависимости от лингвокультуры, с разной степенью интенсивности использует механизмы создания и восприятия вербального юмора (мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости, мотив враждебности и мотив высвобождения, согласно семантической теории юмора В. Раскина). Как отмечает В. В. Наумов, «в каждой лингвокультуре существуют свои нормы восприятия чувства юмора. Не менее значимы индивидуальные формы реакции» [Наумов, 2017, с.102]. Действительно, для восприятия юмора важны как индивидуальные реакции партнёра, так и то, что с разной степенью интенсивности может вызывать смех у представителей несхожих лингвокультур: «то, что вызывает смех у одного, может не вызвать даже улыбки у другого индивидуума» [Наумов, 2017, с.102]. Русский и немецкий варианты жанра «стендап» ещё не становились объектом сравнительного лингвокультурного исследования. Для представителей русской лингвокультуры характерна повышенная эмоциональность, следовательно, эмотивная составляющая в языке и юморе обусловила формирование разветвлённой системы параязыковых средств и юмористической тематики. Для немецкой лингвокультуры повышенная эмоциональность не является характерной чертой, что оправдывает применение сравнительных методов анализа к рассматриваемому материалу нового жанра и обуславливает новизну исследования.

Материалом для сравнительного анализа послужили десять тематически разных скетчей русского комика Павла Воли и такое же количество скетчей немецкого комика Михаэля Миттермайера (нем. Michael Mittermeier), выступающих в стиле «solo стендап». Составлен корпус объёмом 15489 токенов на русском языке, 11322 токена на немецком языке в письменной фиксации. В качестве токена взята единица измерения корпуса согласно определению В. А. Яцко: «Токен можно определить как последовательность буквенных и / или цифровых символов, отделённую слева и справа

ва знаками форматирования текста и / или препинания» [Яцко, 2014, с.3]. Видеоролики выступлений выложены на видеохостинге youtube в свободном доступе (www.youtube.com), время звучания немецкого корпуса 1 час 5 минут 18 секунд, русского 1 час 24 минуты 22 секунды, общее время звучания 2 часа 29 минут 40 секунд. Выбор двух персоналий обусловлен тем, что оба артиста широко известны и стоят у истоков жанра в обеих странах¹.

Ц е л ь статьи заключается в установлении универсальных и несхожих типологических черт жанра в двух лингвокультурах, в выявлении рецепции национальной культуры смеха в жанре, а также в сравнении использования механизмов создания и восприятия вербального юмора в русской и немецкой лингвокультурах. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) изучить универсальные и различающиеся типологические черты жанра «стендап» в русском и немецком языках; 2) определить доминирующие механизмы создания юмора у представителей жанра в обеих лингвокультурах; 3) провести сравнительный лингвокультурологический анализ тематики скетчей на основе составленного корпуса. Отметим, что анализ индивидуальных нюансов речевого поведения артистов не является задачей исследования.

2. Сравнительный лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре на русском и немецком языках

2.1. Типологические черты немецкого и русского жанров «стендап»

Жанр «стендап» восходит к индивидуальным выступлениям конферансье в мюзик-холлах Великобритании, США, Франции. Объявления артистов конферансье превращали в небольшие юмористические эстрадные номера (скетчи). В России названный жанр заимствован, прежде всего, из западной культуры, однако, проявляет исторические черты рецепции обрядово-зрелищных форм русской смеховой культуры, ср. балагурство, рассматриваемое в работе Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко «Смех в Древней Руси»: «Балагур как бы принимает на себя обязанности балагура, он берётся не прерывать обязанности своего балагурства в течение вечера, всей свадьбы, всей встречи. Он должен выдержать свою роль балагура как можно дольше и «непрерывнее». В конце концов за ним устанавливается репутация балагура, и от него постоянно ждут шуток; ему стремятся подбросить горячий «материал» для его шуток. Реплики слушающих имеют большое значение в «смеховой» работе балагура. Балагур становится как бы актёром в театре, где играют и сами зрители, подыгрывают во всяком случае» [Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984, с.35].

В Германии жанр «стендап» имеет исторические прототипы в виде варьете, политического кабаре и зингшпильей, т. е. малых жанров, как их определяют исследователи Будзински и Хиппен: „[s]eit etwa 1900 [eine] Sammelbezeichnung für alle in Kabarett, Varietés und Singspielhallen gebotenen Formen künstlerischer Betätigung ohne qualitative Wertung [...]“ [Budzinski, Hippen, 1996, с.192]. Эти формы малых жанров включают мимические, языковые и музыкальные элементы. В жанре «стендап» выступление юмориста также включает в себя указанные элементы, не совмещаемые со сценическим гримом, костюмом, специальным освещением. Возможно использование изображений для иллюстрации скетчей.

Действительность переосмысливается в названном жанре, в первую очередь, в направлении социо- и лингвокультурных установок стендап-комика и его зрительской

¹ П. Воля начал карьеру в 2005 г., М. Миттермайер в 1996 г. Оба представителя жанра получили высшее образование в области гуманитарных наук, М. Миттермайер написал магистерскую диссертацию об американском жанре «стендап», что, по всей видимости, и повлияло на его выбор профессии.

аудитории: мыслительные и поведенческие стереотипы, социальный и ситуативный контекст, гендерный аспект, (не)типичное и примордиальное, новые явления и веяния и многое другое становятся темами для создания юмора на основе культурно-языковой компетенции.

Артист жанра «стендап», выступающий соло, объединяет в себе три роли: роль комика, роль личности, повествующей на основании собственного опыта и событий, произошедших либо с ним лично, либо с представителями его окружения или социума, и роль рассказчика, повествующего преимущественно от 1-го лица. Представление актёра публике входит в формат жанра, т. к. роль комика и роль личности в жанре тождественны. Тема скетчей основывается на общеизвестном факте (греч. δόξα), который юмористически обыгрывается, когнитивно понятен и культурно известен реципиенту благодаря культурно-языковой компетенции, фоновым и ситуативным знаниям [Ritter, 1971–2007].

Мы определяем «стендап» как малый жанр массовой коммуникации, соответствующий всем критериям для коммуникативных жанров, сформулированных Герхардом Малетцке [Maletzke, 1972, с.1520], а именно: 1) жанр «стендап» подразумевает публичное, подготовленное выступление с элементами импровизации; 2) представители жанра используют массмедиа для трансляции своих выступлений, рассчитанных на массовую аудиторию (запись выступления на сцене, в кафе, на телевидении, в видеороликах, размещённых в сети интернет); 3) выступления представителей жанра доступны к воспроизведению и распространению на электронных источниках в любое время и в любой точке мира; 4) коммуникация характеризуется однонаправленностью (артист→зритель), однако в интерактивном режиме выступления возможно и диалогическое взаимодействие со зрителями, часто используемое как приём самими артистами этого жанра; 5) реципиенты представляют собой массовую аудиторию, гетерогенную в социальном, возрастном, гендерном аспектах.

В новом жанре отмечены все элементы массовой коммуникации: коммуникатор (комик жанра «стендап»), коммуникат (выступление), канал передачи информации; коммуникант (реципент) и воздействие на коммуниканта (в случае с жанром «стендап» – создание юмористического эффекта), согласно схеме анализа «акта коммуникации» Гарольда Лассуэлла «кто – говорит что – по какому каналу – кому – с каким эффектом?» [Lasswell, 1964, с.46].

Названные пять критериев следует считать универсальными типологическими чертами для исследуемого материала, поскольку в сравнении они не выявляют лингвокультурных различий.

2.2. Сравнительный лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в скетчах П. Воли и М. Миттермайера

Для лингвокультурологического анализа представляется необходимым внести дополнение к типологическим чертам жанра «стендап». Важным результатом массовой коммуникации в жанре «стендап» можно назвать культурно обусловленное взаимопонимание, содержание и смыслообразование в (интерактивном) общении с целью развлечения. В связи с этим, позволим себе добавить шестую типологическую черту жанра: информация говорящего воспринимается реципиентом согласно его когнитивным и социокультурным установкам, в которых необходимым элементом представляется восприятие юмора, а также понимание возможной языковой игры на основе культурно-языковой компетенции. Культурно-языковая компетенция – «способность человека к соотношению знаков естественного языка со знаками культуры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе владения культурной инфор-

мацией (культурным знанием)» [Ковшова, Гудков, 2017, с. 81]. Названная компетенция помогает коммуникантам соотносить языковые знаки с культурным знанием, интерпретировать их как вербальные фрагменты текста отдельной культуры. На необходимое владение культурно-языковой компетенцией для осуществления успешной коммуникации в своих работах указывала В. Н. Телия: «Культурно-языковая компетенция мыслится нами как владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации» [Телия, 2004, с. 27].

Вслед за В. В. Наумовым отметим, что юмор национально обусловлен, т. к. национальная лингвоментальность юмора – одна из предпосылок вербального выражения остроумия [Наумов, 2018, с. 39]. Считаем, что культурно-языковая компетенция в применении к жанру «стендап» заключается в использовании механизмов создания и восприятия вербального юмора, а также в тематике, подвергающейся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков разных стран в зависимости от лингвокультуры. Как уже было упомянуто выше, представитель одной лингвокультуры может не считать смешным то, что считается юмором у представителей другой лингвокультуры.

Согласно семантической теории юмора В. Раскина, юмор в жанре «стендап» основывается на логике совмещения двух скриптов (фреймов) – схем и описаний изображаемых типичных свойств объекта и событий в устном тексте выступления – в определённую реализацию событий и эпизодов, т. е. контекстов. Основными частями устного выступления для скриптов, отвечающими за создание юмора, можно назвать, начало и концовку микротем в скетчах, часто логически противоречащие друг другу. Необходимым условием того, чтобы текст был смешным, можно назвать нарушение логики изложения в качестве противоречия или столкновения контекстов. Это противоречие, также известное как когнитивный диссонанс, должно быть интерпретировано реципиентом как юмористическое [Krichtafovitch, 2005, p. 24–25].

Согласно теории В. Раскина, совмещение скриптов возможно на основе трёх механизмов – 1) мотива высвобождения, 2) мотива несовместимости и 3) мотива враждебности [Raskin, 1985, S. 30]. Рассмотрим эти мотивы подробнее на примерах лингвокультурологического анализа механизмов создания юмора в скетчах жанра «стендап».

Сравнительный анализ русского и немецкого корпусов выявил следующие результаты: 65% скетчей в русском корпусе основаны на механизме высвобождения, 29% построены с использованием мотива несовместимости и только 6% от всего русскоязычного корпуса демонстрируют стратегию враждебности при создании комического эффекта. В немецком корпусе наблюдаем схожую ситуацию. 61% скетчей созданы на основе мотива высвобождения, в 26% использован механизм несовместимости контекстов и 13%, что в два раза больше, чем в русском корпусе, относятся к скетчам, где юмористическая составляющая возникает в результате применения мотива враждебности.

В обоих корпусах преимущественным механизмом создания юмора определяется мотив высвобождения. Названный мотив основан на реализации выхода из неприятной, нелепой или напряженной ситуации, эмоциональной разрядки в виде смеха как аффективной психической реакции на юмор.

Анализ видеороликов показывает, что кульминационный момент в скетче, согласно которому возникает комический эффект в механизме высвобождения и следует реакция в виде смеха зрителей, преимущественно образует концовку микротемы в скетче². Рассмотрим русский (1) и немецкий (2) примеры.

² Количество анализируемых примеров в статье ограничено из-за большого объёма текстов скетчей.

(1) *У нас у всех есть имена / у Вас / у Вас / вот Вы сидите / у меня тоже // Но мы коверкаем наши имена всю жизнь // Вот я сейчас вышел на сцену // Он сказал // Пашиа / Воля // Меня Павел зовут // Павлашка / Павлуша / Павлик / Паиенция / Паитет / Паиган / Пашок / Павло / Павлин // В зале есть Алексеи? // Поднимите руки / Алексеи // Алексей / Вы / Лёха // Вы / Лёха / Всю жизнь / Лёха / наверняка / да? // Алексей очень красивое имя / очень / а Лёха / это вообще / кто такой // **К Алексею хочется подойти / и спросить // Алексей / как пройти в библиотеку? // у Лёхи можно тока сиги спросить / и пивас // Лёха / есть у тебя? // Спасибо / Лёха** [П. Воля. Имена].*

(2) *Ich sitz im Sommer im Biergarten // Ich habe ein gelbes T-Shirt an / Wichtige Information für den Verlauf der Geschichte merken // ich / gelbes T-Shirt // Kommt ein dickes Kind auf mich zu [schwerer Atemzug] // So pass auf / dieses dicke Kind stand vor mir so / [den Atem verlierend] // Schaut auf sein Handy / [noch ein paar schwere Atemzüge] / Schaut auf mich [noch ein paar schwere Atemzüge] // **Bist du ein Pokémon?** – Я сижу летом в биргартене // На мне надета жёлтая футболка / Запомните важная информация для хода истории // я / жёлтая футболка // Подходит ко мне толстый ребёнок [тяжело дыша] // И так слушайте / этот толстый ребёнок стоит передо мной вот так / [задыхаясь] // Смотрит в свой телефон / [ещё несколько тяжёлых вздохов] / Смотрит на меня [ещё несколько тяжёлых вздохов] // **Ты покемон?** [М. Миттермайер. Das dicke Kind und mehr]³.*

В примере (1) механизм высвобождения из неприятной ситуации при объявлении выступления комика с названием его краткого имени (*Он* (ведущий, объявляющий выход комика на сцену – прим. наше) *сказал: Пашиа Воля. Меня Павел зовут*) основывается на микротеме противопоставления серьёзного и сниженного, а именно полного имени, вызывающего уважение к человеку (*Павел; Алексей – очень красивое имя*) и краткого имени (*Пашиа, Павлик*), панибратского ника (*Лёха; Паиенция, Паиган, Пашок, Павло*), клички (*Павлин, Паитет*). Градация производит противоположный эффект: к человеку, «коверкающему» своё имя и позволяющему себя так называть (*Лёха, это вообще кто такой*), нельзя обратиться с чем-либо серьёзным. Жаргонизмы (*сиги, пивас*) подчёркивают сниженный стиль в концовке микротемы, что в сочетании с благодарностью (*спасибо, Лёха*) вызывает комический эффект при выходе из неприятной ситуации.

В примере (2) механизм высвобождения также основан на противопоставлении двух ситуаций в микротеме: комик, отдыхающий в пивном ресторане и запыхавшийся толстый ребёнок, играющий на смартфоне в игру «Pokémon Go» («Ловля покемонов»). Выход из нелепой ситуации в концовке микротемы заключён в виде вопроса *Bist du ein Pokémon?*, подчёркивающего комичность встречи, тем не менее, понятной в условиях актуализации культурно-языковой компетенции: жёлтая футболка комика (*ich, gelbes T-Shirt*) вводит в заблуждение ребёнка, «охотящегося» на популярного жёлтого покемона.

На втором месте в обоих корпусах преимущественным механизмом определяется мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости. При реализации названного механизма у зрителя возникает эффект обманутого ожидания на фоне предвосхищения другого исхода ситуации или проявления иного поведенческого стереотипа: эффект неожиданности, имеющий когнитивную природу (нем. Aha-Erlebnis), отмечают немецкие исследователи юмора в коммуникации Мартин Айзенд и Альфред Кусс [Eisend, Kuss, 2009, S. 632]. На несовместимости основано и соединение скриптов в скетчах, что требует от зрителя вовлечённости и когнитивных усилий для объединения разрозненных сюжетов в один, комический. Рассмотрим примеры (3) и (4).

(3) *Короче / ребята / погода это всё / поэтому когда Пётр первый пришёл на место Санкт-Петербурга и сказал // Да будет здесь град / и люди начали строить город*

³ Здесь и далее перевод примеров с немецкого на русский наш – П.Д., К.М.

быстрей / они его не поняли / он не договорил / он хотел сказать // Да будет здесь град / снег / дождь / давайте в другое место куда-то / ребята / уходим / уходим // А они там город выстроили / клянусь // У Петра Первого поэтому на все памятниках / глаза выпученные / он думает // Да ну на / вы чё / здесь построили / чё с ума вы сошли [П. Воля. О зиме в России].

(4) *Ich habe mich oft gefragt / warum ist eigentlich auf der Stirn von Donald Trump kein Warnhinweis / es ist mir aufgefallen / in Amerika ist auf allen Produkten zu sehen Warnhinweise überall / da müsste doch ein Poster darauf hängen / Vorsicht Orangeade könnte die Spuren von Vollnuss enthalten irgend so was // auf allen / überall / überall / Pass auf es ist so absurd // Selbst im echten Leben im Yellow Stone Nationalpark am Eingang steht ein großes Schild da steht drauf / Vorsicht / bitte keine Selfies machen mit den wilden Tieren / Das heißt // es muss mindestens / einen gegeben haben // der rückwärts mit erhobenen Display auf einen Grizzly Bären zugegangen ist. – Я часто себя спрашиваю / почему собственно на лбу Дональда Трампа нет предупреждающего знака / мне бросилось в глаза / в Америке на всех товарах видишь предупреждающие знаки везде на нём должен был висеть постер / Осторожно оранжад может содержать следы цельного ореха что-то такое // на всём // везде / везде / Послушай это так глупо // Даже в реальной жизни в Йеллоустоунском национальном парке на входе стоит большая табличка там написано / Осторожно / пожалуйста не делайте селфи с дикими животными / Это означает // должен был быть / хотя бы один // кто подошёл спиной к гризли с поднятым экраном [М. Миттермайер. Das dicke Kind und mehr].*

В примере (3) эффект неожиданности в микротеме скетча основан на языковом явлении, а именно на омонимии лексемы «град»: 1. атмосферный осадок, 2. город (поэт., устар.), а также на прагматической многозначности высказывания *Да будет здесь<...>* (*Да будет здесь град* (город) – декларативный речевой акт и *Да будет здесь град, снег и дождь* – репрезентативный речевой акт). Омонимия и прагматическая многозначность вызывают комический эффект на основе механизма несовместимости двух ситуаций: мнимого противоречия в оценке Петром Первым плохого климата, ставшего уже особой темой «петербургских» шуток (*Да будет здесь град, снег и дождь, давайте в другое место куда-то, ребята*), и неверного понимания его высказывания как декларации основания города (*и люди начали строить город быстрей: они его не поняли*). Восприятие юмора слушателем непосредственно связано с его культурно-языковой компетенцией на фоне предвосхищения другого исхода ситуации.

В примере (4) механизм противоречия основывается на упоминании опасности, вызываемой непредсказуемостью решений американского президента Д. Трампа, что стало уже отдельным комическим приёмом, с одной стороны (*auf der Stirn von Donald Trump kein Warnhinweis*), и повсеместного наличия предупреждающих знаков как части американского социального разъясняющего дискурса, с другой (*bitte keine Selfies machen mit den wilden Tieren*). В целом, это представляется комиком публике как абсурдная черта американцев. Комический эффект возникает при реализации механизма в концовке микротемы как результат когнитивных усилий для объединения разрозненных сюжетов в один (*Das heißt // es muss mindestens / einen gegeben haben // der rückwärts mit erhobenen Display auf einen Grizzly Bären zugegangen ist*).

Механизм враждебности основан на злорадстве, насмешке над неудачами, злоключениями, провалами другого, считают Айзенд и Куцс: „gehen davon aus, dass Überlegenheitsgefühle den Humor bedingen und dass aggressive Gefühle oder Triebe z.B. durch die Belustigung über Missgeschicke anderer Personen abreagiert werden können“ [Eisend, Куцс, 2009, S. 632]. Добавим в эту типологию осмеяние внешности, национальности, когнитивных способностей, привычек или черт характера другого. Реа-

лизация данного механизма вовлекает в скетч рассказчика (кто насмеяется), «жертву» (над кем смеются) и слушателя (кто смеётся). Названный механизм представлен в обоих корпусах неравномерно (см. выше). Так, М. Миттермайер часто высмеивает англичан, американцев, австрийцев, японцев, т. е. высмеивает жертву по признаку «национальность» в рамках использования дискурсивной практики отграничения «свой – чужой», примеры (5) и (6):

(5) *Alle englischen Männer sind hässlich // Hey what are you starring at? // You are so ugly // Who are you? // I'm German // You German all Nazis // Yes / but I'm not ugly – Все англичане уродливы* [М. Миттермайер. Lucky Punch].

(6) *Ich habe herausgefunden // Engländer / sind nur höflich in England // Schick Engländer ins sonnige Länder und gib ihnen Bier / dann verwandeln sie sich in orcs auf Red Bull // kherrree / khhhhhh // wenn der British Airways Flug von Birmingham auf Ibiza landet / tut es diese Szene wie aus Zombiefilm // urheehhehe / äheeee / heheee / und es war nur der Flug rum – Я выяснил // англичане вежливы только в Англии // пошли англичан в солнечные страны и дай им пива / там они превращаются в орков на Ред Булле / [имитация рычания] // когда самолет Бритиш Эйрвэйс из Бирмингема приземляется на Ибице / то это похоже на сцену из фильма про зомби [имитация воплей] и это только полёт в одном направлении* [М. Миттермайер. Blackout].

В русском корпусе мотив враждебности используется реже, напр., П. Воля соотносит шутки на основе дискурсивной практики отграничения «свой – чужой» с политикой других стран по отношению к России (см. пример (7)).

(7) *А ещё весь мир недоволен // Чё это в России столько нефти и газа / надо чтобы поровну было у всех // Вы чё там с ума сошли в мире / а / Вы на карту посмотрите у нас вот такая вот огромная страна / Нам нужна нефть / нам нужен газ // Мы как-то должны эту все / обогреть / понимаете // Если бы в России не было нефти и газа / мы бы бегали во Францию с копьями просто / Дай шубу сюда / дай круассан / на / картошечные лягушатники / мы придём через два дня / понятно* [П. Воля. О зиме в России].

Мы считаем, что такое распределение мотивов создания комического эффекта обуславливается тематическим разнообразием. Таким образом, тематика юмористических выступлений непосредственно связана с выбранным механизмом реализации, однако эту зависимость можно назвать косвенно культурно обусловленной, поскольку комик предопределяет использование того или иного мотива выбором темы своего скетча, понятной зрителям в силу их культурно-языковой компетенции (в русских скетчах – шутливое противопоставление полного и краткого имени, мнимое противоречие высказываний, упоминание холодного климата, исторических событий, в немецких скетчах – обыгрывание новых увлечений молодежи (игра Pokémon Go) и американских реалий (повсеместное наличие предупреждающих указаний), упоминание американского президента Д. Трампа, ставшее уже отдельным комическим приёмом, насмешка над представителями других культур и этносов). Кроме того, небольшая количественная разница в распределении названных механизмов по корпусам свидетельствует о том, что лингвокультурные различия определяются на более глубоком семантическом уровне.

2.3. Сравнительный лингвокультурологический анализ тематики скетчей П. Воли и М. Миттермайера

Сравнительный анализ тематики скетчей двух корпусов позволяет утверждать, что применение лингвокультурологического анализа к жанру «стендап», без сомнения, оправданный метод. Тематика юмористического осмысления в скетчах в русском и немецком корпусах обширна и разнообразна, выявляет как совпадения, так и различия.

Русский корпус содержит социальную тематику, тему отношения полов, феминизма – темы, отсутствующие в немецком корпусе, но в нём не выявлены темы религии, упоминание ведущих политиков, сравнение прошлого и настоящего, смех над американскими реалиями: темы, широко представленные в немецком корпусе. Это позволяет нам предложить следующую классификацию тем:

- 1) совпадающие темы с аналогичной презентацией в двух корпусах (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых);
- 2) совпадающие темы, несхоже представленные в двух корпусах (внутренняя и внешняя политика, языковой сексизм, противопоставление этносов);
- 3) темы, отсутствующие в русском корпусе (религия, спорт, сравнение с прошлым);
- 4) темы, отсутствующие в немецком корпусе (социальная напряжённость, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие).

В рамках статьи будут рассмотрены совпадающие темы, несхоже представленные в двух корпусах (п. 2). Данная группа тем позволяет выявить лингвокультурные различия, заключающихся в том, как информация говорящего воспринимается реципиентом, согласно его когнитивным и социокультурным установкам, на основе культурно-языковой компетенции.

В обоих лингвокультурных жанрах, как в русском, так и в немецком, частотны скетчи на тему различия в культурах, разницы культурного восприятия, ментальности этносов. В этих скетчах для достижения комического эффекта используется уже упоминаемая нами дискурсивная практика отграничения «свой – чужой», именно поэтому они были выбраны для иллюстрации лингвокультурных различий и представлены ниже в сравнении. Выбранная пара примеров иллюстрирует как неприятие своего собственного, восхваление чужого культурного контекста (П. Воля), так и обратную ситуацию (М. Миттермайер).

(8) *Мы и собак называем тоже / иностранными именами / замечали? / У нас все собаки / Джек / Джон / Тайсон // Тайсон ко мне давай / давай / Я был в Америке / ни одну собаку / не называют русским именем // Нет такого / чтобы / Андрей / give me your hand / give me your hand / Андрей // Thank you // О / Святослав / don't eat your sheet / no / no / don't eat your / Пётр / Павел / Алексей / Александр / это не наши имена / всё заимствовано / потому что / **наши имена / они / некрасивые** // Евпатий // кто это? // Прокон // Святополк / Святогор / Добромир / Богуслав / Доброжир // Есть такое имя / Я представляю / на сцене / Доброжир Воля / Святополк Харламов / и Гостомысл Батрутдинов // Ура / все радуются // **У иностранцев просто красивые / красивые классные имена** // Криштиану Роналдо / да / как звучит // Рио Фердинанд / Лионель Месси / ух / прям полёт / Лионель Месси / Лионелю Месси / между прочим / предложили вино выпускать / вино будет называться / Лео / красиво / согласитесь / да [П. Воля. Имена].*

9) *Und ich gib ein Beispiel zwischen Deutschland und Österreich // Österreich wollte einen Bundespräsidenten wählen 2016 / und zwei Wochen vor darüber alle plötzlich so äh // wir können die Wahlen nicht abhalten / warum? /die können die Briefkuverts nicht zukleben / die sind dann offen / da kann jede reinschauen was für die Chinesen und Russen // Und wo ist das Problem? // ähh ja / den Schlägkleber hält nicht was tun wenn man daran leckt funktioniert's nicht / und dann haben die Österreicher in ihrer Wirklichkeitsschicht etwas gesagt / Sie haben gesagt / wir haben / keine guten / Kleber // **Das ist gelogen / weil in meiner Wirklichkeitsschicht / ich habe auf meinem Auto / auf dem Windschutzscheibe / eine österreichische Autobahnvignette seit 10 Jahren klebt die da drauf / mit nichts kriegt man die wenig runter** – И я приведу один пример, сравнив Германию с Австрией // В 2016 Австрия собиралась выбирать президента / и за две недели до события все*

вдруг ах // мы не можем провести выборы / почему? / они не могут заклеить конверты / а если они будут открытыми / туда сможет заглянуть каждый и китайцы, и русские // И в чём проблема? // Клей не держится что делать если он не действует даже если конверт облизать / и потом австрийцы оценив проблему сказали следующее / Они сказали / у нас нет / хорошего клея // Это неправда / потому что /я оценил проблему иначе / у меня на машине / на лобовом стекле / уже 10 лет приклеена австрийская дорожная виньетка / её не оторвёшь ничем [М. Миттермайер. Angela Merkel ist die Siri Europas!].

В примере (8) из русского корпуса комический эффект основан на противопоставлении этносов через ономастические единицы, а именно через сравнение исконно русских и европейских имён собственных. Неприятие собственных культурных смыслов, специфических для национального языка наименований (онимов) юмористически обыгрывается в сочетании с фамилиями известных стендаперов (*Доброжир Воля / Святотоплк Харламов / Костамысл Батрутдинов*). Сравнение русских и европейских имён происходит на основе тривиального критерия «красивое имя – некрасивое имя» (*наши имена / они / некрасивые // Евпатий // кто это; Лионель Месси // ух прям полёт; Лео / красиво / согласитесь / да*), что усиливает комический эффект. Тем не менее, микротема скетча об именах позволяет выделить следующие культурно-языковые смыслы тематики: идентичность мировидения, понятная зрительской аудитории (осмеяние своего через обыгрывание архаичных русских имён), окультуренные представления о мире (неприятие своего культурного контекста в ироническом смысле и восхваление чужого через упоминание «красивых» иностранных имён); социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации (иностранные имена в качестве кличек животных в русской культуре и отсутствие этой тенденции в другой культуре).

В примере (9) дискурсивная практика отграничения «свой – чужой» имеет противоположную направленность. Микротема начинается со сравнения Германии и Австрии, но только австрийская часть получает дальнейшее развитие. Оценка неуспеха в целом абсурдной ситуации предвыборной кампании в Австрии (незаклеивающиеся конверты с именами кандидатов на пост президента по мнимой причине отсутствия качественного клея и, как итог, несостоявшиеся выборы) содержит констатацию лжи (*das ist gelogen*) с указанием на мнение самих австрийцев (*in ihrer Wirklichkeitsschicht*). Комик противопоставляет своё собственное мнение как немца (*in meiner Wirklichkeitsschicht*), упоминая дорожную виньетку, приклеенную намертво тем же австрийским клеем на лобовое стекло его машины. В немецком корпусе находим культурно-языковые смыслы тематики, но с контрадикторным значением: идентичность мировидения, понятная зрительской аудитории (осмеяние чужого через обыгрывание абсурдной ситуации несостоявшейся предвыборной кампании в Австрии), окультуренные представления о мире (неприятие чужого культурного контекста в ироническом смысле через констатацию лжи); социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации (с 1997 г. дорожные виньетки в Австрии используют при проезде по платным трассам). Таким образом, совпадающая тема отграничения «свой – чужой» несхоже представлена в двух корпусах: как неприятие своего собственного, восхваление чужого культурного контекста в русском корпусе и как противоположная тенденция в немецком корпусе.

3. Заключение

Таким образом, на основе сравнительного анализа скетчей русского и немецкого корпусов можно сделать предварительные обобщения согласно поставленным задачам. Применение лингвокультурологического анализа к механизмам создания юмора в жанре «стендап» научно оправдало себя. Жанр «стендап» проявляет черты рецепции нацио-

нальной культуры смеха, обладает универсальными и лингвокультурологически обусловленными чертами малого жанра массовой коммуникации. При выявлении последних установлено, что информация говорящего воспринимается реципиентом согласно его когнитивным и социокультурным установкам, в которых необходимым элементом представляется восприятие юмора. К типологически универсальным чертам жанра добавлен новый, отличительный критерий «культурно-языковая компетенция» как основа для понимания возможной языковой игры носителями той или иной культуры, поскольку юмор национально обусловлен. В результате сравнительного лингвокультурологического анализа выявлено, что в скетчах жанра «стендап» обоих корпусов, в зависимости от лингвокультуры, с разной степенью интенсивности используются механизмы создания и восприятия вербального юмора. Реализация трёх названных мотивов – несовместимости, высвобождения и враждебности – в скетчах культурно обусловлена и находится в непосредственной связи с культурно-языковой компетенцией комика и его зрителей. Эту зависимость можно назвать косвенно культурно обусловленной, поскольку комик предопределяет использование того или иного мотива выбором темы своего скетча, понятной зрителям в силу их культурно-языковой компетенции. В обоих корпусах преимущественным механизмом создания юмора определяется мотив высвобождения. Механизм враждебности используется в русском корпусе ограничено, преимущественно в рамках использования дискурсивной практики ограничения «свой–чужой». Распределение мотивов создания комического эффекта обусловлено тематическим разнообразием. Таким образом, тематика явлений, подвергающихся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков обеих стран, непосредственно связана с выбранным механизмом реализации юмористической ситуации. Темы, подвергающиеся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков двух стран, выявляют как совпадения (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых), так и различия (социальная напряженность, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие). Различия выявлены при сравнении культурно-языковых смыслов тематики в аспектах идентичности мировидения, понятной зрительской аудитории, окультуренных представлений о мире, социокультурных сведений, характерных лишь для определённой нации.

Перспективой дальнейшего исследования может быть подробное сравнение тем скетчей, в виде схемы, показывающей полевыми структурами с ядром, в котором выявляется полное или почти полное совпадение, с частично пересекающимися и непересекающимися полями, а также следующих дискурсивных аспектов, релевантных для обоих корпусов: место комика в скетче, прямота его оценки событий и явлений, функция мнения комика, в дополнении к анализу лингвистических особенностей скетчей на языковых уровнях фонетики, грамматики, лексики, текста.

Список литературы

- Джабраилова, В. С. Особенности перевода текстов жанра стендап с английского языка на русский [Текст] / В. С. Джабраилова, Н. Р. Зарипова // Филологический аспект. – 2018. – № 5 (37). – С. 43–58.
- Казакова, Д. В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике [Текст] / Д. В. Казакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (26) : Ч. II. – С. 77–80.
- Ковшова, М. Словарь лингвокультурологических терминов [Текст] / М. Ковшова, Д. Гудков. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
- Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси [Текст] / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. – Л. : Наука, 1984. – 295 с.

- Манжелевская, Е. В. Прагматические особенности речи комиков, выступающих в жанре «стендап» (на материале английского языка) [Текст] / Е. В. Манжелевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76) : Ч. II. – С. 107–111.
- Мельничук, Т. А. Языковая репрезентация этнических стереотипов в современном афроамериканском юморе в жанре стендап [Текст] / Т. А. Мельничук, Д. А. Андросова // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сб. статей VI междунар. науч. конф. ; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово : Изд-во Кемеров. ун-та. – 2016. – С. 175–180.
- Наумов, В. В. Чувство юмора в вербальном и параязыковом выражении [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 1. – С. 98–105.
- Наумов, В. В. Национальная лингвоментальность в анекдотах (диахронический аспект) [Текст] / В. В. Наумов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 3. – С. 39–44.
- Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка [Текст] / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры. – 2004. – С. 19–30.
- Яцко, В. А. Компьютерная лингвистика или лингвистическая информатика? [Текст] / В. А. Яцко // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2014. – № 5 – С. 1–10.
- Budzinski, K. Metzler Kabarett Lexikon [Text] / K. Budzinski, R. Hippen. Stuttgart: J. B. Metzler. Springer Verlag, 1996. – 448 S.
- Eisend, M., Kuß, A. Humor in der Kommunikation [Text] / M. Eisend, A. Kuß // Handbuch der Kommunikation. M. Bruhn, F. - R. Esch, T. Langner (Hrsg.). – Wiesbaden : Gabler. – 2009. – S. 631–639.
- Krichtafovitch, I. Humor Theory: Formula of Laughter [Text] / I. Krichtafovitch. – Colorado : Outskirts Press. – 2005. – 168 p.
- Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society [Text] / H. Lasswell // The Communication of Ideas / Ed. by L. Bryson. – New York, 1964 (orig. 1948). – P. 37–51.
- Maletzke, G. Massenkommunikation [Text] / G. Maletzke // Handbuch der Psychologie. Sozialpsychologie. C. F. Graumann (Hrsg.). – Göttingen : Hogrefe. – 1972. – Bd. 7. – S. 1511–1535.
- Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor [Text] / V. Raskin – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1985. – 248 p.
- Ritter, J. Historisches Wörterbuch der Philosophie online [Electronic Resource] / J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. – Basel, Berlin: Schwabe Verlag, 1971–2007. – URL.: <https://www.schwabeonline.ch>. doi10.24894/HWPh.738 (дата обращения: 20.05.2019).
- Wirth, U. Komik. Ein interdisziplinäres Handbuch [Text] / U. Wirth. – Stuttgart : Metzler Verlag, 2017. – 414 S.

References

- Dzhabrailova, V. S., Zaripova, N. R. (2018). Osobnosti perevoda tekstov zhanra standap s angliyskogo yazyka na russkiy [Features of the translation of the stand-up genre from English into Russian]. *Filologicheskiiy aspekt* [Philological aspect], 5 (37), 43–58.
- Kazakova, D. V. (2013) Teorii verbal'nogo yumora v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike [Theories of verbal humor in modern foreign linguistics]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 8 (26), Part II, 77–80.
- Kovshova, M., Gudkov, D. (2017). Slovar' lingvokul'torologicheskikh terminov [Dictionary of linguoculturological terms]. Moscow : Gnozis Press.
- Lihachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. (1984). Smekh v Drevney Rusi [Laughter in ancient Russia]. Leningrad : Nauka Press.
- Manzheleevskaya, E. V. (2017). Pragmaticheskie osobennosti rechi komikov, vystupayushchih v zhanre «standap» (na materiale angliyskogo yazyka) [Pragmatic features of the speech of comedians

- acting in the genre of "stand-up" (Based on English)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 10 (76), Part II, 107–111.
- Mel'nichuk, T. A., Androsova, D. A. (2016). Yazykovaya reprezentaciya etnicheskikh stereotipov v sovremennom afroamerikanskom yumore v zhanre standap [Language representation of ethnic stereotypes in modern African-American humor in the stand-up genre]. *Koncept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: yazykovaya lichnost'. Tekst. Diskurs. Sbornik statey VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Concept and culture: a dialogue space of culture: language personality. Text. Discourse. Collection of articles of the VI international scientific conference] (pp. 175–180). Kemerovo : Kemerovo University Press.
- Naumov, V. V. (2017). Chuvstvo yumora v verbal'nom i parazykovom vyrazhenii [Sense of humor in verbal and para linguistic terms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 3 (1), 98–105.
- Naumov, V. V. (2018). Natsional'naya lingvomental'nost' v anekdotakh (diakhronicheskiy aspekt) [National linguo-mentality in jokes (Diachronic aspect)]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education], 3, 39–44.
- Teliya, V. N. (2004). Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava yazyka [Cultural and linguistic competence: Its high probability and deep secrecy in units of the phraseological composition of the language]. *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural strata in idioms and discursive practices] (pp. 19–30). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Yazko, V. A. (2014). Komp'yuternaya lingvistika ili lingvisticheskaya informatika [Computational linguistics or linguistic informatics]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2* [Scientific and technical information. Series 2], 5, 1–10
- Budzinski, K, Hippen, R. (1996). *Metzler Kabarett Lexikon*. Stuttgart : J. B. Metzler. Springer Verlag.
- Eisend, M., Kuß, A. (2009). Humor in der Kommunikation. M. Bruhn, F.-R. Esch, T. Langner (Hrsg.), *Handbuch der Kommunikation* (pp. 631–639). Wiesbaden : Gabler.
- Krichtafovitch, I. (2005). *Humor theory: Formula of laughter*. Colorado : Outskirts Press.
- Lasswell, H. (1964). The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas* (pp. 37–51). New York (orig. 1948).
- Maletzke, G. (1972). Massenkommunikation. C. F. Graumann (Hrsg.), *Handbuch der Psychologie. Sozialpsychologie* (pp. 1511–1535). Göttingen : Hogrefe. Bd.7.
- Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. V. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company.
- Ritter, J., Gründer, K., Gabriel, G. (1971–2007). Historisches Wörterbuch der Philosophie online. Basel, Berlin : Schwabe Verlag. Retrieved May 20, 2019 from <<https://www.schwabeonline.ch/doi10.24894/HWPh.738>>.
- Wirth, U. (2017). *Komik. Ein interdisziplinäres Handbuch*. Stuttgart : Metzler Verlag.

УДК 81'37

UDC 81'37

Ищенко Ирина Геннадьевна, Трубицина Ольга Федоровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Irina G. Ishchenko, Olga F. Trubitsina
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
iirinagen@mail.ru, olya95-95@bk.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ
СФЕРЫ ТУРИЗМА
GASTRONOMIC METAPHOR IN ADVERTISING TEXTS
IN THE SPHERE OF TOURISM

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования гастрономической метафоры в рекламных текстах американских туристических компаний. Предлагается семантическая классификация гастрономических метафор на основе исходных значений анализируемых единиц; выделяются тематические группы метафор, соотносящиеся с наименованиями пищи, продуктов питания, их свойствами, действиями по отношению к ним. Исследование проводилось на материале 200 рекламных статей 30 американских туроператоров, в которых содержалось 160 гастрономических метафор. Метафоры были распределены по тематическими группами: 1) действия по отношению к пище; 2) свойства пищи; 3) национальная кухня; 4) пища. Внутри первой – самой многочисленной группы (71 единица) удалось выделить следующие подгруппы: процесс употребления пищи (25), наслаждение вкусом / запахом еды (42), приготовление пищи (4). Проведённый анализ показал, что все примеры гастрономических метафор характеризуются положительной коннотацией, экспрессивностью и образностью. Благодаря этому они реализуют функции привлечения внимания и эмоционального воздействия в тексте рекламы.

Abstract

The article considers peculiar features of gastronomic metaphors in advertising texts of American tourist companies. Semantic classification of gastronomic metaphors was designed on the basis of their primary meanings. Several thematic groups of metaphors associated with names of food, its properties and actions relating to food were identified. The study was based on 200 advertisements posted by 30 American tour agencies where 160 gastronomic metaphors were found. They were distributed into 4 thematic groups: 1) actions relating to food, 2) food properties, 3) national cuisine, 4) food. The first group turned out the largest and included 71 metaphors further distributed into subgroups denoting food consumption process, (25), enjoying taste / smell of food (42), cooking (4). The analysis showed that all examples of gastronomic metaphors are characterized by positive connotation, expressiveness and imagery. Due to this, they implement the functions of attracting attention and emotional impact in advertising texts.

Ключевые слова: гастрономическая метафора, реклама, туризм, метафорическая модель, номинация, функция.

Keywords: gastronomic metaphor, tourism, advertisement, metaphoric model, naming, function.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_75_83

1. Введение

Явление метафоризации как механизм создания новых смыслов является объектом многочисленных исследований в лингвистике на протяжении длительного периода времени. Метафора – это сложный и комплексный феномен, который «пронизывает всю

нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 87]. Сохраняющаяся актуальность изучения механизмов и моделей создания метафоры, её воздействующего потенциала объясняет существование большого количества теорий и подходов к пониманию этого языкового явления. Широко известны теория концептуальной метафоры, теория концептуальной интеграции, когнитивная теория метафоры и другие. Таким образом, понимание метафоры существенно расширилось от традиционного объяснения её как переноса наименования с одного объекта на другой, до осознания её как мыслительной операции, позволяющей человеку познавать окружающий мир, объяснять и оценивать его. Изучаются когнитивные механизмы метафоры, реализующие возможности осмысления одних объектов действительности в терминах других понятийных сфер, её прагматический и коннотативно-оценочный потенциал, культурно-национальные особенности.

Являясь эффективным средством создания образности, эмоционального воздействия, метафора широко применяется для реализации прагматических интенций в различных типах дискурса – художественном, научном, публицистическом, рекламном и так далее. Объектом данной статьи является определённый вид метафоры – гастрономическая метафора в рекламном тексте сферы туризма.

Изучение данного вида метафоры представляется актуальным, поскольку в жизнедеятельности человека тема еды, гастрономии, кулинарии играет важную, а нередко и первостепенную роль, «пища выступает одним из наиболее значимых концептов, предопределяющих само существование этнокультуры, а стало быть, в значительной степени формирует её лингвосомиотическую систему и систему коммуникации» [Головницкая, Олянич, 2008, с. 129].

Различные аспекты гастронометафоры нашли отражение в работах таких авторов, как А. С. Бойчук, А. Н. Боровикова, О. А. Дормидонтова, Т. В. Максимова, Е. Г. Меньшикова, Е. А. Юрина [Бойчук, 2010, 2011, 2012 ; Боровикова, 2015 ; Дормидонтова, 2018 ; Максимова, 2013 ; Меньшикова, 2013 ; Юрина, 2013] и других. В указанных работах анализ проводился главным образом на материале русского, французского языков, или осуществлялся сопоставительный анализ в нескольких языках. Новизна данной работы состоит в попытке описания моделей и функций гастрономической метафоры в современном английском языке на материале рекламных статей, размещённых на интернет-сайтах туроператоров США.

Туризм в современную эпоху является активно развивающейся областью мировой экономики, «международный туризм является не только масштабной и динамично развивающейся индустрией, широкой сферой международного бизнеса и предпринимательства, инструментом устойчивого экономического, экологического и культурного развития стран, регионов и мира в целом, но и универсальным средством межкультурной коммуникации» [Мошняга, 2011, с. 67–68]. Реклама представляет собой важную составляющую в успешной реализации многочисленных направлений туристического бизнеса. Рекламный текст в туристической области представляет собой сообщение, прагматической целью которого является привлечение внимания целевой аудитории к предлагаемому туристическому продукту.

Одна из ведущих функций рекламы этой сферы – информативная, обеспечивающая фактологическую потребность в географических, культурно-исторических, климатических данных. Другая значимая функция – аттрактивная, то есть функция привлечения внимания к рекламируемой услуге. Многие исследователи считают, что среди широкого диапазона выразительных средств именно метафора играет важную роль в реализации этой функции в рекламном тексте. Данный троп, характеризующийся

семантической ёмкостью и образностью, оказывает эффективное воздействие на потенциального потребителя, побуждая его к действию. По мнению Е. Ю. Аликиной и С. Л. Мишлановой, аттрактивная функция метафоры, или функция положительного информирования, обеспечивает лёгкость восприятия реципиентом информации и формирует позитивное отношение к ней [Аликина, Мишланова, 2010, с. 45].

2. Анализ гастрономической метафоры в рекламном тексте

Наименования пищи, продуктов питания, способов приготовления еды широко используются не только в гастрономическом, но и в других типах дискурса. По словам А. Р. Шумишхой, «современный человек начинает рассматривать окружающий мир сквозь призму потребления и использования разных продуктов, поэтому вполне обоснованным является обращение к элементам гастрономии при описании различных сфер жизни» [Шумишхова, 2011, с. 179]. В связи с этим, изучение гастрономической лексики привлекает внимание лингвистов, причём не только в её прямом номинативном значении, но и в переносном, метафорическом.

Под гастрономической метафорой понимается группа разнородных по значению метафор, объединённых по семантическому критерию: их внутренняя форма относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, её базовых свойств и способов её приготовления [Бойчук, 2012, с. 178]. Различные аспекты изучения гастрономической метафоры нашли отражение в работах А. С. Бойчук, О. А. Дормидонтовой, Т. В. Максимовой, С. А. Юриной [Бойчук, 2010, 2011, 2012 ; Дормидонтова, 2018 ; Максимова, 2013 ; Юрина, 2013] и других. Гастрометафора представляет собой одно из наиболее популярных средств создания выразительности и образности, она помогает представить сложное понятие как довольно простое, новое – как хорошо известное и понятное, абстрактное – как конкретное и доступное.

В ходе данного исследования на материале 200 рекламных статей, размещённых на сайтах 30 американских туроператоров, было выявлено 160 гастрономических метафор. Так как метафора – сложное языковое явление, то до сих пор «не существует установленного свода параметров, по которым можно произвести однозначную классификацию метафоры» [Москвин, 2006, с. 113]. Согласно общепризнанному представлению о метафоре, ей свойственна смысловая двуплановость, иначе, взаимодействие прямого и переносного значений, основного и вспомогательного субъектов. Поэтому существуют классификации по типу основного субъекта, вспомогательного субъекта, по видам метафорического переноса, аспекту сравнения и так далее. В данной работе разработана классификация гастрономической метафоры по вспомогательному субъекту. Принципы данного подхода были изложены в работах В. П. Москвина [Москвин, 2006], Г. Н. Складневской [Складневская, 2004] и других. Компонент метафоры, называемый вспомогательным субъектом, соотносится с буквальным смыслом, то есть с внутренней формой метафоры. Предлагаемая классификация основана на тематической принадлежности вспомогательного субъекта. По мнению В. П. Москвина, если метафора классифицируется по вспомогательному субъекту, то она представляет интерес уже не только для лингвистов и филологов, но также и для историков и культурологов, поскольку путём изучения узуальных метафор, ставших популярными в языке в ту или иную эпоху, можно выяснить, какие идеалы и ценности присущи обществу [Москвин, 2006, с. 115].

Таким образом, корпус выявленных метафорических номинаций на основе классификационного признака по вспомогательному субъекту может быть представлен несколькими тематическими группами: 1) действия по отношению к пище; 2) свойства пищи; 3) национальная кухня; 4) пища. Самая многочисленная группа «Действия по от-

ношению к пище» включает 71 единицу, что позволяет выделить подгруппы: «процесс употребления пищи» (25 метафор), «наслаждение вкусом / запахом еды» (42 метафоры), «приготовление пищи» (4 метафоры).

Было выявлено, что в подгруппе «Процесс употребления пищи» метафоризация осуществляется по модели УПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ → ПРИЗЫВ ОТПРАВИТЬСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ. В качестве аспекта сравнения в модели выявляется такое свойство вспомогательного субъекта, как ПОГЛОЩЕНИЕ. Основу этой подгруппы составляют глаголы to EAT, to DRINK, сочетание to TAKE A BITE. Согласно проведённому анализу, глагольная метафора to EAT является наиболее частотной (68% от всех примеров в подгруппе), например, *Eat your way through Western Europe; Eat your way around Sorrento*. Нередко глагол to eat сочетается с глаголом to drink: *Eat and drink your way through one of Venice's most distinctive neighborhoods*. Популярность этих глагольных метафор обусловлена тем, что туроператоры, опираясь на ассоциацию с процессом потребления пищи как естественного и необходимого действия для человека, призывают туристов удовлетворить столь же необходимую потребность в посещении рекламируемых мест и достопримечательностей, ощутить и оценить их «вкус». Менее употребительными в данной группе оказались метафоры на основе глагола to SNACK и выражения to TAKE A BITE: *you'll also snack your way through a market with other local shoppers; If you are looking for a fun, filling and affordable way to take a bite of the Big Apple, come and join us*. Последний пример заслуживает внимания, так как известное с 1920-х годов прозвище Нью-Йорка *Big Apple* в сочетании с глагольной метафорой to take a bite создает эффект языковой игры, давая возможность интерпретировать это сочетание в прямом и переносном смысле. Читателю статьи предлагают «откусить кусочек от Нью-Йорка», чтобы понять, чем живет всемирно известный мегаполис. К тому же, в качестве дополнительной опции путешественнику рекомендуют посетить ряд лучших кафе Нью-Йорка, таких как Frites'N'Meats, The Bistro Truck, Jiannettos Pizza, которые предлагают посетителям еду быстрого приготовления, кофе и разнообразные десерты в виде кручёных вафель или ассорти из фруктов в стаканчиках.

Следует отметить, что если в рекламных материалах используются глагольные метафоры to EAT и to DRINK, то в описании тура предлагается посещение ресторанов и кафе высокой кухни, или виноделен, где готовят первоклассное вино. Однако метафоры на основе глагола to SNACK и выражения to TAKE A BITE используются для описания туров, предполагающих посещение главным образом придорожных закусочных и небольших кафетериев. Таким образом, первичные производные значения этих единиц являются тем концептуальным базисом, который актуализирует моделируемый объект.

В подгруппу «наслаждение вкусом / запахом еды» входят глаголы со значением, передающим удовольствие от ароматов, вкусовых качеств еды: to SAVOUR, to SATISFY, to TASTE и другие. Например, в рекламной статье «A taste of Chinatown Sydney» с помощью яркой гастрономической метафоры *Savour the neighborhood's colorful history through its delicious food and real tales of migration* авторы призывают получить новые впечатления и удовольствие от посещения этого места посредством кулинарного опыта и непосредственного общения с жителями района. Воздействующий потенциал этой метафоры обусловлен семантическими признаками *slowly, as much as possible* в значении глагола to SAVOUR – *to enjoy food slowly, in order to enjoy it as much as possible*. Подобно гурману, оценивающему изысканный вкус блюда, путешественнику предлагается ощутить разнообразную гамму впечатлений от общения с местным населением, осмотра местности, знакомства с культурой, историей и бытом. Однако, на туристов, предпочитающих не задерживаться в одном месте надолго, а стремящихся

увидеть как можно больше разнообразных объектов, рассчитана метафора на основе глагола to TASTE / to GET A TASTE со значением 'to put food or drink in your mouth for a short time to find out what flavor it has'. Так, в примере *Taste the unique diversity of different neighborhoods* содержится призыв отправиться в путешествие по нескольким районам города и ощутить их культурное многообразие.

Подгруппа «приготовление пищи» малочисленна по количеству метафор, что, вероятно, можно объяснить тем, что ассоциация со значением вспомогательного субъекта, то есть непосредственно с технологией приготовления блюд, не представляется актуальной для создания метафорической номинации в рекламном тексте. Потребителю не важен процесс приготовления, его нужно заинтересовать готовым продуктом. Поэтому было выявлено всего 4 гастрометафоры данной тематической подгруппы, и практически все они используются в статьях, рекламирующих гастрономическое направление туризма. Например, *spice up the night* – заголовок к статье о туре по китайской провинции Сычуань. Чтобы верно интерпретировать этот троп, следует обладать некоторой экстралингвистической информацией о культуре Сычуаньской кухни. Это три основных ингредиента, «три закона»: сычуаньский перец, черный жгучий перец и острый перец чили, а также «три аромата»: чеснок, лук, имбирь [Иванова, Мазанкова, 2006, с. 250]. Так, в рекламе предлагают «добавить перчика» в ночное приключение по Сычуаню, отведав острые блюда местной кухни и посетив закрытые стриптиз клубы. Одновременная актуализация прямого и переносного значений фразового глагола *spice up* – 1) *to add spice to food* и 2) *to add interest or excitement to something* создают эффект языковой игры, способствующий реализации прагматического воздействия на потенциального туриста, предлагая ему возможность получить разнообразные впечатления.

Следующая тематическая группа «свойства пищи» включает 49 метафор. Основным семантическим признаком выделения этой группы является характеристика вкуса, запаха, внешнего вида продукта. Поскольку в рекламном тексте необходимо формировать исключительно привлекательный образ продукта или услуги, то все свойства наименований еды имели положительную окраску. Исходя из референтной отнесённости единиц этой группы, большинство метафор выражены прилагательными: *delicious, sweet, tasty, flavorful, luscious, mouth-watering*. Процесс метафоризации осуществляется по модели ВКУСОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОДУКТА ПИТАНИЯ → ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТНОСТИ: *Costa Rica's most luscious landscapes; This tour is designed to reveal these delicious secrets; the spicy region; delicious Armenia; Your flavourful discovery of Sicily in Palermo; the tastiest regions in Italy; a tasting adventure with mouthwatering surprise*. В исходной семантике прилагательных *luscious* – *extremely good to eat or drink*; *delicious* – *having a very enjoyable taste or smell*; *flavourful* – *having a strong pleasant taste*; *mouthwatering* – *food that smells or looks extremely good* выделяются семантические признаки, интенсифицирующие положительные характеристики описываемых объектов: *extremely good, very enjoyable, strong pleasant taste*.

Третья группа «Национальная кухня» (21 метафора) основана на метафорообразующей модели БЛЮДО НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ → МЕСТНОСТЬ. Гастрономические номинации, подчёркивающие уникальность национальных кулинарных особенностей, представляют их как некий эталон, признанный образец совершенства. Например, *get a real flavor of Roman life, through our food; move from croissant to award-winning baguette*. Эти описания широко известных национальных продуктов и блюд актуализируют ассоциации с самим местом как их неотъемлемый признак. Эта модель представляется прагматически эффективной в тексте туристической рекламы, так как гастрономические наименования имеют тесную связь с национальной культурой и идентичностью, традициями, географическими, климатическими особенностями. Ины-

ми словами, национальная кухня – это элемент национальной материальной культуры. Для туриста, желающего получить максимально полное представление о стране, важна вся гамма впечатлений, в том числе и вкусовых. Опора на гастрономические образы усиливает привлекательность рекламного высказывания.

В группу «Пища» (18 метафор) входят наименования различных блюд, напитков, ингредиентов. Метафоризация осуществляется на основе модели ПИЩА / ЕДА → МОТИВ К ПУТЕШЕСТВИЮ. Ключевой лексемой в качестве вспомогательного субъекта модели является *food* – *any nutritious substance that people or animals eat or drink or that plants absorb in order to maintain life and growth*. Еда является источником жизни для любого живого организма, а в контексте рекламных статей она является основной мотивационной силой, стимулирующей отправиться в путешествие. В текстах рекламно-туристических буклетов важно создать не только привлекательный материал, но главное – доступный и понятный для каждого. Метафорическая модель на основе лексем *food* и других наименований продуктов питания понятна любому реципиенту, и через описания продуктов, их вкуса, запаха способствует формированию интереса к той или иной стране. Например, *food is the lens through which many travelers understand the worlds; food has the outstanding power to connect people to each other and to the land they're visiting; food is one of the primary motivators for travelling*. Чтобы турист смог ощутить полную палитру эмоций и впечатлений, от познавательных, культурно-исторических, эстетических, до гастрономических, ему предлагают посещение лучших ресторанов наряду с осмотром достопримечательностей. В примере из одного рекламного буклета *In between slices, your guide will lead you through the charming, historic streets of Greenwich Village and SoHo* мотив и стимул к путешествию подкрепляются возможностью дегустации местных блюд: *provides all the ingredients for a magnificent voyage of cultural and gastronomic discovery*. В другом примере *This veritable cornucopia of delights (Sicily) provides all the ingredients for a magnificent voyage of cultural and gastronomic discovery* туристический объект Сицилия представлена как нескончаемый источник разнообразных удовольствий, слагаемых из посещений местных рыбацких посёлков, рынков, виноделен, представленных как *ingredients* – компонентов и составляющих одного большого «блюда» Сицилия.

3. Заключение

Рассмотренные рекламные тексты на сайтах американских туроператоров характеризуются яркой и экспрессивной лексикой, поскольку их создатели преследуют цели создания положительного образа о турпродукте и привлечения внимания потребителя. Гастрономическая метафора является одним из наиболее частотных языковых приёмов для реализации этих задач. Она насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти, является одним из инструментов воздействия, а иногда и манипулирования сознанием. Все проанализированные примеры гастрономической метафоры характеризуются положительно-оценочной коннотацией, что важно для формирования привлекательного образа предлагаемого продукта или услуги. Следует отметить, что так как рассматривались тексты рекламных статей, было выявлено, что значительная часть метафор носила развернутый характер. Создаваемый метафорический образ последовательно раскрывался, актуализируя разные аспекты и характеристики на протяжении всей статьи.

Главные прагматические функции, которые выполняет метафора в тексте, это функция привлечения внимания и функция эмоционального воздействия. Насыщая текст яркими, выразительными, запоминающимися номинациями, эти языковые едини-

цы являются эффективным инструментом воздействия на целевую аудиторию. Образная лексика, мотивированная наименованиями блюд, их характеристик, ощущений их вкусовых качеств, способна выразить целый комплекс ассоциаций. Эффективность гастрономических метафор объясняется опорой на общечеловеческий универсальный практический опыт и знания гастрономии. Моделируется ассоциативная связь между всем знакомыми чувственно-физиологическими ощущениями, действиями с продуктами питания, с одной стороны, и чувственно-эстетическими, познавательными образами культурных и туристических объектов, с другой. При этом актуализируется взаимосвязь потребности человека в еде как одной из базовых основ его существования и потребности в расширении опыта познания мира в процессе туристической поездки.

Список литературы

- Аликина, Е. Ю. Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе [Текст] / Е. Ю. Аликина, С. Л. Мишланова // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 44–50.
- Бойчук, А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке [Текст] / А. С. Бойчук // Известия ВГПУ. Сер. «Филологические науки». – 2010. – № 7 (61). – С. 75–79.
- Бойчук, А. С. Развернутые гастрономические метафоры русского языка как отражение актуальных социокультурных тенденций [Электронный ресурс] / А. С. Бойчук // Грани познания. – 2011. – № 4 (14). – URL : <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/19>.
- Бойчук, А. С. «Пищевые» метафоры как способ характеристики современной действительности [Текст] / А. С. Бойчук // Вестник СГУТиКД. – 2012. – № 1 (19). – С. 178–181.
- Боровикова, А. В. Роль пищевой метафоры в характеристике топологических свойств объектов [Текст] / А. В. Боровикова // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 47–52.
- Головницкая, Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса [Текст] / Н. П. Головницкая, А. В. Олянич. – Волгоград : «Нива», 2008. – 295 с.
- Дормидонтова, О. А. Глагольная гастрономическая метафора как средство реализации гастрономического кода культуры во французском языке [Текст] / О. А. Дормидонтова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – 2018. – Серия 2. Языкознание. – Т. 17. – № 4. – С. 146–152.
- Иванова, Э. А. Новые направления сотрудничества в области туризма России и Китая [Текст] / Э. А. Иванова, Т. В. Мазанкова // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2016. – № 1. – С. 250–253.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал, 2004. – 256 с.
- Максимова, Т. В. Гастрономическая метафора в разных типах дискурса [Текст] / Т. В. Максимова // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – СПб. – 2013. – № 4. – Т. 1. – С. 176–180.
- Меньшикова, Е. Е. Гастрономическая метафора в рекламном туристическом нарративе [Текст] / Е. Е. Меньшикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11 (29). – Ч. 1. – С. 117–120.
- Москвин, В. П. Русская метафора [Текст] / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД. – 2006. – 184 с.
- Мошняга, Е. В. Межкультурная коммуникация и диалог культур в сфере международного туризма [Текст] / Е. В. Мошняга. – М. : Логос. – 2011. – 175 с.
- Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург. – 2004. – 166 с.
- Шумишхова, А. Р. Стилистические функции кулинарных метафор в спортивном дискурсе [Текст] / А. Р. Шумишхова // Вестник Адигейского гос. ун-та. – 2011. – Вып. № 1. – С. 176–180.
- Юрина, Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов [Текст] / Е. А. Юрина. – Кокшетау : Келешек, 2013. – 238 с.
- Longman Advanced American Dictionary [Text]. – Longman : Pearson Education, 2002. – 1746 p.

Источники иллюстративного материала

- Free Tours by foot [Electronic Resource]. – URL : <http://www.freetoursbyfoot.com/> (дата обращения 05.02.19).
- UnTour [Electronic Resource]. – URL : <https://untourfoodtours.com/> (дата обращения 05.02.19).
- Viator [Electronic Resource]. – URL : <https://www.viator.com/> (дата обращения 05.02.19).
- Timeout [Electronic Resource]. – URL : <https://www.timeout.com/> (дата обращения 05.02.19).
- AccessTrips [Electronic Resource]. – URL : <https://www.accesstrips.com/> (дата обращения 05.02.19).
- Free Tours by Foot [Electronic Resource]. – URL : <http://www.freetoursbyfoot.com/> (дата обращения 05.02.19).
- Secret Tours [Electronic Resource]. – URL : <https://untourfoodtours.com/> (дата обращения 05.02.19).
- Infinite Adventures [Electronic Resource]. – URL : <https://www.infiniteadventures.com/> (дата обращения 05.02.19).

References

- Alikina, E. Yu., Mishlanova, S. L. (2010). Attraktivnaya funktsia metafory v turistskom diskurse [Attractive function of metaphor in tourist discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 6 (12), 44–50.
- Boychuk, A. S. (2010). Gastronomicheskaya metafora v sovremennom russkom yazyke [Gastronomic metaphor in the modern Russian language]. *Izvestiya VGPU Ser. "Filologicheskie nauki"* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series "Philological sciences"], 7 (61), 75–79.
- Boychuk, A. S. (2011). Razvernutyie gastronomicheskiye metafory russkogo yazyka kak otrazhenie aktual'nykh sotsiokul'turnykh tendentsiy [Detailed gastronomic metaphors of the Russian language as the reflection of the urgent sociocultural tendencies]. *Grani poznania* [Sides of Knowledge], 4 (14). Retrieved from <<http://www.grani.vspu.ru/jurnal/19>>.
- Boychuk, A. S. (2012). «Pishchevye» metafory kak sposob kharakteristiki sovremennoy deystvitel'nosti [«Food» metaphors as a way to characterize present-day reality]. *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turisma i kurortnogo dela* [Vestnik of Sochi State University of tourism and resort business], 1 (19), 178–181.
- Borovikova, A. V. (2015). Rol' pishchevoy metafory v kharakteristike topologicheskikh svoystv oby'ektov [The role of food metaphor in the characterization of topological properties of objects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4 (64), 47–52.
- Golovnikskaya, N. P., Olyanich, A. V. (2008). *Lingvokul'turnye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguocultural properties of German gastronomic discourse]. Volgograd.
- Dormidontova, O. A. (2018). Glagol'naya gastronomicheskaya metafora kak sredstvo realizatsii koda kul'tury vo frantsuzskom yazyke [Gastronomic verbal metaphor as a realization means of culture gastronomic code in the French language]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 4, 146–152.
- Ivanova, E. A., Mazankova, T. V. (2016). Novye napravleniya sotrudnichestva v oblasti turisma Rossii i Kitaya [New directions of cooperation in the area of tourism between Russia and China]. *Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke* [Scientific-technical and economic cooperation of APR countries in the 21st century] (Vol. 1, pp. 250–253). Khabarovsk.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivyom* [Metaphors we live by]. Moscow.
- Maksimova, T. V. (2013). Gastronomicheskaya metafora v raznykh tipakh diskursa [Gastronomic metaphor in different types of discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 4, 176–180.
- Men'shikova, E. E. (2013). Gastronomicheskaya metafora v reklamnom turistskom narrative [Gastronomic metaphor in advertising tourist narrative]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 11 (29), 117–120.

- Moskvin, V. P. (2006). *Russkaya metafora* [Russian metaphor]. Moscow.
- Moshnyaga, E. V. (2011). *Mezhkul'turnaya kommunikacia i dialog kul'tur v sfere mezhdunarodnogo turisma* [Intercultural communication and dialogue of cultures in the sphere of international tourism]. Moscow.
- Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Saint Petersburg.
- Shumishhova, A. P. (2011). Stilisticheskie funktsii kulinarykh metafor v sportivnom diskurse [Stylistic functions of culinary metaphors in sport discourse]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts"], 1, 176–180.
- Yurina, E. A. (2013). *Vkusnye metafory: pishchevaya tradicia v zerkale yazykovykh obrazov* [Tasty metaphors: Food traditions in the mirror of language images]. Kokshetau.
- Longman Advanced American Dictionary (2002). Longman : Pearson Education.

Illustration material sources

- Free Tours by foot. Retrieved February 5, 2019 from <<http://www.freetoursbyfoot.com/>>.
- UnTour. Retrieved February 5, 2019 from <<https://untourfoodtours.com/>>.
- Viator. Retrieved February 5, 2019 from <<https://www.viator.com/>>.
- Timeout. Retrieved February 5, 2019 from <<https://www.timeout.com/>>.
- AccessTrips. Retrieved February 5, 2019 from <<https://www.accesstrips.com/>>.
- Free Tours by Foot. Retrieved February 5, 2019 from <<http://www.freetoursbyfoot.com/>>.
- Secret Tours. Retrieved February 5, 2019 from <<https://untourfoodtours.com/>>.
- Infinite Adventures. Retrieved February 5, 2019 from <<https://www.infiniteadventures.com/>>.

УДК 81'34, 811.512.212

UDC 81'34, 811.512.212

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна**Амурский государственный университет****г. Благовещенск, Российская Федерация****Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova****Amur State University****Blagoveshchensk, Russian Federation**

morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru

ИНТОНАЦИЯ ВОПРОСОВ В РЕЧИ АМУРСКИХ ЭВЕНКОВ: ОСНОВНОЙ ТОН*
THE PROSODY OF QUESTIONS IN THE AMUR EVENKS' SPEECH: PITCH**Аннотация**

Интонационные контуры вопросительных предложений в эвенкийском языке являются неисследованными ни в общетеоретическом, ни в практическом плане. В настоящей статье данная проблема изучена с позиций экспериментальной фонетики. Предложены модели интонационных кривых общего, уточняющего и специального вопросов. Экспериментальными образцами послужили простые нераспространённые предложения, содержащие один акцентный центр. Материал для исследования был собран от 11 дикторов, говорящих на восточном наречии эвенкийского языка. Получены следующие результаты. Типичным интонационным контуром общего и уточняющих вопросов в эвенкийском языке является инклинация. В ходе эксперимента установлено, что для опознания вопросительности в общих вопросах на эвенкийском языке существенно инклинационное интонирование последнего слога. Для специальных вопросов характерно понижение тона на глаголе. Эти результаты расходятся с экспериментальными данными, полученными ранее Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль (1999 г.) об инклинации на начальном участке с вопросительным словом в специальных вопросах.

Abstract

Intonational contours of interrogative sentences in the Evenki language have rarely been in the focus of researchers' attention either theoretically or practically. In this article, this problem is studied from the standpoint of experimental phonetics. Pitch patterns of the general, and special questions are described. The experimental samples were simple sentences with one emphasis center. The material for the study was collected from 11 speakers of the Eastern dialect group of the Evenki language. The obtained results are the following. A typical intonation contour of the general question in the Evenki language is Rise. In the course of the experiment, it was found that in order to identify interrogation in the Evenki general questions, the rising intonation of the last syllable was essential. Special questions were characterized by the Falling pitch pattern with the nucleus on the verb. Our data differ from the ones previously obtained by N. Ya. Bulatova and L. Grenoble (1999) who found rising pitch on the sentence-initial question word.

Ключевые слова: эвенкийский язык, общий вопрос, специальный вопрос, интонация, инклинация, деклинация.

Keywords: the Evenki language, general question, special question, intonation, Rise, Fall.

doi: 10.22250/2410 -7190_2019_5_4_84_96

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

1. Введение

Интонацию эвенкийского языка можно с полным правом назвать белым пятном эвенковедения. В работах отечественных эвенковедов-классиков практически не представлено информации ни об интонационных контурах, оформляющих различные типы предложений по цели высказывания (повествовательные, побудительные, вопросительные), ни об их подтипах (напр., типах вопросов или невосклицательной и восклицательной интонации внутри повествовательных предложений). В одном из подпунктов работы Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль [Bulatova, 1999, p. 5] вкратце сказано о постепенной деклинации в утвердительных предложениях, которая приходится на участок сказуемого (напомним, что глагол в эвенкийском предложении расположен в конце); об инклинации в вопросах, приходящейся на начальный участок с вопросительным словом, и о высоком начале интонационного контура побудительных предложений, за которым сразу же следует крутое падение. При этом, о возможной разнице типов вопросов не упоминается, а пример даётся только на специальный вопрос.

Недостаток информации о характерных интонационных контурах предложений разных типов и подтипов стал побудительным мотивом нашего инструментального исследования, начатого в 2013 году. Пилотный эксперимент на материале двух дикторов-женщин, носителей селемджинского говора, показал преимущественно восходящий контур общего вопроса (небольшая деклинация в начале контура, за которой следовала продолжительная инклинация большого диапазона), междикторскую вариантность специального вопроса (либо восходящее движение, как в общем вопросе, либо плавная деклинация) и контур «инклинация + деклинация» альтернативного вопроса – [Морозова, Андросова, 2015]. Позже на материале речи 9 носителей разных говоров восточного наречия (трёх мужчин и шести женщин) было выявлено характерное движение основного тона (далее – ОТ) в побудительных конструкциях, имеющих разную длину в словах (только модель «инклинация + деклинация» в многословных синтагмах и две модели – «деклинация» и «инклинация + деклинация» – в однословных) и слогах (приоритет деклинации в четырёхсложных словах-синтагмах и равное распределение деклинации и восходяще-нисходящего движения ОТ в двух- и трёхсложных словах-синтагмах). При этом было отмечено самостоятельное оформление каждого слога внутри общего контура. Были также установлены рамки междикторской (в основном, варьирование уровня и диапазона) и внутрдикторской (варьирование типа контура) вариантности движения ОТ в побудительных конструкциях [Морозова и др., 2019].

2. Акустический анализ

2.1. Материал и методика исследования

В настоящем исследовании был использован материал, собранный с 2013 по 2018 годы в ходе полевых и лабораторных записей спонтанной речи эвенков, говорящих на восточном наречии (селемджинский: ивановская (STN-f, BNYa-f) и норская (YaSS-f, YaNA-f) разновидности, усть-нюкжинский (UAV-f, KSF-f, GAV-f), иенгринский (LFM-f, MSS-f, DSM-f), баргузинский (BDM-f) говоры). Программа эксперимента с подготовленными рамочными конструкциями-вопросами с дикторами, участвовавшими в нашей работе, редко проводилась успешно, поскольку «на заказ» получить естественную интонацию было практически невозможно. Лишь в трёх случаях из девяти удалось получить интонационные контуры, более или менее приближенные к естественным.

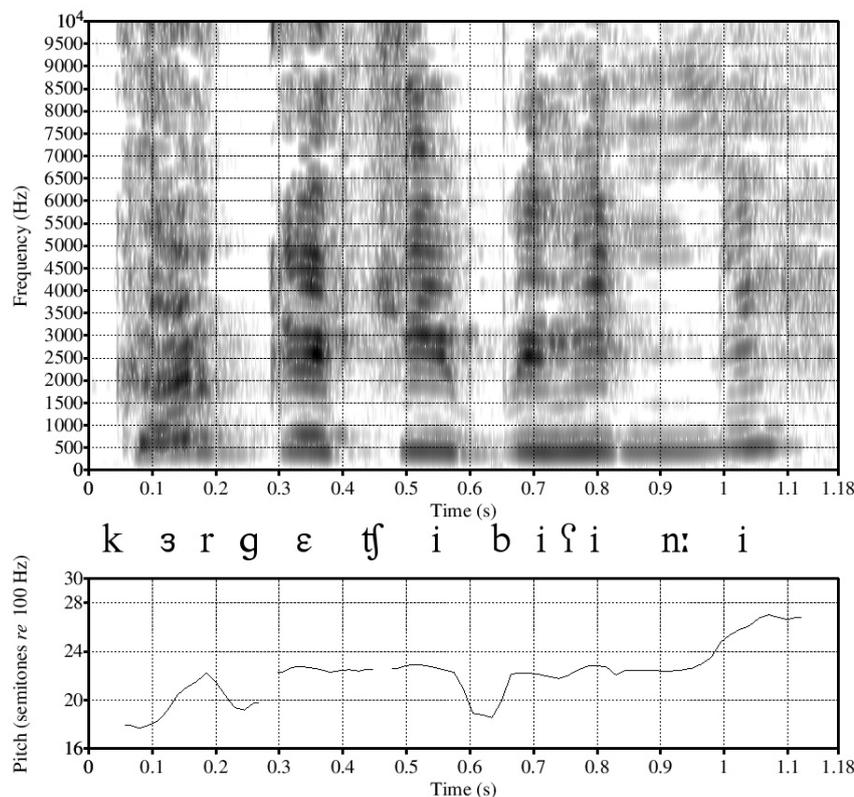
Именно по этой причине было решено обратиться к спонтанным диалогическим записям и сегментировать материал методом сплошной выборки. Хотя диалогические записи и представляют собой наличие вопросно-ответных структур, вопросительных конструкций в них оказалось немного. Из данных «Речевого корпуса эвенкийского языка (аннотированного)» были выбраны для анализа образцы речи 11 дикторов-женщин, для которых эвенкийский язык является материнским.

Акустическому анализу в компьютерной программе PRAAT были подвергнуты только односитагменные вопросительные предложения, содержащие один акцент, чтобы избежать сопоставления прогредиентной (незавершенной) и терминальной синтагм (см. напр., методику [Вейсялли 2014; с. 65]). Анализ прогредиентных синтагм, безусловно, вызывает немалый интерес и может составить перспективу дальнейших исследований. При анализе интонации общих, уточняющих и специальных вопросов исследовалась, прежде всего, конфигурация тона на главноударенном в вопросе гласном и прилегающих к нему слогах.

2.1. Обсуждение результатов

2.1.1. Интонация общих и уточняющих вопросов

Для общих вопросов характерна инклинация – повышение от самого начала контура до его конца. Диапазон инклинации в среднем составил от 12 до 16 полутонов. На рисунке 1 приведены динамическая спектрограмма и интонограмма общего вопроса *Кэргэчи бйхинны?* 'Семья есть?', в произнесении носителя джелтулакского говора (UAV-f).

Р и с у н о к 1. Реализация общего вопроса *Кэргэчи бйхинны?* 'Семья есть?' (UAV-f)

Интонационный контур анализируемого общего вопроса совпадает с классическим примером реализации общего вопроса с восходящей интонацией к концу высказывания, что является типичным, универсальным, общим для большинства языков мира [O'Connor, Arnold, 1978 ; Bolinger, 1986 ; Брызгунова, 1977 ; Светозарова 1982 ; Гордина, 1997 ; Кодзасов, Кривнова, 2001]. Если не учитывать изломы мелодики начала и середины контура, которые приходится на реализацию смычных согласных (микросегментную просодию), то выраженная интонация начинается на последнем слоге последнего слова (восхождение в 4 полутона).

На рисунке 2 показана реализация общего вопроса Улльвнѣнны? 'Шьѣшь?' в произнесении этого же диктора (UAV-f). Контур восходящий, идентичный тому, что показан на рисунке 1.

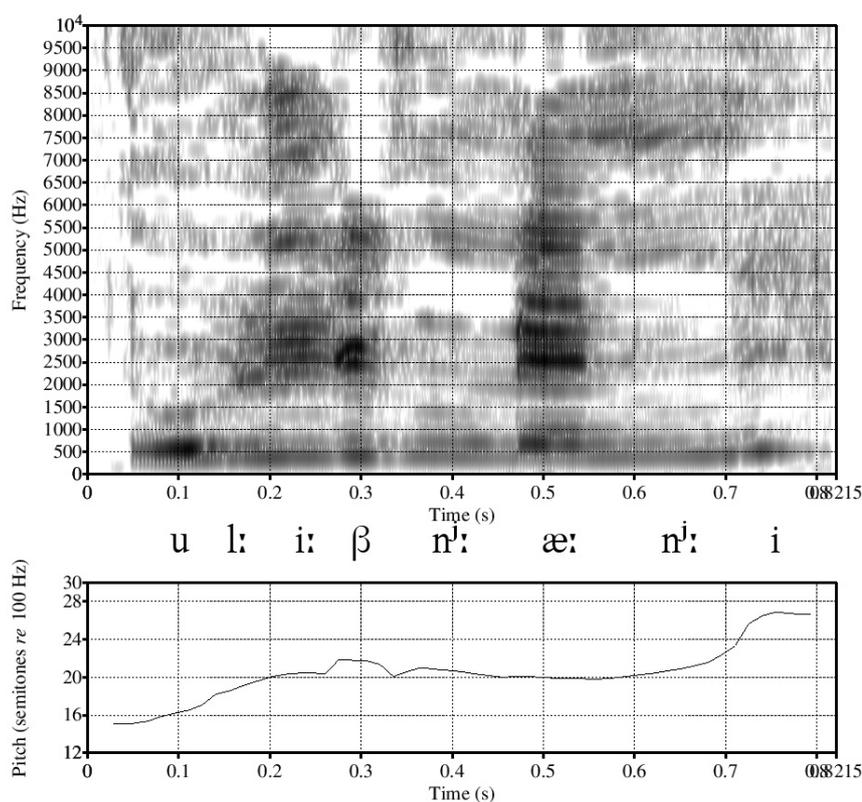
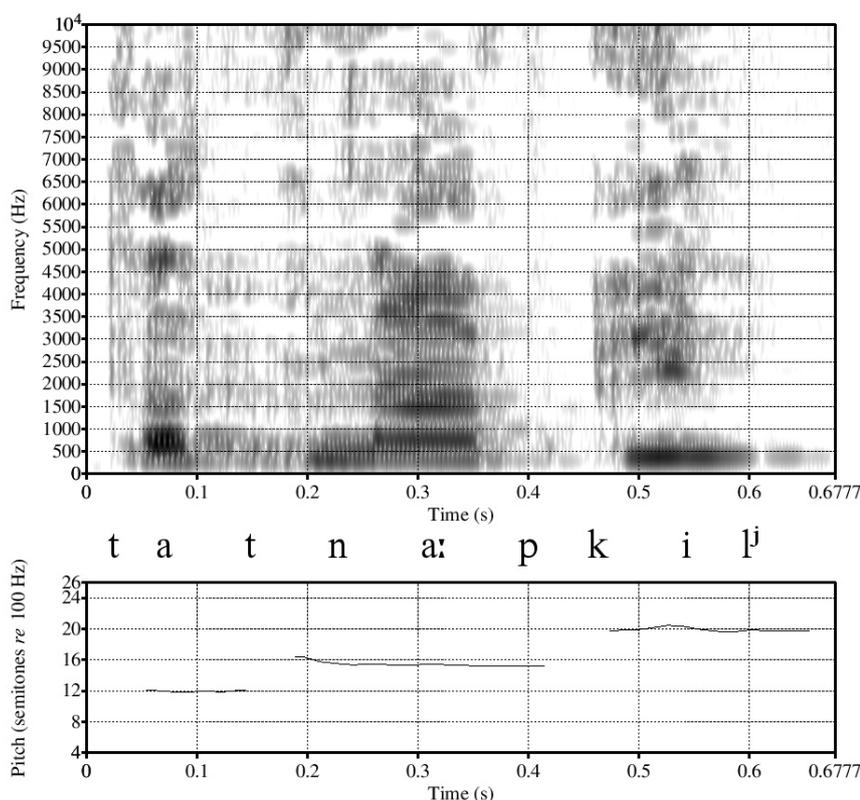

Рисунок 2. Реализация общего вопроса Улльвнѣнны? 'Шьѣшь?' (UAV-f)

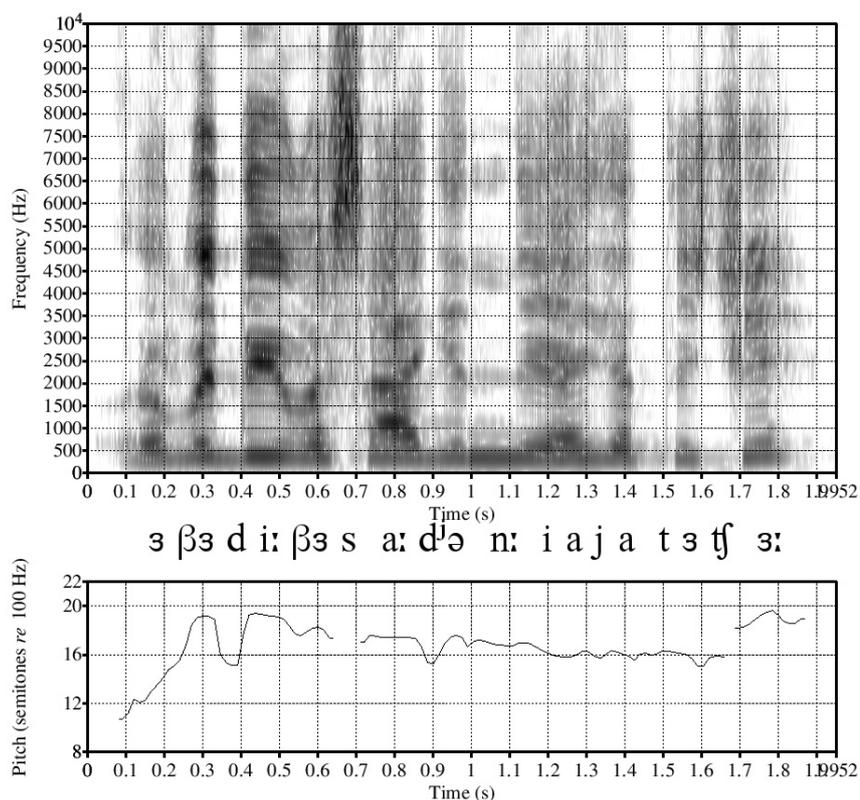
Диапазон интонации от начала контура до конечной точки составляет больше 10 полутонов. Резкий скачок контура на 7 полутонов вверх фиксируется на последнем слоге глагола, что подтверждает наше предположение о важности в общих вопросах интонационного интонирования именно последнего слога синтагмы. По меткому выражению Т. М. Николаевой, сильные точки просодии «акцентногенны, т. е. потенциально ударны» [Николаева, 1996 ; с. 30–31]. Подобный контур общего вопроса встречается в анализируемой речи всех дикторов. Так, например, в общем вопросе, показанном на рисунке 3 *Татнапкил?* 'В школе учились?' (MSS-f) используется аналогичная мелодика, рисунок которой характеризуется повышением от начала синтагмы к её концу. Диапазон интонации составляет 8 полутонов.

В общих вопросах с уточняющей частицей *эчэ?* или с вопросительной частицей *гу?*, которые в нашем материале расположены в абсолютном конце вопросительного предложения, повышение тона регистрируется на данных частицах (см. рис. 4). На рисунке 4 представлена реализация общего вопроса с уточняющей частицей *Эвэды́вэ сáдянны аят эчэ?* 'На эвенкийском говоришь хорошо, да?' в произнесении диктора иенгринского говора (DSM-f). Интонационный контур начинается повышением частоты ОТ на первых двух слогах синтагмы. В целом, мелодическая кривая характеризуется сглаженностью контура, невыраженностью пиков, падений и подъёмов. Необходимо обратить внимание на мелодический рисунок конца синтагмы. Мелодическое завершение, выраженное повышением тона, локализовано на уточняющей частице *эчэ*. Диапазон инклинации на отрезке интонограммы в промежутке от 1,5 мс до 1,8 мс составляет около 4 полутонов.

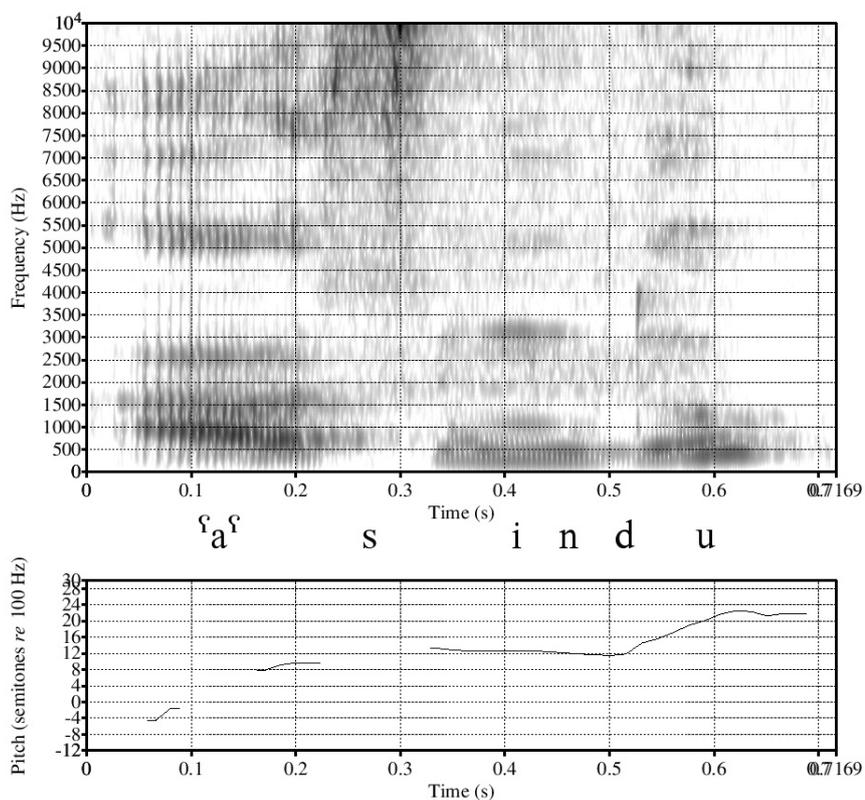
Интересно отметить, что интонационный характер просодического контура характерен и для уточняющих вопросов с *А* и без *А* в эвенкийском языке. Так, например, на рисунке 5 показана реализация уточняющего вопроса *А сáндү?* 'А у тебя?' (BNYa-f). Интонационный контур данного вопроса представляет собой инклинацию в диапазоне 10 полутонов. Контур является относительно ровным вплоть до последнего слога, на котором происходит излом вверх на 10 полутонов. Таким образом, контуры общего и уточняющего вопросов в эвенкийском языке оказываются интонационно близки.

Р и с у н о к 3. Реализация общего вопроса *Татнапкил?*
'В школе учились?' (MSS-f)

Р и с у н о к 4. Реализация общего вопроса с уточняющей частицей *Эвэдбэ сдданны аят эчэ?* 'На эвенкийском говоришь хорошо, да?' (DSM-f)

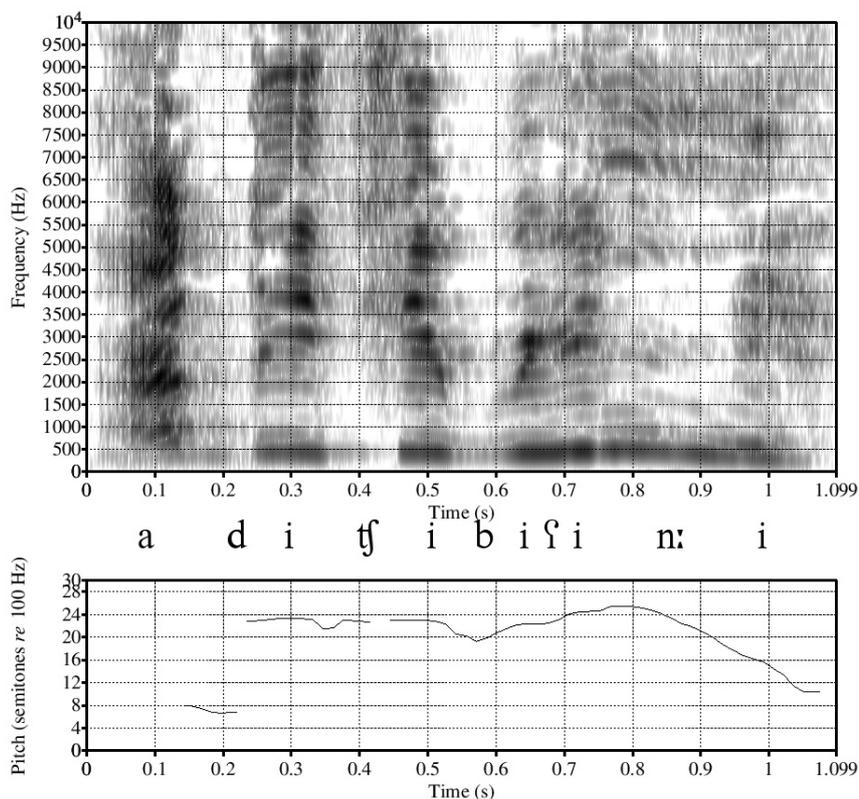

Р и с у н о к 5. Реализация общего вопроса *А сдндү?* 'А у тебя?' (BNYa-f)

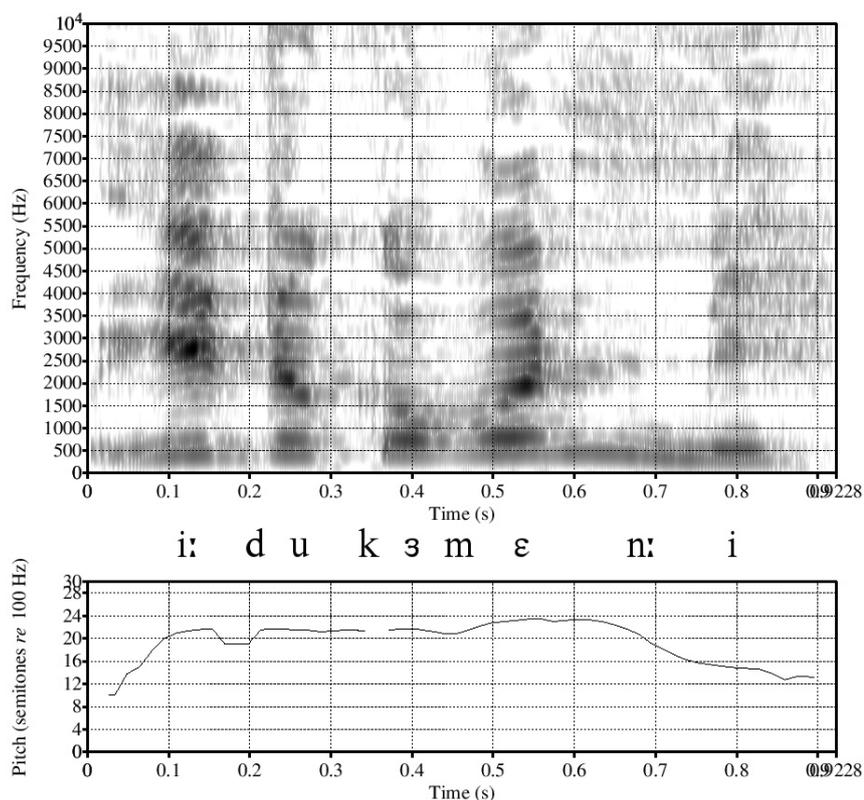
2.1.2 Интонация специальных вопросов

Результаты проведённого в данной работе акустического анализа показали, что по просодическому оформлению специальные вопросы не отличаются от описанных нами ранее контуров повествовательных завершающих предложений [Морозова, Андросова, 2015; Морозова и др., 2019]. Понижение тона в конце вопросительных предложений с вопросительным словом выражается в том, что последний слог всегда занимает самое низкое положение в синтагме. Интонационные контуры специальных вопросов в эвенкийском языке с точки зрения мелодической завершенности совпадают с интонационными контурами утвердительных и побудительных предложений.

На рисунке 6 показана реализация специального вопроса *Ады бѣхинны?* 'Сколько Вам лет?' (UAV-f), записанного от носителя джелтулакского говора. Контур вопроса отличается универсальной интонационной кривой, типичной для специальных вопросов других языков мира – перед нами деклинация (падение ЧОТ к концу высказывания). Начало предложения (если игнорировать технические помехи в нижнем регистре на отметке 2 мс от начала интонограммы) проговаривается речитативом. На втором слоге глагола «бѣхинны» регистрируется незначительный подъём (в 2 полутона), за которым следует достаточно крутое падение (14 полутонов). Мелодический рисунок данного специального вопроса не совпадает с мелодическим контуром, приводимым в качестве примера в работе [Булатова, Гренобль, 1999; с. 5] в части расположения начала деклинации. В нашем примере, падение приходится на вторую половину специального вопроса, а именно на глагол, но не на вопросительное слово, как показано в упомянутой работе.

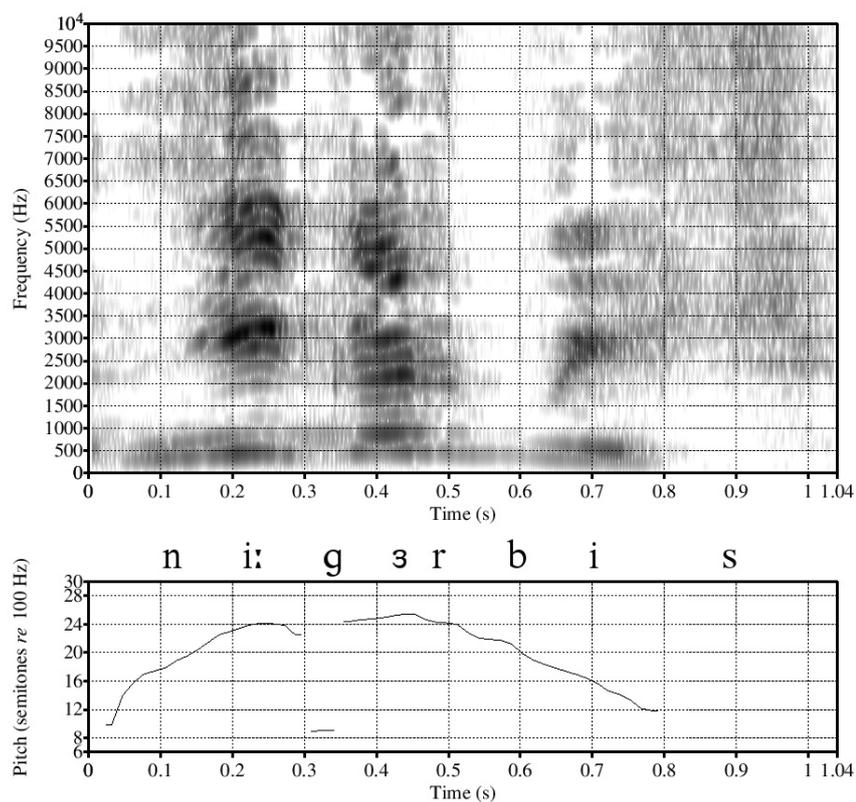
Р и с у н о к 6. Реализация специального вопроса *Ады бѣхинны?* 'Сколько Вам лет?' (UAV-f)

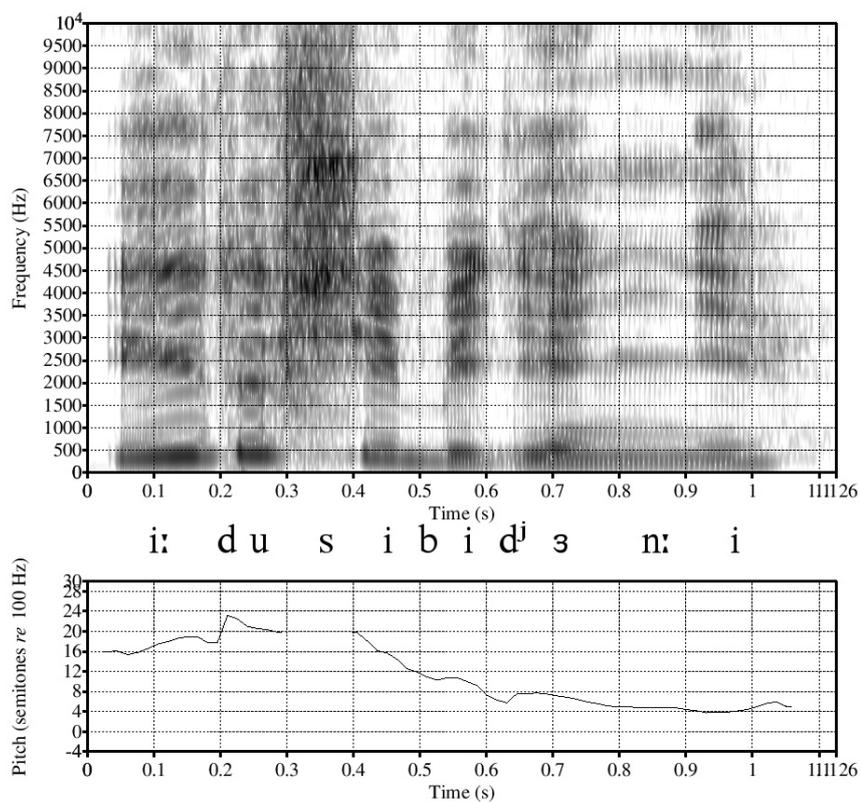
Р и с у н о к 7. Реализация специального вопроса *Идуг эмэнны?* 'Откуда Вы приехали?' (UAV-f)

На рисунке 7 представлена мелодическая кривая ещё одного специального вопроса: *Идуг эмэнны?* 'Откуда Вы приехали?' (UAV-f). Начало контура реализовано речитативом вплоть до 2 слога глагола, на котором происходит небольшой подъём (2 полутона) и крутой (воспринимаемый перцептивно при прослушивании и зрительно на рисунке интонограммы) спад (около 12 полутонов). Данная интонограмма схожа с предыдущей, представленной на рисунке 6, и по направлению ОТ, и по крутизне падения, и по локализации ядра. На рисунке 8 показан интонационный контур специального вопроса. Отличие от двух предыдущих примеров в том, что вопросительное местоимение *Н̄и* односложное и начинается с сонорного согласного в отличие от предшествующих двусложных *Ады* и *Идуг*, начинающихся с гласных. Реализация сонорного в начале контура обуславливает его движение, в данном случае вверх. Перелом движения интонационной кривой с восходящего направления на нисходящее опять приходится на последний слог глагола, что принципиально отличает наши данные от данных, которые показывают перелом на вопросительном слове [Булатова, Гренобль, 1999, с. 5].

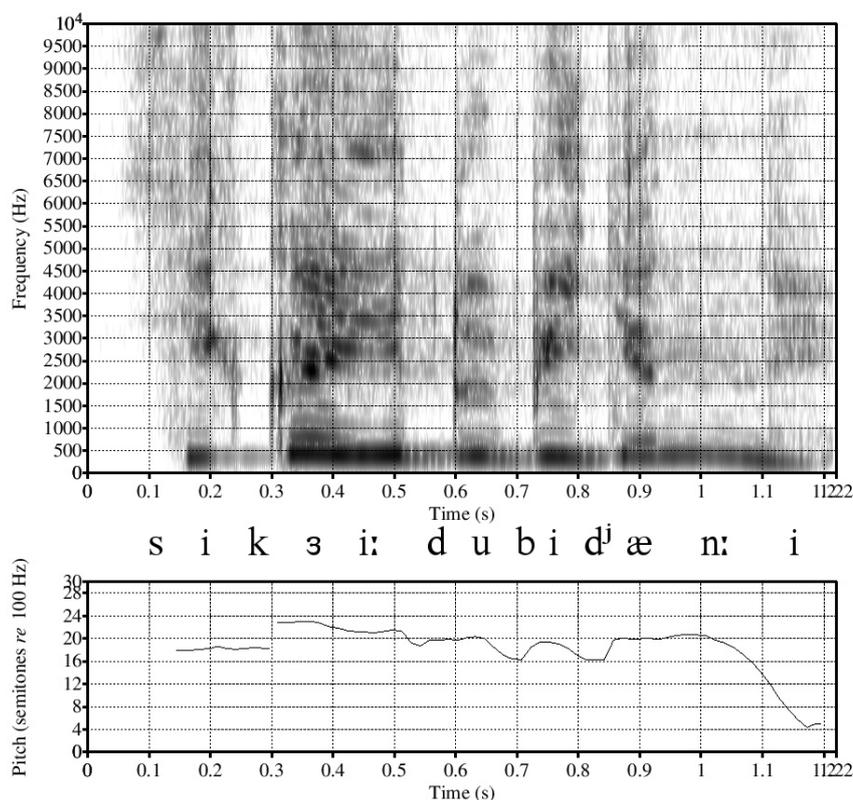
На рисунке 9 дан интонационный контур специального вопроса в речи диктора баргузинского говора (BDM-f). Диапазон деклинации является самым большим из приведённых примеров (16 полутонов). В отличие от предыдущих примеров, в данном имеется протяжённая заядерная часть. Итак, деклинация в специальном вопросе была явной общей тенденцией в речи всех испытуемых. Нельзя не отметить сходство с мелодическим оформлением специального вопроса, например, в английском языке [O'Connor, 1978].

Р и с у н о к 8. Реализация специального вопроса *Нй гэрбис?* 'Как тебя зовут?' (UAV-f)

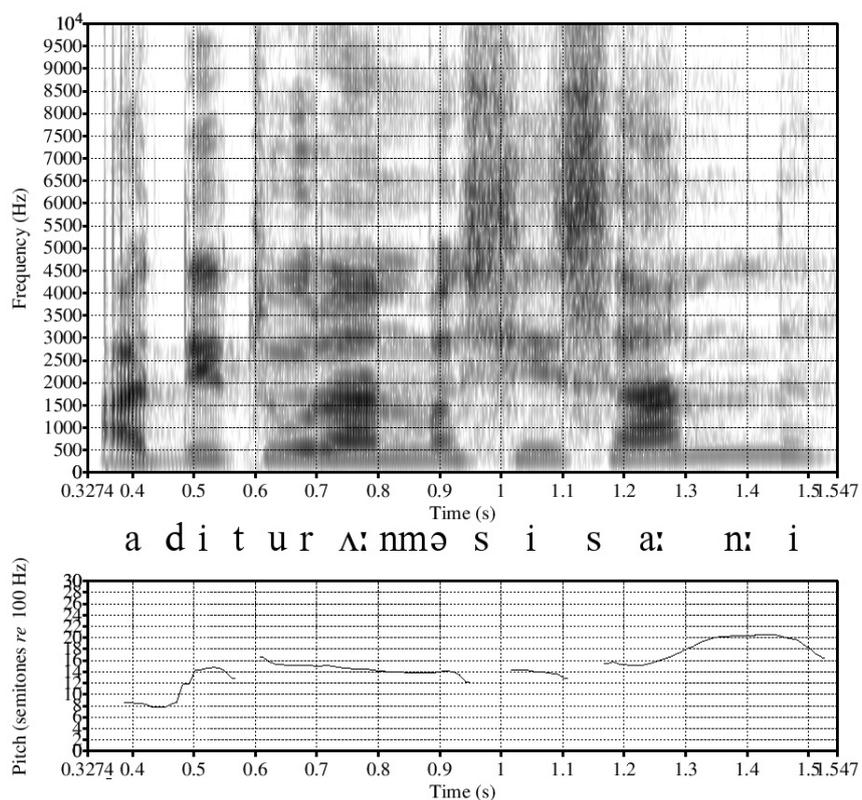
Р и с у н о к 9. Реализация специального вопроса *Йдү сй бйдэнны?* 'Где ты живёшь?' (BDM-f)

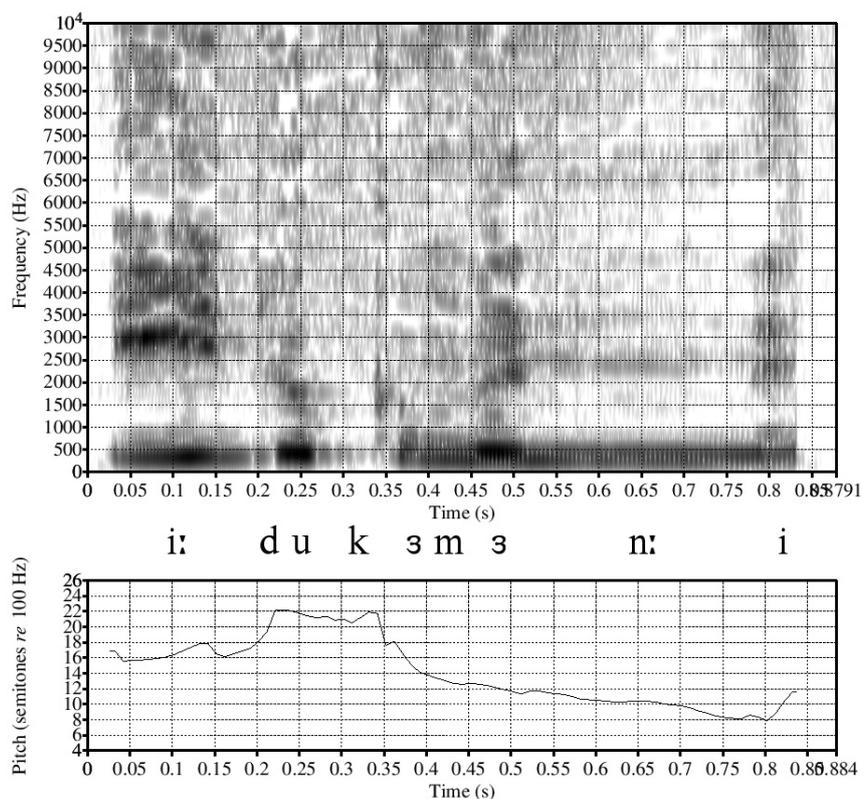
Р и с у н о к 10. Реализация специального вопроса *Сй-кэ йдү бйдэнны?*
'Ты-то где живёшь?' (LFM-f)

Однако в речи участвовавших в эксперименте дикторов имелись единичные реализации специального вопроса совершенно противоположным контуром – восходящим. На рисунке 11 представлена интонационная кривая вопроса *Ады тўрэнма сй санны?* 'Сколько языков ты знаешь?' в произнесении диктора норского говора восточного наречия (YaNA-f). Выраженная инклинация фиксируется на конечном участке специального вопроса – там, где у других дикторов отмечалась деклинация. В средней части анализируемого высказывания наблюдается речитативный отрезок, продолжительностью 5 мс, реализуемый в пределах двух полутонов. Акцентный центр специального вопроса приходится на предпоследний слог, на последнем слоге достигнутый высокий уровень ОТ сохраняется. Инклинация плавная в сравнительно небольшом диапазоне (4 полутона).

Наконец, составной восходяще-нисходящий контур представлен на рисунке 12. Первая часть контура реализуется на средне-высоком уровне в небольшом диапазоне ОТ (6 полутонов), пик ОТ локализован на 2 слоге первого слова. Далее следует значительно более выраженная деклинация в диапазоне 14 полутонов на более продолжительном временном участке по сравнению с первой частью. В самом конце контура – на последнем гласном – имеется небольшой участок инклинации (4 полутона за 200 мс). Носитель иенгринского говора (MSS-f) как бы обозначила в конце, что в её словах заключён вопрос, поскольку она не знала, владеет ли человек, к которому она обращается, эвенкийским языком. На наш взгляд, используя в данной ситуации общую вопросительность, диктор интонационно помогает своему собеседнику и облегчает понимание эвенкийской речи на слух.

Р и с у н о к 11. Реализация специального вопроса *Ады тўрэнма сй санны?* 'Сколько языков ты знаешь?' (YaNA-f)

Р и с у н о к 12. Реализация специального вопроса *Йдук эмэнны?* 'Откуда Вы приехали?' (MSS-f)

3. Заключение

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Интонационные контуры общих и уточняющих vs специальных вопросов (односинтагменных) в речи Амурских эвенков отличаются друг от друга. Во-первых, для реализации вопросительности в общих вопросах на эвенкийском языке существенно интонирование последнего слога. Зафиксированная на нём инклинация полностью соответствует тенденции, выявленной для большинства языков. Инклинационный характер просодического контура характерен также для уточняющих вопросов.

Во-вторых, вопреки ожиданиям инклинации на вопросительном слове специального вопроса в соответствии с ранее полученными данными, на нашем материале для специальных вопросов оказалась характерна деклинация, присущая, например, специальным вопросам в английском языке. Вместе с тем, были зарегистрированы вопросительные предложения с вопросительным словом, имеющие на конечной фазе синтагмы повышение ОТ. Разное направление основного тона в специальных вопросах можно объяснить спецификой ситуации, в которой был реализован вопрос. Там, где обстановка общения предполагала включение в диалог лиц, которые, возможно, владели эвенкийским языком слабо, эвенки пожилого возраста включали дополнительный фактор общей вопросительности.

Перспективу дальнейшего исследования составит детализация выявленных тенденций за счёт расширения корпуса исследования.

Список литературы

- Вейсялли, Ф. Я. Избранные труды [Текст] / Ф. Я. Вейсялли. – Баку : Мутарджим, 2014. – 524 с.
- Гордина, М. В. Фонетика французского языка : 2-е изд., испр. и доп [Текст] / М. В. Гордина. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 304 с.
- Захаров, Л. М. Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской, и эвенкийской речи) [Электронный ресурс] : доклад / Л. М. Захаров, О. А. Казакевич // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». – URL : <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharov1.pdf> (дата обращения : 18.12.2018).
- Кодзасов, С. В. Общая фонетика [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.
- Морозова, О. Н. Интонационные модели эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 55–70.
- Морозова, О. Н. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и оро-чонском языках (основной тон) [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – № 2. – С. 100–114.
- Николаева, Т. М. Просодия Балкан. Слово-высказывание-текст [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Изд-во «Индрик», 1996.
- Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 176 с.
- Bolinger, D. L. Intonation and its Parts. Melody in Spoken English [Text] / D. L. Bolinger. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1986. – 421 p.
- Bulatova, N. Evenki [Text] / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World: Materials 141. – Lincom Europa, 1999. – 64 p.
- O'Connor, J. D. Intonation of Colloquial English [Text] / J. D. O'Connor, G. F. Arnold. – Longman, 1978. – 290 p.

References

- Veysyalli, F. Ya. (2014). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Baku : Mutardzhim Press.
- Gordina, M. V. (1997). *Fonetika francuzskogo yazyka* [French phonetics]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Zakharov, L. M., Kazakevich, O. A. (2007). Intonatsiya dialoga (na materiale audiozapisey ketskoy, sel'kupsКОЙ, i evenkiyskoy rechi) [Intonation of dialog (Based on audio recordings of Ket, Selkup and Evenki speech)]. *Proc. of the International Conference in Computational Linguistics and IT "Dialog – 2007"*. Retrieved December 18, 2018 from <<http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharov1.pdf>>.
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Russian State University for Humanities Press.
- Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2015). Intonatsionnye modeli evenkiyskogo yazyka [Models of intonation in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 55–70.
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., Procukovich E. A. (2019). Prosodicheskoe oformlenie pobuditel'nyh predlozhenij v evenkijskom i orochonskom yazykah (osnovnoj ton) [The prosody of imperative sentences in Evenki and Orochon: Pitch]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (2), 100–114.
- Nikolaeva, T. M. (1996). *Prosodiya Balkan. Slovo-vyskazyvanie-tekst* [Balcan Prosody. Word-utterance-text]. Moscow : Indrik Press.
- Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Prosodic system of the Russian language]. Leningrad : Leningrad University Press.
- Bolinger, D. L. (1986) *Intonation and its Parts. Melody in Spoken English*. Stanford : Stanford Univ. Press.
- Bulatova, N. Grenoble, L. (1999). Evenki. *Languages of the World: Materials 141*. Lincom Europa.
- O'Connor, J. D., Arnold. G. F. (1978). *Intonation of Colloquial English*. Longman.

УДК 811.531:811.512.3

UDC 811.531:811.512.3

Мушаев Владимир Наранович, Мукабенова Жанна Алексеевна,
Карманов Арван Арсланович
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
г. Элиста, Российская Федерация
Vladimir N. Mushaev, Zhanna A. Mukabenoova, Arvan A. Karmanov
Kalmyk State University
Elista, Russian Federation

mushaev_vn@mail.ru, zhanna61297@yandex.ru, ak-740@mail.ru

**КОРЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ХАНГЫЛЬ
И МОНГОЛЬСКОЕ КВАДРАТНОЕ ПИСЬМО¹
KOREAN HANGUL AND MONGOLIAN SQUARE SCRIPT**

Аннотация

Корейский язык является официальным языком в Республике Корея и КНДР, где он называется *хангыль* и *чосонгыль* соответственно. Долгое время корейцы использовали сложную систему ханча, а в 1444 году король Седжон Великий создаёт корейский алфавит, но ханча продолжает оставаться важным элементом в жизни корейцев и по сей день. Цель нашего исследования – выяснить, какое письмо легло в основу нового письма, то есть могло ли монгольское квадратное письмо стать «прародителем» корейской письменности. Вопрос происхождения *хангыль* вызывает огромный интерес и одновременно сомнения у многих исследователей. В России этому вопросу посвятил свои работы Л. Р. Концевич, советский и российский востоковед-кореевед. В данной статье исследуется теория американского корееведа Гэри Ледьярда и его предположение относительно монгольского происхождения *хангыля* от квадратной письменности.

Abstract

Korean is the official language in the Republic of Korea and the DPRK, where it is called *Hangul* and *Chosongyl* respectively. For a long time, Koreans had used a complex system of *Khancha* before in 1444 King Sejon the Great created the Korean alphabet, but *Khancha* remains an important element in the life of Koreans to these days. The current research aims to find out what writing system was the predecessor of the new writing system, particularly, whether the Mongolian square script could have become the “progenitor” of Korean writing. The question of the origin of *Hangul* is interesting and, at the same time, challenging for many researchers. In Russia, L. R. Kontsevich, a Soviet and Russian Orientalist-Korean scholar, studied this issue. In this article we examine the theory of American Korean scholar Gary Ledyard and his assumption about *Hangul* originating from the Mongolian square script.

Ключевые слова: корейская письменность, хангыль, ханча, монгольская письменная система, хунмин чоным, вертикальное монгольское письмо, квадратное монгольское письмо, слоговой знак.

Keywords: Korean writing system, *Hangul*, *Hancha*, Mongolian writing system, *Hongmin Chonym*, vertical Mongolian writing, Mongolian square script, syllabic sign.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_97_106

1. Введение

Корейская письменность в период правления четвёртого вана, великого короля Седжона государства Чосон, имеет богатую историю, что говорит о развитой культуре

¹ Исследование выполнено по внутривузовскому Гранту КалмГУ «Типология и динамика языковых процессов тюрко-монгольского ареала».

нации. Четвёртый ван корейской династии Ли государства Чосон Седжон (1418–1450 гг.), имя которого неразрывно связано с созданием, распространением и использованием корейского алфавита хангыль, посмертно получил титул «Великого вана». Именно он выступал против воли своих подданных, оказывал яростное сопротивление представителям конфуцианских оппозиционеров, вводя в широкий оборот новую письменность, которая была более доступна простым людям. Лишь ван Квангэтхо, повелитель Когурё, удостоивался подобного титула. Седжон, будучи третьим сыном вана Тхеджона, впоследствии вошёл в историю как Великий Принц Чунгнёнг. Отец любил его больше других сыновей, так как Седжон был способнее и любознательнее своих братьев, он тянулся к знаниям, обладал большими способностями [Ким, 2014, с. 12].

Письменность в Корее развивалась под огромным влиянием контактов с Китаем. Первый зафиксированный случай использования корейцами классического китайского языка относится к V столетию н. э. (414 г. н. э.). Впоследствии китайские иероглифы стали основой для создания разных систем письменности в корейском языке, это *хяньчхаль*, *кугёль* и *иду*. Данные системы были похожи на японские образцы письменности. Грамматические маркеры и окончания в корейских глаголах оформлялись в «*иду*» при помощи сочетания китайских иероглифов и специально разработанных символов. Долгие столетия в Корее существовала система письменности «*иду*», при помощи данных символов были созданы многие официальные и личные документы.

Все звуки корейского языка, передаваемые системой письма хяньчхаль, оформлялись китайскими иероглифами, данная система использовалась преимущественно для создания поэтических произведений. Заимствование многих китайских слов корейцами обусловило появление в корейском языке новых слов, нового звукового оформления, новых оттенков значения имеющихся лексических единиц; появилось около 150 новых иероглифов, которые обозначали имена людей или топонимические единицы, но редко использовались в речи носителей языка [Лингвистическая энциклопедия, 2009].

Сочетание систем корейского письма хангыль и ханча встречается в научных работах и в некоторых официальных документах, в то время как современная литература и неофициальное письменное общение оформляется при помощи системы письма хангыль.

Данная система письма имеет некоторые особенности. Так, до 1980 г. функционировало вертикальное направление письма, которое создавалось и читалось справа налево. Позже большую популярность приобретает горизонтальное направление письма, используемое слева направо, именно оно функционирует в современной корейской письменной речи.

В корейской системе письма хангыль, используемой в Республике Корея и составляющей стандарт корейского языка за рубежом, имеется 24 буквы (чамо), 14 согласных и 10 гласных. Как и во многих языковых системах, слоговые блоки являются следствием соединения букв между собой.

Органы речи, которые участвуют в произнесении согласных *g/k*, *n*, *s*, *m* и *ng*, являются их графическим образом. К базовым формам согласных при помощи добавления некоторых линейных элементов были созданы другие согласные. Гласные имеют форму, которая основана на трёх основных элементах, это человек (вертикальная линия), земля (горизонтальная линия) и небеса (точка).

Необходимо подчеркнуть, что современная система письма хангыль немного изменилась: «небесная» точка превратилась в короткую линию. Расстояние оставляется между словами, которые имеют односложный и более состав. Согласные звуки обладают разным звуковым обликом, это зависит от места расположения в слоге. Корейские учёные, занимающиеся изучением системы письма хангыль, предлагали альтернативный способ. Суть данного способа состоит в том, чтобы писать буквы в ряд, подобно

английскому языку, не группируя их в слоги, но данное предложение не встретило поддержки и широко не использовалась [Лингвистическая энциклопедия, 2009].

Известный корейский учёный Соль Чхон, работы которого относятся к эпохе Объединённого Силла, считается автором системы письма ханча, именно он был исследователем древнекитайской литературы. Специально отобранные для использования китайские сокращённые иероглифы и грамматические форманты использовались в виде слоговых обозначений для передачи корейских лексем. Ханча используется только для записи слов китайского происхождения, которые составляют почти половину лексики корейского языка [Ханча, 2019, с. 1].

В Южной Корее ханча используются не так часто, художественная литература и газетные статьи в основном создаются при помощи системы письма ханча. Неоднозначная трактовка лексических единиц исключается при помощи приведённых в скобках комментариев хангылем, в других письменных текстах ханча практически не используется [Ханча, 2019, с. 1]. Система письма хангыль, которая считалась слишком простонародной, в корейской литературе до начала XX века не использовалась, представители корейской литературной элиты высокомерно называли хангыль Онмун (на корейском 언문, «народное письмо»), Амгыль (암글, «женское письмо»), Ахэткыль (아햇글 или 아해글, «детское письмо»). Приведённые названия системы письма хангыль в современной корейской письменной культуре принято считать устаревшими [Хангыль, 2019, с. 3], хотя они должны учитываться в истории корейского письма.

На сегодняшний день хангыль используется в КНДР и Республике Корея, однако в Северной Корее письменность называется чосонгыль, а в Южной Корее – система письма хангыль. Современное название системы письма хангыль было впервые введено в оборот исследователем Чу Сигёном в 1912 году и обозначается следующим образом: хангыль (한글). Данный иероглиф можно перевести с древнекорейского как «великая письменность», в современном корейском языке перевод звучит как «корейская письменность».

Корейская письменность на сегодняшний день продолжает представлять большой интерес в вопросах её происхождения и одновременно вызывает сомнения у исследователей, в том числе и в российском корееведении. В России исследованию происхождения хангыля посвятил свои работы Л. Р. Концевич [Концевич, 2010, 2011, 2013] – советский и российский востоковед, кореевед. Он известен тем, что занимался вопросами разработки соотносимой транслитерации знаков. Именно его система представляет собой стандарт, используемый при переводе корейских иероглифов на кириллицу. С 70-х годов XX века она функционирует для передачи корейских географических названий на русский язык. Суть разработанной Л. Р. Концевичем системы основывается на фонетической транскрипции: важное значение имеет не то, как та или иная буква передаётся графически, а то, как она звучит, что является ключевым отличием данного принципа от систем романизации хангыля.

В данной статье мы хотели бы обратить внимание на теорию Гэри Ледьярда и его исследование относительно происхождения хангыля от монгольской квадратной письменности [Бобровников, 1870 ; Поппе, 1941 ; Санжеев, 1977]. На наш взгляд, контакты Монгольской Империи Юань и корейского государства Корё могли стать основными предпосылками происхождения корейской письменности. Принципиально важно отметить, что корейская элита очень долго не использовала свою национальную письменность, практически до буржуазных реформ 1894 года. Тангутское письмо, большое и малое чжурчженьское письмо, киданьское письмо (X в.), которые представляют собой силлабо-идеографические (переходные) письменности неханьских народов Китая, были широко известны в Корее. Также корейцам был знаком вьетнамский тьы-ном, прароди-

тель многих систем письма. Данные системы не получили широкого распространения, в отличие от китайских иероглифов. Однако корейцы имеют очень богатый исторический опыт приспособления иероглифики к нуждам своего собственного языка.

2. Основная часть

Первое применение системы письма «иду» принято относить к периоду, когда исследователь Соль Чхон занимался работой по комментированию на корейском языке девяти произведений конфуцианской классики [Корейская письменность, 2012, с. 15]. Тибетский язык и санскрит были основными языками, которые использовались для создания буддийской литературы того времени, в их основе лежала система письма брахми. Данный способ письма использовался в Корее значительно раньше, что подтверждается современными палеографическими исследованиями [Википедия, 2019].

Вхождение корейского полуострова в состав Монгольской Империи Юань оказало сильное влияние на курс развития истории страны, а также на письменные традиции корейцев. В корейской придворной библиотеке были найдены средневековые манускрипты, рескрипты, печати, написанные монгольским письмом, что вполне может говорить об использовании корейцами монгольских письменных систем, поэтому, исходя из вышесказанного, высока вероятность того, что корейцы могли опираться на структуру монгольского квадратного письма для создания собственной письменности.

Однако М. Куран, Д. Дирингер утверждают, что хангыль имеет санскритские корни, что вполне допустимо, так как санскрит является прародителем многих письменных систем азиатских народов [Концевич, 2013, с. 148]. В этом случае стоит сделать оговорку, что монгольская квадратная письменность базировалась на тибетской, а тибетское письмо берёт начало с санскрита, поэтому отчасти справедливо утверждение о санскритском происхождении хангыля. Такая точка зрения связана с тем, что в Китае и Корее монголов долгое время считали «варварским народом». Монгольская элита поощряла развитие разных культур и религий в пределах собственной империи [Вернадский, 1997, с. 221].

Как принято считать, высшим достижением культуры является наличие письменности, а в эпоху расцвета Монгольской Империи у монголов уже были две собственные письменные системы – вертикальное монгольское письмо и квадратное монгольское письмо. Американский кореевед Гэри Ледьярд попытался предоставить свою версию происхождения письменности хангыль. По его гипотезе, высока вероятность того, что за основу хангыль была взята квадратная монгольская письменность тибетского монаха, учёного и политика Пагба-Ламы.

Современный Пекин (в древности Ханбалык) впервые стал столицей Китая, Кореи, Тибета, Монголии, Юньнани и некоторых других регионов во времена распада единой Монгольской империи; именно в тот период появилось государство – империя Юань, отличающаяся своей стабильностью и полиэтничностью [Курбанов, 2009, с. 124]. В таких условиях появилась необходимость в эффективной коммуникации императорского двора с носителями монгольского языка, с представителями других этнических групп и языковых систем, которые имели совершенно разный фонетический облик. Император Хубилай приказал усовершенствовать имеющуюся тибетскую систему шрифтов, в соответствии с чем Пагба-лама создал известное монгольское квадратное письмо (по-монгольски *dörbeljin üsüg*), получившее название письма Пагба-ламы. Перед Пагбой-ламой стояла трудная задача, решение которой было бы применимо и для китайского, и для монгольского языка, именно поэтому он совместил принципы письма, известные в индийской филологии, в тибетской письменной культуре, индийские системы письменности с основой деванагари. При этом создаваемые тексты располагались

вертикально, строки писали слева направо, подобно системе уйгурской и монгольской письменности, а не горизонтально, как в тибетском. Это одна из первых попыток в мире приспособить единую письменную систему к языкам из различных групп.

В сравнении с тибетской письменностью символы алфавита квадратной письменной системы записывали друг за другом. Знак для обозначения гласного звука всегда следовал за знаком для обозначения согласного, что соответствует корейскому письму хангыль (комбинация /CV/), и одновременно это является существенным отличием от системы тибетского и индийского письма – знаки для гласных не были диакритическими. Письмо Пагба-ламы представляет собой классическую абугиду, так как в данной системе есть отдельные начальные формы (в отличие от обозначений гласных в открытых слогах, начинавшихся на согласный). В начале слова в квадратном письме использовалось написание краткой /a/, что соответствует системе тибетского языка. Буквы в слогах принято было писать слитно, что приводило к образованию синлабических блоков [Кара, 1972, с. 28].

Хотя прямые контакты между корейцами и тибетцами были невозможны в силу географических обстоятельств, скорее всего, центром единства этих цивилизаций стала Монгольская Империя. Идеология Империи Великого хана – объединение всех народов – заложило основы интеграции многих культур и религий азиатского региона. Культурным центром (и соседом) для этих народов являлась китайская цивилизация. Созданная для таких нужд квадратная монгольская письменность вполне могла бы стать прототипом для хангыль, этим также объясняется большая схожесть дизайна обеих письменностей.

В науке принято считать 1444 год датой официального создания корейской письменности хангыль, хотя по европейскому летоисчислению, это 1443 год, когда король Седжон Великий заказал группе корейских учёных создать письменность для Кореи. [Концевич, 2010, с. 149]. В 1446 году был опубликован документ Хунмин чоным Хэребон – наставление народу о правильных звуках новой письменности.

Стиль «гу-чжуань цзы», 古篆字 был обработан Седжоном и адаптирован для артикуляционной фонетики, именно этим обусловлен дизайн согласных, что подтверждается исследователем Г. Ледьярдом, который нашёл обоснование в документе хунмин чоным Хэребон. Учёные долго не могли правильно распознать функционирование данного стиля. Приведём пример: иероглифическое написание 古篆字 гучжуаньцзы было принято читать как «старый стиль каллиграфии чжуаньшу», так как основное значение иероглифа 古 (gǔ, гу) – 'старый'. Вполне закономерно возникал вопрос о соотносимости чжуаньшу с корейской письменностью, ведь это совершенно разные системы. Существующий иероглиф 古 gǔ использовался для фонетического оформления лексемы 蒙古 мэнгу – 'монгол', что было зафиксировано в работах Г. Ледьярда. Данное соответствие использовалось для создания каламбуров «никто не старше (古), чем монголы (蒙古)», которые можно найти в источниках периода короля Седжона. Весьма вероятным представляется утверждение исследователя Ледьярда, о том, что «гу-чжуаньцзы» – это 蒙古篆字 мэнгу чжуаньцзы, что имеет значение 'монгольское квадратное письмо' [Ledyard, 1998, с. 355].

Таким образом, подлинник Гу, возможно, был скрытой ссылкой на монгольское письмо или письмо Пагба. Иероглиф – это стиль письма, используемый для печатей имени и официальных печатей. У Пагба был вариант подлинника печати, смоделированный после появления китайского подлинника. В этом облике его называли 蒙古篆字 – монгольским письмом – только с таким иероглифом, отличающим его от 古篆字, признанного Хунмин чоным источником хангыля. В корейской библиотеке дворца было много рукописей Пагба, и некоторые из министров Седжона знали подлинник хорошо. Как считает исследователь Г. Ледьярд, знаки квадратного письма [k], ^ㄱ[t], ^ㅍ[p], ^ㅌ[ts]

и ㄷ передавали основные пять согласных, именно приведённые согласные принято считать основными единицами в фонетической системе китайского языка, при этом другие графемы ㄱ , ㄴ , ㄹ и ㅅ взяты за основу в хунмин чоным Хэребон. Шестая буква была изобретена Седжоном. Остальные знаки являются производными от первых шести, как и описано в документе [Ledyard, 1998, с. 410–411].

Контуры пяти букв, которые были созданы Пагба-ламой, были заимствованы и упрощены: квадрат в букве г потерян в хангыле ㄱ [Ledyard, 1998, с. 411]. Подобная форма значительно удобнее при обозначении стечения согласных, она используется для придыхательного ㄱㅎ [kh]. Для слога, который начинается с гласного звука, слог с нулевой инициальной, Седжону и другим учёным необходимо было придумать специальный символ, что сохранило бы принцип китайской слоговой структуры, при котором он делится на инициаль и финаль. В ходе работы Седжоном к нулевой инициали был добавлен символ в виде вертикальной линии, как у других взрывных согласных, от знака ㅇ был образован символ для гортанной смычки ㅇ [ʔ] [Ledyard, 1998, с. 411]. В монгольском письме обе эти инициали передавались диграфами, которые начитаются с буквы «й». Ледьярд трактует в своих работах происхождение буквы ㅇ [ŋ] по-другому, в отличии от Хунмин Чоным. Так, он предполагает, что символ образован от нулевой инициали ㅇ .

Точное воспроизведение китайских иероглифов было основной задачей при создании письменной системы хангыль для нужд корейского языка. При этом звук [ŋ], с которого начинался фонетический облик многих китайских слов, во времена Седжона был утрачен. Он также пропал в корейских заимствованных словах, его использование ограничивалось концом слова. Форма велярного носового согласного, которая предполагалась в работах Ледьярда, появлялась при удалении горизонтальной линии и была похожа на гласную букву ㅣ [i]. Седжон присоединил вертикальную линию к ㅇ и был образован символ ㅇ . Необходимо особо отметить, что ㅇ и ㅇ никогда не встречаются на одном и том же месте в словах. Данная отличительная черта была потеряна, поэтому в работах XX века нулевая инициаль записывается тем же знаком, что и [ŋ] [Ledyard, 1998, с. 411].

Ледьярд пишет, что помимо этих двух букв, все знаки хангыля обладают простым графическим обликом в хунмин чоным, то есть периода, когда каллиграфические стили представляли буквы асимметричными, все буквы, кроме ㅌ [t] и ㅍ [p], были составлены из прямых линий. «Т» и «П» имели «язычок», подобно знаку квадратного письма д и символу тибетского алфавита ཏ д.

В пользу монгольского происхождения письма хангыль, по словам Г. Ледьярда, говорит то, что корейцы с многовековыми привычками китайского письма старательно избегали углового и острого шрифта при написании, что совсем нехарактерно для хангыля. Однако Ледьярд в своём исследовании сам ставит собственную теорию монгольского происхождения под сомнение. «Я посвятил много времени изучению роли монгольского квадратного письма как вида письменности в происхождении корейского алфавита. Но заинтересованный читатель поймёт, что роль квадратного письма описывалась как нечто ограниченное. На самом деле происхождение корейского алфавита – не самый простой вопрос. Те, кто считает, что алфавит основан на квадратной письменности, правы лишь отчасти, также, как отчасти правы и те, кто говорит, что этот алфавит есть отражение абстрактных рисунков органов артикуляции... После публикации этого исследования, меня больше всего беспокоило бы обнаружение при работе по истории письма такого утверждения: «согласно последним исследованиям, корейский алфавит происходит от монгольского. Квадратное письмо не внесло ничего такого, что делает эту письменность, возможно, самым выдающимся или великолепным явлением в мире» [Ledyard, 1998, с. 367–368, 370, 376].

На самом деле общий дизайн букв ещё не даёт права утверждать, что корейская письменность прямо происходит от монгольской. Однако надо отметить, что монгольская письменная система так же, как и санскрит, заложила основу для начала некоторых письменных культур. Например, маньчжурская письменность базируется на старомонгольском вертикальном письме, имеются общие графемы. Ойратская письменность то-до бичиг «Ясное письмо» Зая-Пандиты тоже произошла от классической монгольской письменности. Кстати, корейцам также была знакома классическая монгольская письменность. Монгольская элита нередко переписывалась с корейскими ванами на монгольском языке с использованием монгольской классической письменности. Более того, в переводческом приказе (Саёгвон), учреждённом в конце правления государства Корё, экзамены на должность государственного чина проводились по следующим языкам: китайский, японский, чжурчженский и монгольский [Сумьябаатар, 1978, с. 219–220].

Научный интерес вызывает исследование российского филолога А. А. Бурыкина, который нашёл общие графемы у монгольской вертикальной письменности худам бичиг и хангыль. Кстати, классическая монгольская письменность хоть и была создана раньше квадратной письменности Пагба-ламы, но она всё же смогла вытеснить её, стала доминирующей и используется по сей день. Более того, письменные памятники квадратного письма, по утверждению Г. Ледьярда, не были найдены на территории самой Монголии и прилегающих к ней приграничных регионах [Бурыкин, 2001, с. 474].

По мнению А. А. Бурыкина, в корейском алфавите для гласных, которые являются более простыми по структуре, доминируют вертикальные графические элементы, то есть те самые графемообразующие элементы, используемые в классической монгольской письменности. К тому же горизонтальные черты, составляющие корейские буквы О и У, на этом фоне вполне могли бы выводиться из аналогов горизонтальной составляющей монгольской графемы о/у. То, что корейские графемы, обозначающие те гласные, транскрибирующиеся в русской графике йотированными буквами Я, ЙО, Ю, отличаются от соответствующих им графем А, О, У одной дополнительной чертой, сопоставимо с особенностями написания монгольского алфавита, где первые знаки А и Э отличаются количеством зубцов (а срединные не различаются), и знаки О/У для заднерядных и переднерядных гласных отличаются отсутствием и наличием дополнительного графического элемента. В классической монгольской письменности одна часть знаков для согласных находится слева от графемообразующей вертикали, другая часть – справа от неё [Бурыкин, 2003, с. 30–45]. Согласно точке зрения А. А. Бурыкина, в этой системе заключены истоки идеи композиционной группировки корейских знаков в графическом слоге. Возможно, сравнительное изучение монгольской и корейской палеографии, которое позволило бы оперировать соизмеримым по времени графическим материалом, даст новый фактический материал, открывающий дополнительные возможности для установления какого-то лингвистического прототипа хангыль. Важно, что идея алфавитного письма с наибольшей степенью вероятности привнесена в Корею именно с образцами монгольской письменности, а учебные пособия по монгольскому письму, как и по маньчжурскому, представляли собой таблицы начертания слогов, что и сближает образцы написания монгольских слогов с корейскими слоговыми начертаниями. Правда, надо отметить тот факт, что в период интенсивного использования монголами классического письма, когда квадратная письменность вышла из употребления в постимперскую эпоху, связи монголов и корейцев практически отсутствовали в силу географических обстоятельств, поэтому, на наш взгляд, маловероятно взаимовлияния классической монгольской письменности худам бичиг и корейского письма хангыль.

Изучение происхождения хангыля при опоре на данные монгольской письменности не дадут объективных сведений. По мнению Ледьярда, вполне допустима версия

монгольского происхождения корейской письменности. Наличие общего похожего дизайна букв и единой слоговой комбинации лежит в основе это вполне обоснованной гипотезы. Главный фонетико-морфологический принцип написания имеет ещё и исторические предпосылки. Идея создания квадратной монгольской письменности базировалась на единой письменной системе, которая была бы фонетически и морфологически универсальной для всех подданных народов династии Юань. Кстати, корейцы занимали заметное положение в высшей государственной иерархии Империи Юань.

Версии монгольского происхождения корейской письменности противоречит теория М. Курана и Д. Дирингера, которые склонялись к тому, что изначально корейская письменность была создана в буддийских монастырях. Буддийское вероисповедание, в котором было много приверженцев, как среди народа, так и в королевской семье, служило посредником идеи создания своего национального алфавита по типу древнеиндийского письма, т. е. санскрита [Courant, 1936]. Эта теория происхождения хангыля от древнеиндийской письменности имеет определённую степень вероятности, потому что в средневековую эпоху собственная письменность, как правило, создавалась у многих народов с распространением религии. Широкое распространение буддийской религии в Корее относится к периоду государства Корё (X–XIV вв.). Однако по мнению известного российского корееведа-историка С. Курбанова, период первого знакомства корейцев с буддизмом относится к IV веку. В связи с этим версия санскритского происхождения корейской письменности хангыль более сомнительна.

3. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что с падением чуждой династии Юань и возвышением молодой корейской династии Ли потребовался символ нового порядка, корейская письменность могла ознаменовать новую эпоху, эпоху создания национальной письменности, которая могла вывести народ на новый уровень грамотности. Неоспоримым остается тот факт, что корейская письменная традиция достаточно древняя, она сформировалась намного раньше классической монгольской, а опыт знакомства с буддийской и конфуцианской культурой оказал гораздо большее влияние на развитие письменной культуры в Корее. Если принять теорию Ледьярда, то Седжон мог позаимствовать многое из монгольской письменности, однако само отношение к монголам как к «варварам», а также огромное влияние с китайской стороны не могло не отразиться на некоторых фактах в истории письменности корейцев. В действительности тесные культурные и литературные связи с Китаем могли тормозить распространение и активное использование хангыль вплоть до начала XX века ввиду высокого престижа китайского языка и иероглифической письменности.

Конечно, для комплексного исследования этого вопроса необходимо привлечь внимание не только монголоведов и корееведов, но и представителей других востоковедческих и исторических дисциплин. Как известно, многие востоковедческие дисциплины зачастую рассматриваются через синологию, так как китайская цивилизация является самой древней. Для дальнейшего изучения происхождения хангыля, на наш взгляд, требуются совместные усилия санскритологов, синологов, тибетологов, буддологов и др. Также важно исследовать письменные памятники периода династии Юань, в первую очередь написанные квадратной письменностью. Только комплексный подход даст ответы на вопросы о происхождении корейской письменности хангыль.

Список литературы

- Бобровников, А. А. Памятники монгольского квадратного письма [Текст] / А. А. Бобровников. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1870. – 92 с.
- Бурькин, А. А. Корейское письмо как объект общей теории письма [Текст] / А. А. Бурькин // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. XI. – М. : Магнитогорск : Изд-во ФГБОУ ВО МГТУ, 2001. – С. 474–481.
- Бурькин, А. А. Корейское письмо в ряду алфавитных систем письма: к проблеме общего и особенного [Текст] / А. А. Бурькин // Вестник Центра корейского языка и культуры. – 2003. – Вып. 5–6. – С. 30–45.
- Вернадский, Г. В. Монголы и Русь [Текст] / Г. В. Вернадский. – Тверь – Москва : Изд-во ЛЕАН, 1997. – 480 с.
- Кара, Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности) [Текст] / Д. Кара. – М. : Наука ГРВЛ, 1972. – 229 с.
- Концевич, Л. Р. Мир «Хунмин чоньыма» [Текст] / Л. Р. Концевич. – Т. 10. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – 586 с.
- Концевич, Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. [Текст] / Л. Р. Концевич. – М. : «Восточная литература» РАН, 2010. – 806 с.
- Концевич, Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии : Addenda. [Текст] / Л. Р. Концевич. – М. : «Восточная литература» РАН, 2011. – 687 с.
- Курбанов, С. О. К93 История Кореи: с древности до начала XXI в. [Текст] / С. О. Курбанов. – СПб. : Изд-во СПбун-та, 2009. – 680 с.
- Поппе, Н. Н. Квадратная письменность [Текст] / Н. Н. Поппе. – М.; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1941. – 165 с.
- Санжеев, Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, Бурятский институт общественных наук, 1977. – 160 с.
- Сумьябаатар, Б. XIII-XIV зууны монгол солонгос харилцааны бичгүүд [Монгольско-корейские отношения в XIII-XIV]. Кн. 1. – Улаанбаатар, 1978. – 208 с.
- Возникновение корейской письменности // Лингвистическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : <https://linguapedia.info/languages/korean.html> (дата обращения 02.05.2019).
- Ким, Г. Н. Хангыль – прекрасный корейский алфавит [Электронный ресурс] / Г. Н. Ким. – URL : <http://www.crown6.org/publ/90-1-0-7649> (дата обращения 02.05.2019).
- Корейская письменность [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.penhhistory.ru/koreyskiy2.htm> (дата обращения 22.05.2019).
- Хангыль // Википедия [Электронный ресурс]. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/хангыль> (дата обращения 22.05.2019).
- Ханча // Википедия [Электронный ресурс]. – URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/ханча> (дата обращения 22.05.2019).
- Courant, M. Introduction to the «Bibliographic Coreenne» [Text] / M. Courant // Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. XXV. – Seoul, 1936. – P. 1–99.
- Ledyard, G. K. The Korean Language Reform of 1446 [Text] / G. K. Ledyard. – Seoul : Shingumunhwasa, 1998. – 483 p.

References

- Bobrovnikov, A. A. (1870). *Pamyatniki mongol'skogo kvadratnogo pis'ma* [Monuments of Mongolian square writing]. St Petersburg : Imperatorskaya Akademiya Nauk Publishing House.
- Burykin, A. A. (2001). Koreyskoe pis'mo kak ob"ekt obshchey teorii pis'ma [Korean writing as the volume of the general theory of writing]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 11, 474–481.
- Burykin, A. A. (2003). Koreyskoe pis'mo v ryadu alfavitnykh sistem pis'ma: k probleme obshchego i osobennogo [Korean writing in a series of alphabetic writing systems: To the problem of the general and the special]. *Vestnik Tsentra koreyskogo yazyka i kul'tury* [Vestnik of the Center of the Korean language and the culture], 5–6, 30–45.

- Vernadskiy, G. V. (1997). *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Tver – Moscow : LEAN Press.
- Kara, D. (1972). *Knigi mongol'skikh kochevnikov (sem' vekov mongol'skoy pis'mennosti)* [Books of Mongolian nomads (7 centuries of Mongolian writing)]. Moscow : Nauka GRVL Press.
- Kontsevich, L. R. (2013). *Mir «KHunmin chon"yima»* [The world of “Hunminjeongeum”]. Vol. 10. Moscow : Vostochnaya Literatura Publishers.
- Kontsevich, L. R. (2010). *Khronologiya stran Vostochnoy i Tsentral'noy Azii* [Chronology of Far Eastern and Central Asian countries]. Moscow : Vostochnaya Literatura Publishers.
- Kontsevich, L. R. (2011). *Khronologiya stran Vostochnoy i Tsentral'noy Azii* [Chronology of Far Eastern and Central Asian countries]: Addenda. Moscow : Vostochnaya Literatura Publishers.
- Kurbanov, S. O. (2009). *K93 Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [The history of Korea: From antiquity to the beginning of the 21st century]. St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Poppe, N. N. (1941). *Kvadratnaya pis'mennost'* [Square writing]. Moscow; Leningrad : Akademiya Nauk SSSR Press.
- Sanzheev, G. D. (1977). *Lingvisticheskoe vvedenie v izuchenie istorii pis'mennosti mongol'skikh narodov* [Linguistic introduction to the study of the Mongolian peoples writing system]. Ulan-Ude : Institute of Social Sciences og Buryatia.
- Sum"yabaatar, B. (1978). *XIII–XIV zuuny mongol solongos khariltsaany bichgyyd* [Mongolian-Korean relationship in XIII–XIV centuries]. Book 1. Ulaanbaatar.
- Vozniknovenie koreyskoy pis'mennosti [Emerging of writing system in Korea] (2009). *Lingvisticheskaya entsiklopediya* [Linguistic Encyclopedia]. Retrieved May 2, 2019 from <<https://linguapedia.info/languages/korean.html>>.
- Kim, G. N. (2014). *Khangyl' – prekrasnyy koreyskiy alfavit* [The beautiful Korean alphabet]. Retrieved May 2, 2019 from <<http://www.crown6.org/publ/90-1-0-7649>>.
- Koreyskaya pis'mennost' [Korean writing system] (2012). Retrieved May 22, 2019 from <<http://www.penhistory.ru/koreyskiy2.htm>>.
- Khangyl' (2019). *Wikipedia*. Retrieved May 22, 2019 from <<https://ru.wikipedia.org/wiki/хангыль>>.
- Khancha (2019). *Wikipedia*. Retrieved May 22, 2019 from <<https://ru.wikipedia.org/wiki/ханча>>.
- Courant, M. (1936). Introduction to the «Bibliographic Coreenne». *Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society* (Vol. XXV, pp. 1–99). Seoul.
- Ledyard, G. K. (1998). *The Korean Language Reform of 1446*. Seoul : Shingumunhwasa, 1998.

УДК 81'33

UDC 81'33

**Сидняев Николай Иванович, Бутенко Юлия Ивановна,
Гаража Владислав Владленович**
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
г. Москва, Российская Федерация
Nikolai I. Sidnyaev, Juliia I. Butenko, Vladislav V. Garazha
Bauman Moscow State Technical University (BMSTU)
Moscow, Russian Federation
iuliabutenko2015@yandex.ru, sidn_ni@mail.ru, vgaradzha@gmail.com

**СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА АССОЦИАТИВНОЙ СИЛЫ
НЕОСМЫСЛЕННЫХ БУКВОСОЧЕТАНИЙ**
**STATISTICAL ASSESSMENT OF MEANINGLESS LETTER STRINGS
ASSOCIATIVE POWER**

Аннотация

В статье предложена методика составления статистики самых часто встречающихся триграмм в текстах различной длины, сравнение нескольких небольших отрывков с общей статистикой. На основе полученных данных предложена минимальная адекватная выборка. Предложена методика проверки выдвигаемых гипотез по проверке законов распределения с использованием различных критериев. Представлена статистическая обработка результатов количественного анализа триграмм. Проведён расчёт метрологических параметров оценки неизвестных параметров распределения триграмм. В количественном анализе проведено не бесконечно большое число определений, а несколько независимых определений, то есть имеющие выборку (выборочную совокупность) объёмом 5–6 вариантов. Описаны условия выбора лингвистических моделей, а так же виды лингво-математических моделей: идеальные и воспроизводящие. Приведены методологические функции прикладной лингвистики. Рассмотрены специальные разделы математики, используемые в лингвистической теории и практике. Проведена статистическая проверка на предмет, может ли выборка быть извлечена из логнормальной генеральной совокупности – сложная непараметрическая гипотеза. Проверка проведена с помощью критерия Колмогорова.

Abstract

The article proposes a method of compiling statistics of the most common trigrams in texts of different lengths, comparing several small passages with general statistics, and on the basis of the obtained data, a minimum adequate sample is proposed. The method for verification of hypotheses is proposed to test the distribution laws by using different criteria. The statistical processing of the results of the quantitative analysis of trigrams is presented. Calculation of metrological parameters for estimation of unknown parameters of the trigram distribution is performed. In the quantitative analysis, not an infinitely large number of definitions but several independent definitions is made, that is, having a sample (total sample) of 5–6 options. The conditions for the choice of linguistic models, as well as the following types of linguistic-mathematical models are described: ideal and reproducing. The methodological functions of applied linguistics are reviewed. The special sections of mathematics used in linguistic theory and practice are reviewed. The possibility of extracting the sample from the log-normal general population is statistically tested as a complex non-parametric hypothesis. The test was carried out using Kolmogorov's criterion.

Ключевые слова: инженерная лингвистика, математика, лингво-математическая модель, языкознание, теория вероятностей, статистика.

Keywords: engineering linguistics, mathematics, linguistic-mathematical model, linguistics, probability theory, statistics.

1. Введение

Под ассоциативной силой (далее – АС) неосмысленного буквосочетания принято понимать степень трудности, с которой человек преобразует данный стимул в привычные для него единицы языкового кода – слова и словосочетания. Например, носители русского языка обычно легко связывают неосмысленное буквосочетание *ЗВО* со словом *звон*, а сочетание *ТБЛ* – со словами *таблица* или *Тбилиси*, однако преобразование сочетаний типа *ГУВ* или *ОУА* в слова русского языка неизменно вызывает у них затруднения. В этом смысле мы будем говорить, что буквосочетания *ЗВО* и *ТБЛ* обладают большей ассоциативной силой, чем сочетания *ГУВ* и *ОУА*. Дальнейший интерес к изучению ассоциативной силы вербальных стимулов был связан с тем, что, как было обнаружено, эта характеристика прогнозирует ряд важных аспектов речевого поведения человека [Лесохин, 1982, с. 22], в том числе результаты запоминания в опытах по парно-ассоциативному обучению, пороги зрительного распознавания неосмысленных буквосочетаний и т. п. [Иванов, 2004, с. 25].

Так, например, если составить из букв порядка 2300 легко произносимых неосмысленных буквосочетаний и из них выбрать по запоминанию наиболее подходящие по требованию эксперимента, то, оказывается, испытуемые запоминают некоторые стимулы быстрее чем другие. В связи с этим можно сделать вывод о возможности существования ещё одной характеристики неосмысленных буквосочетаний, способной влиять на их запоминаемость. Эту характеристику, как правило, называют значением неосмысленного буквосочетания. Здесь предполагается, что буквосочетание обладает тем бóльшим значением, чем оно легче ассоциируется с привычными словами. Именно это свойство в дальнейшем было названо ассоциативной силой неосмысленных буквосочетаний.

В процессе эксперимента обнаружено, что ассоциативная сила вербальных стимулов (в данном случае – неосмысленных буквосочетаний) является важной характеристикой вербального материала, необходимой для исследования не только процессов запоминания, но и некоторых других существенных аспектов речевого поведения [Люгер, 2003, с. 48]. Именно этим объясняется стремление исследователей получить надёжные количественные оценки данного параметра [Пиотровский, 2008, с. 51]. Со времени первых попыток измерения АС неосмысленных слогов появились работы, в которых исследовались разные аспекты этого вопроса, предлагались более совершенные методы проведения ассоциативного эксперимента, публиковались таблицы неосмысленных буквосочетаний с соответствующими количественными оценками АС. Если составить всевозможные трехбуквенные комбинации типа «согласный – гласный – согласный» (СГС) так, что первая и последняя согласные должны были быть разными ($C_iГC_j$; $i \neq j$), а затем исключить все комбинации, являющиеся словами, то можно получить окончательный список из 2019 неосмысленных слогов-триграмм типа СГС. Полученные триграммы удобно представить в виде последовательных серий в тахистоскопе, по 252 триграммы в каждой. Максимальное время экспозиции отдельного стимула составляло 3 сек., но, если испытуемые давали ассоциацию за более короткое время, экспериментатор сразу показывал следующий стимул [Волошин, 2004, с. 115 ; Селиванова, 2010, с. 86].

2. Анализ экспериментальных данных ассоциативной силы неосмысленных буквосочетаний

Рассмотрим следующий эксперимент. Триграммы были предъявлены 34 испытуемым в виде буклетов по 100 страниц, где на каждой странице была записана только одна триграмма. Порядок стимулов в каждом буклете был различным. Максимальное

время работы с одним стимулом равнялось 30 сек. Испытуемые сообщили, что эксперимент проводится с целью выяснения того, какие ассоциации возникают в ответ на предъявление серии триграмм. Прочитав стимул, испытуемые должны были записывать вокруг него на данной странице все слова, которые приходят им в голову. Инструкция побуждала испытуемых написать как можно больше разных слов за 30-секундный период, в конце которого испытуемые получали сигнал перейти к следующему стимулу. При обработке результатов были подсчитаны следующие показатели:

1. Среднее число ассоциаций f , порождённых за фиксированный промежуток времени (в данном случае – за 30 сек). Это число подсчитывалось по формуле [Кандрашина, 1989, с. 22 ; Сидняев, 2014, с. 34]:

$$f = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_{S_i},$$

где S_i – предъявленный стимул; R_{S_i} – число ответов, данных i -м, испытуемым на стимул S_i ; N – число испытуемых.

2. Оценка свойства данного стимула порождать одни и те же ассоциации у разных испытуемых, которая определялась следующим образом. Для каждой триграммы был сделан частотный словарь порождённых слов-ассоциаций. Была подсчитана доля испытуемых, давших самую частую ассоциацию. Трансформация этой величины представляет собой оценку вероятности p . В работах приводится соответствующая таблица значений f и p [Ильин, 1985, с. 36 ; Кутюра, 2010, с. 15].

При разработке модели возникает ряд вариантов решения одной и той же задачи. Если разрабатываемая система отличается большой сложностью, проверить, к чему приведёт выбор того или иного варианта, очень трудно, а иногда и практически невозможно до тех пор, пока система не будет полностью реализована. В этом случае «дешевле» обратиться к исследованию живого прототипа и попытаться выяснить, какой из вариантов лучше согласуется с полученными экспериментальными фактами [Физиология речи..., 1976, с. 4].

Обсуждая полученные результаты, можно выдвинуть следующие две гипотезы.

1. Триграммы, которые порождают больше ассоциаций, будут легче связываться между собой в парно-ассоциативном эксперименте, чем триграммы, которые порождают меньше ассоциаций.

2. Испытуемые, которые дают много ассоциаций на неосмысленные буквосочетания, будут быстрее заучивать новые неосмысленные буквосочетания, чем те испытуемые, которые дают мало ассоциаций.

Для получения более надёжных оценок АС для всех возможных комбинаций типа СГС из букв латинского алфавита (включая и те, которые являются осмысленными английскими словами), проведён эксперимент следующим образом.

2480 триграмм типа СГС разбивались на 9 групп и затем записывались на диктофон, которые предъявлялись так, чтобы каждые две секунды появлялся новый стимул. Результатом является перестроенная таблица, в которой триграммы располагались в том порядке, в котором они объединялись в кластеры. Алгоритм кластеризации включает вычисление и построение исходной матрицы 9×9 [Миронова, 2015, с. 155–157].

Опыт проводился в три сеанса. После проведения второго сеанса испытуемым предлагался тест для проверки словарного запаса: требовалось записать все слова, начинающиеся с буквы S (за исключением имён собственных), которые придут испытуемым в голову в течение 5 минут.

Для окончательного анализа результатов были рассмотрены ответы 216 испытуемых. Коэффициент корреляции между числом слов, порождённых испытуемыми в

тесте по проверке словарного запаса, и числом ответов «да» в ассоциативном эксперименте, свидетельствует о наличии корреляции при уровне значимости $\alpha = 0,05$ (95%): ($p = 0,142$; $N = 312$). Однако при подсчёте того же коэффициента в отдельности для мужчин и женщин оказалось, что он не достигает 95% уровня значимости. Таким образом, можно сделать заключение о том, что связь оценок АС и словарного запаса является весьма слабой.

Эксперимент был спланирован и проведён следующим образом. Триграммы набора были произвольно разделены на 28 списков по 75 триграмм, предъявляемых испытуемыми в такой форме, чтобы результаты можно было обработать на ЭВМ.

В эксперименте участвовало 261 испытуемых (158 мужчин и 103 женщины), которые были разбиты на 6 групп. Стимулы предъявлялись в течение трёх сеансов с интервалом в неделю [Фрумкина, 1971, с. 17]. Эксперимент проводится с целью узнать, сколько слов-ассоциаций могли бы служить в качестве ответов на некоторые буквосочетания. Испытуемым давались списки трёхбуквенных сочетаний (триграмм), которые должны были оценить каждую триграмму в зависимости от того, с каким числом слов или предметов она связывается. Всего имелось пять возможных оценок: 1) плохо; 2) неудовлетворительно; 3) удовлетворительно; 4) хорошо; 5) отлично.

Требовалось оценить предъявленные триграммы с помощью шкалы, проставляя у каждой триграммы галочку в соответствующей графе. Поясним это примером. Возьмём триграмму *TEX*. Сначала надо произнести её по буквам (*t-e-x*), потом прочесть её как слог (*tex*). Триграмма *TEX* связывается с большим числом слов и словосочетаний, поэтому *TEX* получит самую высокую оценку, т. е. необходимо поставить триграмме *TEX* галочку в в соответствующей графе «отлично».

На основе анализа ответов 200 испытуемых получено три вида оценок АС триграмм.

Оценка a . Испытуемый должен был помещать в первую категорию шкалы («плохо») только те триграммы, которые не вызывают у него никаких ассоциаций. Если 100 испытуемых из 200 поместили бы данную триграмму в первую категорию, это означало бы, что половина испытуемых не нашла для них ассоциаций. Предлагается здесь оценивать АС триграмм по формуле: $a = (N - f_1) / N$, где N – число испытуемых (в данном случае 200); f_1 – число испытуемых, поместивших данный стимул в категорию 1.

Величина a , подсчитываемая по данной формуле сопоставима, с величиной m . В приведённом примере $a = 0,5$; $m = 50\%$. Таким образом, в общем случае $m = a \cdot 100\%$. Проведённое сопоставление полученных оценок a с оценками тех же триграмм [Белянин, 2005, с. 30], приводит к коэффициенту корреляции $r = 0,88$.

II. Субъективные представления о числе ассоциаций на данный стимул a' – надёжность оценок a .

Среднее число ассоциаций, которые, по мнению испытуемых, могут порождаться стимулом i , подсчитывается на основе распределения оценок стимула i по пятиразрядной шкале с помощью формулы

$$a' = \frac{f_1(1) + f_2(2) + f_3(3) + f_4(4) + f_5(5)}{N},$$

где 1, 2, ..., 5 – значения категорий шкалы; f_1, f_2, \dots, f_5 – число испытуемых, поместивших стимул i соответственно в 1, 2, ..., 5 категории шкалы.

Например, пусть 50 испытуемых, положили триграмму *ROV* в категорию 1, а 10, 70, 20 и 50 испытуемых – соответственно во вторую, третью, четвёртую и пятую категории. Тогда для триграммы *ROV* будем иметь:

$$a'_{ROV} = \frac{1 \times 50 + 2 \times 10 + 3 \times 70 + 4 \times 20 + 5 \times 50}{50 + 10 + 70 + 20 + 50} = \frac{610}{200} = 3,05$$

Необходимо отметить, что формула имеет ряд преимуществ по сравнению с предыдущей, потому что формула даёт возможность использовать все данные пятиразрядной шкалы, а в случае применения первой формулы часть информации теряется из-за объединения разрядов 2, 3, 4, 5 – в один. Это означает, что оценки a' являются более чувствительными и точными, чем оценки a . Надёжность оценок a определялась с помощью известной методики [Ковшиков, 2007, с. 18; Гридина, 2012, с. 32]. 200 испытуемых были произвольно разделены на две равные группы. Коэффициент корреляции результатов опыта между двумя группами оказался весьма высок, что свидетельствует о достаточной степени надёжности оценок a' .

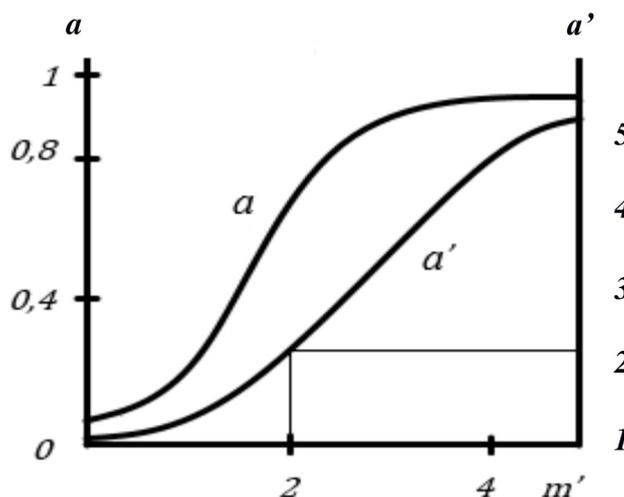
Имея в виду оценки a' , предложено подсчитывать дисперсию оценок АС триграммы i по формуле [Потапова, 1986, с. 37]:

$$\sigma^2 = \frac{f_1(1)^2 + f_2(2)^2 + f_3(3)^2 + f_4(4)^2 + f_5(5)^2}{N} - a'^2,$$

где 1, 2, ..., 5 – категории шкалы; f_1, f_2, \dots, f_5 – число испытуемых, поместивших стимул i соответственно в категории 1, 2, ..., 5; a' – оценка АС, полученная по формуле.

Рассмотрим зависимость между σ^2 и a' . Очевидно, что $\sigma^2_i = 0$ для всех случаев, когда все оценки стимула i находятся в одной и той же категории шкалы. Если оценки стимула i распределены равномерно по всем категориям шкалы (равномерное распределение), то $a_i = 3$ и $\sigma_i^2 = 2$.

Максимальное значение $\sigma^2 = 4$ соответствует случаю бимодального распределения, когда половина испытуемых помещает оценки стимула i в категорию 1, другая половина испытуемых – в категорию 5.

Р и с у н о к 1. Зависимость надёжность оценки a' от вероятности

Проведём анализ распределения σ^2 для произвольно выбранной группы стимулов объёмом в 120 триграмм от a' этих триграмм (см. рис. 1). Отметим, что σ^2 изменяется в зависимости от a' по простому параболическому закону, т. е. a возрастает от 0 около категории 1 (левого конца шкалы) до нестабильного максимума около категории 3 (середины шкалы) и снова убывает до 0 около категории 5 (правого конца шкалы). Это соответствует обычной картине разброса оценок, наблюдаемой в

психометрических экспериментах [Потапова, 1986, с. 109]. Оценки АС триграмм на интервальной шкале – m' , a' представляет собой числа на порядковой шкале. Как известно, порядковая шкала накладывает определённые ограничения на операции, производимые с числами. Более удобными для расчётов и анализа являются численные оценки на интервальных шкалах. В данном случае, удобно нормализовать оценки a' , трансформируя их в числа на интервальной шкале. С этой целью произвольно отбирались 21 триграмма и для них были получены АС в единицах интервальной шкалы, с использованием формулы:

$$m' = l + k \frac{N/2 - N_1}{N_2},$$

где N – число испытуемых, участвующих в опыте; l – нижняя граница категории, содержащей медиану; N_1 – число испытуемых, поместивших данный стимул ниже l ; N_2 – число испытуемых, поместивших стимул в ту категорию, которая содержит медиану; k – ширина категории, содержащей медиану. Средняя ширина интервалов категорий 2, 3, 4, выраженных в единицах, следующая: категория 2–0,84; 3–0,61; 4–0,63.

Поскольку вычисление m' всех триграмм является очень трудоёмкой работой, то, пользуясь оценками a , a' и m' для 21 случайно отобранной триграммы, построим номограмму для трансформации a и a' в m' всех 2100 триграмм типа СГС (см. рис. 1).

Посредством этой номограммы можно подсчитать m' любой триграммы при условии, что a или a' этой триграммы заранее известны. Например, пусть a' триграммы *BOF* будет 2,0 (по таблице значений a'). От точки 2,0 шкалы a' мы восстанавливаем перпендикуляр до пересечения с кривой a' (см. рис. 1), потом от точки пересечения с кривой a' опускаем перпендикуляр к шкале m' . Точка пересечения с $m'=2$ при $a'=1$ представляет значение a триграммы *BOF*.

Проведённый анализ показывает, что оценки a , a' и m' обладают большой устойчивостью и надёжностью. Сопоставление результатов ассоциативного эксперимента, проведённого по методу порождения и оценок a' , приводит к постановке новой задачи.

Инструкция сформулирована так, что каждый испытуемый отвечает на вопрос о том, как много разных слов-ассоциаций порождает у него данная триграмма. Если стимул порождает много разных слов-ассоциаций, то по методу шкалирования он должен быть помещён в один из последних разрядов шкалы (4 или 5). Если стимул порождает мало разных слов-ассоциаций, то он должен быть помещён в первые разряды шкалы – 2 или 3.

Состав ответов с качественной стороны просто не рассматривается. При попытке подойти к ответам испытуемых не с точки зрения наличия – отсутствия ответа на данную триграмму, а с точки зрения количества разных ассоциативных ответов обнаруживается, что одна триграмма обладает свойством порождать у всех испытуемых одно и то же слово-ассоциацию, а другая триграмма у разных испытуемых порождает разные ассоциации. Например, в качестве ответа на триграмму *ЗВО* абсолютное большинство испытуемых дают одно и то же слово – звон, а на триграмму *НАВ* – даётся большее число разных слов. АС обеих триграмм (m'), будет примерно одной и той же, поскольку в протоколах не будет прочерков; практически все испытуемые дадут какой-либо ответ. Очевидно, однако, что оценки АС обеих триграмм, полученные методом шкалирования, должны существенно расходиться. Более того, триграмма *ЗВО* должна получить очень низкую оценку m' (или a') – ведь она порождает у индивидов мало разных слов, а триграмма *НАВ* – очень высокую оценку, поскольку она порождает у индивидов много разных слов. Возникает вопрос о том, в какой мере сопоставимы

оценки типа (1) m' и оценки типа (2) m' – точнее говоря, характеризуют ли эти оценки один и тот же аспект механизма порождения ассоциаций или разные аспекты.

В результате эксперимента для каждой триграммы получено четыре типа оценок АС:

F_1 – частота доминантной ассоциации;

F_2 – число слов-ответов, встречающихся по одному разу;

N – число разных слов-ответов;

H – теоретико-информационная мера неопределённости ответов, подсчитанная по формуле

$$H = \log_2 n - \frac{1}{n} \sum n_i \log_2 n_i ,$$

где n – число всех испытуемых; n_i – число испытуемых, давших в качестве ответа на данный стимул i -ю ассоциацию.

В таблице 1 представлены значения m' (типа 1) и N (типа 2) для каждой из четырёх групп стимулов (значения N в группах осреднены по 10 триграммам).

Т а б л и ц а 1. Результаты наблюдений триграмм

Группа	$m'(mun 1)$	$N, (mun 2)$	Группа	$m'(mun 1)$	$N(mun 2)$
I	3,70	31,10	III	2,10	41,10
II	2,85	31,80	IV	1,35	50,90

Здесь триграммы первой группы порождают много ассоциаций, а триграммы четвёртой группы порождают мало ассоциаций (ср. m' для групп I и 4 в табл. 1). Однако это находится в полном противоречии с результатами, полученными методом порождения. Из таблицы 1 видно, что на триграммы первой, группы в опыте типа 2 порождалось в среднем меньше разных слов ($N = 31,10$), чем на триграммы четвёртой группы ($N = 50,90$). Подсчитывая коэффициент корреляции между m' и N , обнаружена существенная отрицательная корреляция между ними ($r = -0,71$, $p < 0,001$; $v = 38$). Это означает, что чем меньше разных слов-ассоциаций порождает данная триграмма, тем больше будет её m' .

3. Методы получения количественных оценок АС триграмм

Сущность метода порождения заключается в следующем. От испытуемых требуется в ответ на предъявленную триграмму написать одно или несколько слов-ассоциаций, вызываемых в его сознании данной триграммой. Этот метод применяется в двух вариантах.

1. От испытуемых требуется записать только одно слово-ассоциацию, а именно, то, которое первым придёт им в голову. АС триграмм в этом случае вычисляется по формуле

$$m_i = \frac{N_1}{N} ,$$

где N – число испытуемых, участвовавших в опыте; N_1 – число испытуемых, давших ассоциацию на стимул i .

2. От испытуемых требуется записать все слова-ассоциации, которые порождаются у них данным стимулом за определённое время (30 сек, 60 сек и т. п.). При этом варианте метода порождения АС подсчитывается по формуле $a_i = S / N$, где S – общее число ответов, приписанных стимулу всеми испытуемыми. Данный вариант применялся в опыте Мандлера [Фрумкина, 1955, с. 155].

Метод шкалирования для получения АС триграмм применялся, например, Ноблом. Сущность этого метода заключается в том, что испытуемые оценивают с помощью шкалы, много ли ассоциации порождает у них данная триграмма. Так, если им представляется, что триграмма вообще не порождает никаких ассоциаций, они помещают её в категорию шкалы № 1, имеющей наименование «никаких ассоциаций»; если ассоциаций порождается много, то триграмма может быть помещена в категорию № 5 («очень много») или в категорию № 4 («довольно много»), и т. д. АС триграммы в этом случае может быть подсчитана по формуле

$$a_i = \frac{1(f_1) + 2(f_2) + 3(f_3) + 4(f_4) + 5(f_5)}{N},$$

где 1, 2, 3, 4 и 5 – номера категорий шкалы; f_1, f_2, \dots, f_5 – число испытуемых, поместивших стимул соответственно в 1, 2, ..., 5 категории шкалы.

Характерной особенностью методов многомерного шкалирования является то, что они базируются на введении так называемой функции несоответствия (критерия расхождения), с помощью которой производится оценка того, насколько хорошо полученное представление сохраняет информацию, имеющуюся в исходных данных. Так как в данном случае отношениями эмпирической системы являются некоторые соотношения между оценками сходства пар, то функция несоответствия должна оценивать степень сохранения этих соотношений между расстояниями в соответствующей числовой системе [Клигер, 1978, с. 81].

В качестве стимулов для данного эксперимента было использовано 200 русских неосмысленных триграмм, для которых были ранее получены сведения о частоте их встречаемости в текстах ($F_{об}$). Субъективные оценки их частоты ($F_{суб}$) и оценки их произносительной трудности (Pr). Последние две характеристики триграмм были получены в результате проведения психометрических экспериментов.

4. Условия проведения эксперимента

В нашем наборе были представлены все основные типы трёхбуквенных сочетаний гласных и согласных графем русского языка: СГС (40 триграмм); ГСГ (27); ССГ (50); ГСС (63) и ССС (19). Кроме того, в набор включена одна триграмма типа ГГГ ($ОУА$), служившая «якорным» стимулом в эксперименте по получению $F_{суб}$ триграмм.

Эксперимент проводился в два этапа. Весь набор был произвольно разделен на списки А и Б, включавшие соответственно 117 и 83 триграммы. Эксперимент по порождению ассоциаций на триграммы списка А проводился одновременно в двух группах испытуемых (38 и 32 человек); список Б был предъявлен другим группам испытуемых (30 и 20 человек); кроме того, этот список предъявлялся 30 испытуемых индивидуально. Методика проведения группового опыта во всех случаях была идентичной.

Эксперимент проводился в двух группах старшеклассников. 117 триграмм набора были предварительно случайным образом разбиты на 3 списка по 39 триграмм в каждом (списки № 1, 2 и 3). После объяснения инструкции (в каждой группе на это потребовалось около 7 мин.) учащимся было роздано по 6 бланков, перенумерованных от 1 до 6. На каждом бланке стояли цифры от 1 до 39. Затем испытуемые приступали к работе. По окончании первого списка (соответственно бланка № 1) давалась команда переходить ко второму бланку (давался следующий список из 39 триграмм). Первый бланк при этом отбирался. Между списками делалась минутная пауза. Порядок следования стимулов в списке был фиксированным; порядок же следования списков в группах варьировал: 1–2–3–2–1–3 для одной группы испытуемых и 3–1–2–1–2 для

другой группы испытуемых. Таким образом, весь набор предъявлялся испытуемым дважды. Испытуемые не были предупреждены, что списки из 39 триграмм будут повторяться. Однако им говорили, что могут повторяться отдельные триграммы. Продолжительность опыта (включая объяснение инструкции) составила 40–48 мин. Таким образом, в среднем на работу с каждой триграммой (включая её предъявление экспериментатором и запись испытуемым ответа) отводилось 8–10 сек. В результате опыта для каждой триграммы списка А было получено по 140 ответов (прочерк, т. е. отсутствие ассоциации на триграмму, также считался ответом).

Аналогичным образом проводился эксперимент с триграммами списка Б. В групповых опытах было получено (60+40) 100 ответов на каждую триграмму. В индивидуальных опытах от испытуемых требовалось записать по одной ассоциации на данную триграмму. Таким образом, всего на каждую триграмму списка Б получено по 130 ответов.

5. Результаты и обсуждение

Анализ данных, полученных нами в различных опытах, показал, что результаты не зависят от того, в какой группе испытуемых проводился опыт, а также был ли опыт групповым или индивидуальным. Об устойчивости результатов ассоциативных экспериментов такого рода свидетельствуют и многочисленные литературные данные [Горелов, 2001, с. 10]. Это позволяет объединить все полученные данные.

Количественный анализ. По результатам опытов для каждой триграммы набора были выписаны все полученные ответы и подсчитано число прочерков, т. е. число, показывающее, сколько раз на данную триграмму не было порождено ни одного слова-ассоциации. Затем по этим результатам по формуле (1) для каждой триграммы была подсчитана величина m – показатель ассоциативной силы данной триграммы. Полученные значения m для 200 триграмм набора приведены в таблице 2. Триграммы в таблице расположены в порядке убывания m . Таблица 2 может быть использована в качестве источника сведений об АС обследованной группы русских триграмм.

Качественный анализ. Представляло интерес прежде всего рассмотреть вопрос о разнообразии слов-ответов, выдаваемых на триграммы-стимулы. С этой целью необходимо было решить, какие ответы будут считаться разными, а какие – одинаковыми. В рамках данной задачи считали целесообразным рассматривать как «одинаковые» ответы, являющиеся однокоренными словами или грамматическими формами одного слова (ср. *звон* – *звонить* – *звонок* – *звонка*). Все слова такого рода объединяли в одно «гнездо». «Гнездо» могло содержать одно или несколько слов. Выбранные нами 4 триграммы имеют примерно одинаковое m – 95,4–95,7%, однако степень разнообразия ответов на эти триграммы весьма различна; если на триграмму *НИВ* 108 чел. из 140 дали слово *нива*, то, например, наиболее частый ответ на триграмму *СУН* соответствует показаниям всего 19 испытуемых (из 130). Каким же образом можно было бы численно выразить эту разницу в степени разнообразия ответов? С этой целью воспользовались теоретико-информационным подходом [Мурзин, 1991, с. 17]. Совокупность всех ответов на данную триграмму T рассматривается, как опыт с k возможными исходами, где k – число реально полученных слов-ответов (прочерки не учитываются). В качестве численной оценки разнообразия исходов такого опыта естественно использовать его энтропию H . Согласно формуле:

$$H_T = - \sum_{i=1}^n p_i \log_2 p_i ,$$

где n – число различных слов-ответов, полученных на триграмму T ; p_i – доля слов-ответов данного типа среди всех полученных слов-ответов.

Однако непосредственно сравнить значения величины H_T для различных триграмм нельзя, так как число слов-ответов k для каждого T различно.

Т а б л и ц а 2. Результаты наблюдения различных триграмм

Стимулы		нив	олн	нав	сун
Хар-ка	m	95,7	95,7	95,7	95,4
	H	0,185	0,398	0,581	0,696
	I	1,954	0	1,950	1,755
Распределение ответов		1. нива 108 2. вино 11 3. ленивый 2 4. нева 2 5. винт 1 6. Иван 1 15. ни в чем 1	1. солнце 45 2. волна 35 3. полный 19 4. олень 14 5. волновался 3 6. подсолнух 2 7. салон 1 8. луна 1 и т. д.	1. навык 34 2. навстречу 16 3. наводнение 12 4. наврать 8 5. наводить 6 6. ванна 5 7. Ваня 5 8. наверное 5 9. навар 4 10. навзничь 4 11. навеки 3 12. навигация 3 13. автобус 3 14. нарва 3 15. канава 2 16. навалиться 2 17. навывлет 2 18. новатор 2 19. на вечере 1 и т. д.	1. сундук 19 2. сунуть 13 3. сукно 8 4. суп 7 5. сын 7 6. сук 5 7. сон 5 8. Сун-Ят-Сен 5 9. уснуть 4 10. суслик 4 11. судно 4 12. сумка 3 13. сухой 2 14. сосунок 2 15. сумерки 2 16. сустав 1 17. султан 1 и т. д.

Для сравнения энтропий над величиной H_T проводятся некоторые преобразования, а именно; предлагается вычислять приведённую энтропию

$$H' = \frac{H_T}{\log_2 k}$$

Как видно из табл. 2, H' триграммы НИВ составляет 0,185. H' триграмм ОЛН, НАВ и СУН приводятся во второй строке таблицы 3. Как и следовало ожидать, численная оценка степени разнообразия ответов у данных триграмм весьма различна. Указанная процедура была применена ко всем триграммам набора, в результате чего каждая из 200 триграмм получила оценку H' .

Т а б л и ц а 3. Статистические результаты обработки триграмм

Абсолютная частота слова-ответа в эксперименте (f_i)	Число слов с данной абсолютной частотой (n_{f_i})	$f_i \cdot n_{f_i}$	Относительная частота, $P_i = \frac{f_i}{k}$	$P_i \cdot \log_2 P_i$	$n_{f_i} \cdot P_i \cdot \log_2 P_i$
1	11	11	0,0075	0,0529	0,5819
2	2	4	0,0149	0,0908	0,1816
11	1	11	0,0821	0,2959	0,2959
108	1	108	0,8060	0,2508	0,2508

Анализ данных таблицы 3 показывает, что множества ответов на триграммы *НИВ*, *ОЛН*, *НАВ* и *СУН* различаются еще в одном качественном отношении: если среди ответов на триграммы *НИВ* и *НАВ* преобладают слова, начинающиеся с данных триграмм (более 80%), то доля таких слов в ответах на триграмму *СУН* значительно меньше (ответы, начинающиеся с *СУН*, составляют всего 30,6% от общего числа ответов). Что же касается триграммы *ОЛН*, то в множество полученных на неё ассоциаций вообще не входит ни одного слова, начинающегося с *ОЛН*. Способность триграмм порождать ассоциации, включающие данные триграммы в качестве начала, тесно коррелирует с АС этих триграмм. В частности, что среди триграмм, имеющих высокие оценки АС, преобладают те, которые порождают преимущественно слова-ассоциации, начинающиеся с этих триграмм [Мурзин, 1991, с. 17]. Вместе с тем, как показывает анализ, имеются триграммы, одинаковые по АС, но различающиеся по способности порождать ассоциации, начинающиеся с них. В силу этого представлялось желательным иметь возможность получить ещё одну численную оценку свойств триграмм – а именно, оценку того, насколько легко порождаются в ответ на данную триграмму слова, содержащие её в качестве начала. В качестве такой оценки была предложена величина I , которая подсчитывается по формуле

$$I = 1 + \frac{\ln l}{\ln k'}$$

где l – число слов-ответов («гнёзд»), начинающихся с данной триграммы; k – общее число слов-ответов («гнёзд»), без учёта прочерков.

Как видно из приведённой формулы, она не определена для случая $l = 0$, т. е. для случая, когда в составе слов-ответов нет ни одной ассоциации, начинающейся с данной триграммы. В этом случае здесь условно принимали $I = 0$. Таким образом, I триграммы *ОЛН* будет равно 0. В случае, когда $l > 0$, величина I изменяется от 1 ($I = 1$ при $l \sim 1$, т. е. в случае, когда имеется всего один ответ, включающий данную триграмму в качестве начала) до 2 ($I = 2$ при $l = k'$, т. е. в случае, когда все слова-ответы начинаются с данной триграммы). I для триграмм *НИВ* и *НАВ* равно соответственно 1,954 и 1,950; I триграммы *СУН* значительно ниже – 1,755. Значение I для всех 200 триграмм набора приводится в таблице 5 (см. также [Опыт..., 1971, с. 180]).

6. Статистический анализ экспериментальных исследований

После предварительного тренировочного сеанса была дана следующая инструкция:

Выяснить, какие слова или словосочетания ассоциируются с неосмысленными слогами или порождаются ими. На каждом листе, есть номера (с 1 до 50). Читается по буквам каждый слог дважды. Например, В – А – К ... В – А – К. После первого чтения слога, записываем его строчными буквами, а после повторного чтения запишем рядом с данным слогом слово или словосочетание, порождаемое в представлении этим слогом.

Для каждого слога будет в распоряжении не более 25 секунд.

Далее проводится проверка, извлечена ли данная выборка из нормальной генеральной совокупности – сложная непараметрическая гипотеза. Проверку провести с помощью χ^2 – критерия Пирсона с количеством интервалов k , равным 4 и 6. Результаты измерений распознавания (время (мс)). Выборка по времени на чтение не более 25 секунд: вариационный ряд (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Вариационный ряд выборки по времени на чтение

10,036	10,195	10,897	11,254	11,576	12,547	12,608	13,700	13,834
13,837	13,962	14,024	14,040	14,095	14,116	14,150	14,175	14,365
14,379	14,441	14,470	14,546	14,841	15,967	16,005	16,185	16,274
16,489	16,799	16,898	17,217	17,566	17,843	17,893	17,928	17,934
18,127	18,201	18,447	18,554	18,593	18,705	19,249	19,374	19,700
21,333	22,250	23,129	23,676					

Обработка результатов наблюдений:

$n = 49$;

Размах выборки: $R_n = x_{max} - x_{min} = 23,676 - 10,036 = 13,64$

Для числа интервалов $k = 4$:

Длина интервала

$$d = \frac{R}{k} = \frac{13,64}{4} = 3,41$$

Интервалы в общем виде:

$$\Delta_1 = (-\infty; x_{min} + d); \Delta_2 = (x_{min} + d; x_{min} + 2d); \Delta_3 = (x_{min} + 2d; x_{min} + 3d); \Delta_4 = (x_{min} + 3d; +\infty)$$

После подстановки:

$$\Delta_1 = (-\infty; 13,446); \Delta_2 = (13,446; 16,856); \Delta_3 = (16,856; 20,266); \Delta_4 = (20,266; +\infty)$$

Количество n_i элементов выборки, попавших в каждый интервал:

$n_1 = 7; n_2 = 22; n_3 = 16; n_4 = 4$

Поскольку $n_4 < 5$ объединяем 3^й и 4^й интервалы, тогда:

$$\Delta_1 = (-\infty; 13,446); \Delta_2 = (13,446; 16,856); \Delta_3 = (16,856; +\infty)$$

$$n'_1 = 7; n'_2 = 22; n'_3 = 20$$

Вероятность попадания в каждый интервал:

$$P_i = \Phi\left(\frac{h_i - \bar{x}}{S}\right) - \Phi\left(\frac{h_{i-1} - \bar{x}}{S}\right)$$

$$h_0 = -\infty; h_1 = 13,446; h_2 = 16,856; h_3 = +\infty$$

найдем среднее выборочное:

$$\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n x_i = \frac{1}{49} \sum_{i=1}^{49} x_i = 16,05$$

найдем СКО:

$$S = \sqrt{\frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} = \sqrt{\frac{1}{48} \sum_{i=1}^{49} (x_i - \bar{x})^2} = 3,14$$

$$P_1 = \Phi\left(\frac{13,446 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{-\infty - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(-0,83) - \Phi(-\infty) = 0,467$$

$$P_2 = \Phi\left(\frac{16,856 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{13,446 - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(0,256) - \Phi(-0,83) = 0,134$$

$$P_3 = \Phi\left(\frac{\infty - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{16,856 - 16,05}{3,14}\right) = 1 - \Phi(0,256) = 0,399$$

Величины $C_i = n p_i$

$$C_1 = 49 \cdot 0,467 = 22,883; C_2 = 49 \cdot 0,134 = 6,566; C_3 = 49 \cdot 0,399 = 19,551$$

Значение статистики:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^3 \frac{(n_i - n_{pi})^2}{n_{pi}} = \frac{(7 - 22,883)^2}{22,883} + \frac{(22 - 6,566)^2}{6,566} + \frac{(20 - 19,551)^2}{19,551} = 11,02 + 36,28 + 0,01 = 47,31$$

Число степеней свободы: $\nu = k - l - 1; k = 3; l = 2 \Rightarrow \nu = 0$

Для распределения χ^2 видим, что для $\nu = 1$ и $\alpha = 0,001$ $\chi_{0,999}^2(1) = 10,83$

Поскольку $\chi^2 > \chi_{0,999}^2(1)$, гипотезу о том, что данная выборка извлечена из нормальной генеральной совокупности нужно отклонить.

б) Для числа интервалов $k = 6$. Длина интервала $d = R/k = 13,64 \div 6 = 2,27$

Интервалы в общем виде:

$$\Delta_1 = (-\infty; x_{\min} + d); \Delta_2 = (x_{\min} + d; x_{\min} + 2d); \Delta_3 = (x_{\min} + 2d; x_{\min} + 3d); \\ \Delta_4 = (x_{\min} + 3d; x_{\min} + 4d); \Delta_5 = (x_{\min} + 4d; x_{\min} + 5d); \Delta_6 = (x_{\min} + 5d; +\infty)$$

После подстановки:

$$\Delta_1 = (-\infty; 12,306); \Delta_2 = (12,306; 14,576); \Delta_3 = (14,576; 16,846) \\ \Delta_4 = (16,846; 19,116); \Delta_5 = (19,116; 21,386); \Delta_6 = (21,386; +\infty)$$

Количество n_i элементов выборки, попавших в каждый интервал:

$$n_1 = 5 \quad n_2 = 17 \quad n_3 = 7 \quad n_4 = 13 \quad n_5 = 4 \quad n_6 = 3$$

Поскольку $n_5 < 5$ и $n_6 < 5$, объединяем 5-й и 6-й интервалы, тогда:

$$\Delta'_1 = (-\infty; 12,306); \Delta'_2 = (12,306; 14,576); \Delta'_3 = (14,576; 16,846); \\ \Delta'_4 = (16,846; 19,116); \Delta'_5 = (19,116; +\infty)$$

$$n_1 = 5 \quad n_2 = 17 \quad n_3 = 7 \quad n_4 = 13 \quad n_5 = 7$$

Вероятность попадания в каждый интервал:

$$P_i = \Phi\left(\frac{h_i - \bar{x}}{S}\right) - \Phi\left(\frac{h_{i-1} - \bar{x}}{S}\right)$$

$$h_0 = -\infty; h_1 = 12,306; h_2 = 14,576; h_3 = 16,846; h_4 = 19,116; h_5 = +\infty$$

$$P_1 = \Phi\left(\frac{12,306 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{-\infty - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(-1,19) - \Phi(-\infty) = 0,116$$

$$P_2 = \Phi\left(\frac{14,576 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{12,306 - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(-0,469) - \Phi(-1,19) = 0,204$$

$$P_3 = \Phi\left(\frac{16,846 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{14,576 - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(0,254) - \Phi(-0,469) = 0,280$$

$$P_4 = \Phi\left(\frac{19,116 - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{16,846 - 16,05}{3,14}\right) = \Phi(0,976) - \Phi(0,254) = 0,235$$

$$P_5 = \Phi\left(\frac{+\infty - 16,05}{3,14}\right) - \Phi\left(\frac{19,116 - 16,05}{3,14}\right) = 1 - \Phi(0,976) = 0,165$$

Величины $C_i = n \cdot p_i$

$$C_1 = 49 \cdot 0,116 = 5,684; C_2 = 49 \cdot 0,204 = 9,996; C_3 = 49 \cdot 0,280 = 13,720;$$

$$C_4 = 49 \cdot 0,235 = 11,515; C_5 = 49 \cdot 0,165 = 8,085$$

Значение статистики:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^5 \frac{(n_i - n_{pi})^2}{n_{pi}} = \frac{(5 - 5,684)^2}{5,684} + \frac{(17 - 9,996)^2}{9,996} + \frac{(7 - 13,72)^2}{13,72} + \frac{(13 - 11,515)^2}{11,515} + \frac{(7 - 8,085)^2}{8,085} = 0,082 + 4,907 + 3,29 + 0,19 + 0,145 = 8,614$$

Число степеней свободы: $\nu = k - l - 1$; $k = 5$; $l = 2 \Rightarrow \nu = 2$

Для распределения χ^2 при уровне значимости $\alpha = 0,01$. $\chi_{0,999}^2(2) = 9,21$

Поскольку $\chi^2 > \chi_{0,999}^2(2)$, гипотезу о том, что данная выборка извлечена из нормальной генеральной совокупности можно принять на уровне значимости $\alpha = 0,01$.

Далее проверим, может ли та же самая выборка быть извлечена из логнормальной генеральной совокупности – сложная непараметрическая гипотеза. Проверку проведём с помощью критерия Колмогорова.

Для применения критерия Колмогорова необходимо произвести расчёт:

$$c_i = \max \left(\left| \frac{i-1}{n} - F_0(x_i) \right|, \left| \frac{i}{n} - F_0(x_i) \right| \right),$$

$$\text{где } F_0(x_i) = \Phi \left(\ln \left(\frac{x_i - \bar{x}}{S} \right) \right)$$

Для расчёта функции Лапласа (F_0) для логнормального распределения используется программа MathCAD и функция $\text{plnorm}(\chi, \mu, \sigma)$. Здесь в качестве μ берётся его оценка $\bar{x} = 16,05$ и вместо σ также берётся его оценка $S = 3,14$, т.е. $\text{plnorm}(\chi; 16,05; 3,14)$. Произведём расчёт c_1 :

$$F_0(x_1) = \Phi \left(\ln \left(\frac{10,036 + 16,05}{3,14} \right) \right) = \Phi(-1,915) = 1 - 0,973 = 0,027$$

$$c_1 = \max \left(\left| \frac{1-1}{49} - 0,027 \right|, \left| \frac{1}{49} - 0,027 \right| \right) = \max(0,027, 6,59^{-3}) = 0,027$$

Расчёт остальных производим аналогично. Результаты расчёта приведены в таблицах 5–6. Из таблицы видно, что $\max c_i = 0,209$, $T = \max c_i \cdot \sqrt{n} = 0,209 \cdot \sqrt{49} = 1,463$.

Для критерия согласия Колмогорова критическое значение $t_{0,01} = 1,63$. Поскольку $T < t_{0,01}$, гипотезу о том, что выборка была извлечена из логнормальной генеральной совокупности следует принять на уровне значимости $\alpha = 0,01$. Далее проверяется факт того, может ли выборка быть извлечена из экспоненциальной совокупности – сложная непараметрическая гипотеза. Проверка проводится с помощью критерия ω^2 . Прежде чем приступить к проверке гипотезы по критерию ω^2 , необходимо рассмотреть функцию

$$f(\chi, \lambda) = 1 - e^{-\lambda \chi}, \chi > 0$$

По методу максимального правдоподобия точечная оценка параметра (табл. 6).

$$\hat{\lambda} = 1/\bar{x}; \hat{\lambda} = 1/16,05 = 0,062$$

Т а б л и ц а 5. Результаты статистических вычислений

i	c_i								
1	0,027	11	0,063	21	0,201	31	0,033	41	0,036
2	0,012	12	0,045	22	0,209	32	0,052	42	0,032
3	0,011	13	0,028	23	0,119	33	0,063	43	0,031
4	0,018	14	0,011	24	0,079	34	0,047	44	0,043
5	0,025	15	0,011	25	0,015	35	0,031	45	0,041
6	0,03	16	0,022	26	0,014	36	0,032	46	0,034
7	0,013	17	0,039	27	0,023	37	0,018	47	0,036
8	0,097	18	0,051	28	0,014	38	0,022	48	0,028
9	0,089	19	0,127	29	0,022	39	0,011	49	0,011
10	0,076	20	0,112	30	0,014	40	0,025	50	

Т а б л и ц а 6. Результаты вычислений по функции Лапласа

i	$F_0(x_i)$								
1	0,4632	11	0,5792	21	0,5923	31	0,6561	41	0,6842
2	0,4685	12	0,5808	22	0,5942	32	0,6635	42	0,6864
3	0,4911	13	0,5812	23	0,6015	33	0,6692	43	0,6968
4	0,5022	14	0,5827	24	0,6284	34	0,6702	44	0,6992
5	0,5121	15	0,5832	25	0,6293	35	0,6709	45	0,7052
6	0,5406	16	0,5841	26	0,6334	36	0,6711	46	0,7336
7	0,5423	17	0,5847	27	0,6354	37	0,675	47	0,7483
8	0,5723	18	0,5896	28	0,6402	38	0,6765	48	0,7616
9	0,5759	19	0,59	29	0,6471	39	0,6814	49	0,7696
10	0,5759	20	0,5915	30	0,6492	40	0,6835	50	

Для $\chi_{(1)} = 10,036$; $F_0(\chi_1) = 0,4632$. Тогда $F_0(\chi_1) - \frac{2 \cdot 1 - 1}{2 \cdot 49} = 0,4632 - 0,0102 = 0,4530$.

Расчёт остальных слагаемых проводится с использованием программы MathCAD $m\omega^2 = 0,1877$ по таблице для экспоненциального закона распределения критическое значение при $\alpha = 0,01$ $\omega = 0,2299$ (см. табл. 6). Поскольку $m\omega^2 < \omega_{0,01}$, то гипотезу о том, что выборка извлечена из экспоненциальной совокупности можно принять на уровне значимости $\alpha = 0,01$.

Очевидно, что в действительности оценки АС не основаны на представлении испытуемых о числе разных слов-ассоциаций, порождаемых данной триграммой-стимулом, хотя инструкция ориентировала испытуемых именно на этот признак. Можно предположить, что в процессе шкалирования испытуемых преобразует признак «триграмма, которая порождает много разных слов», в какой-то иной признак, например, в признак «триграмма, которая легко порождает слово-ассоциацию» или «триграмма, которая быстро порождает слово-ассоциацию». Это предположение нуждается в экспериментальной проверке выдвигаемых гипотез по полученным законам распределения, которая покажет, в какой мере сопоставимы данные об АС, получаемые методом статистической оценки.

7. Заключение

Таким образом, в настоящей работе были предложены характеристики, позволяющие проводить качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента. Интересующий стимул преобразовывался в привычные для него единицы языкового кода – слова и словосочетания. В качестве примера показано, как носители русского языка связывают неосмысленное буквосочетание *ЗВО* со словом *звон*, а сочетание *ТБЛ* – со словами *таблица* или *Тбилиси*, однако выявлено, что преобразование сочетаний типа *ГУВ* или *ОУА* в слова русского языка неизменно вызывает затруднения. В таком случае делается вывод, что буквосочетания *ЗВО* и *ТБЛ* обладают большей ассоциативной силой, чем сочетания *ГУВ* и *ОУА*. Изучение ассоциативной силы вербальных стимулов было вызвано тем, что, было замечено влияние этого значимого параметра на прогнозирование ряда важных аспектов речевого поведения человека, в том числе на результаты запоминания в опытах по парно-ассоциативному обучению, на пороги зрительного распознавания неосмысленных буквосочетаний и т. п.

В статье предложены методика определения ассоциативной силы для группы неосмысленных русских триграмм. Авторы не ставят своей задачей получение более или менее полной таблицы ассоциативной силы русских триграмм. Задача состояла прежде всего в том, чтобы отработать методику проведения эксперимента и проведения статистической обработки по получению, ассоциативной силы неосмысленных буквосочетаний и найти подходящие способы описания закона распределения получаемых результатов. Учитывая относительную новизну подхода, ставилась задача разработать методику обработки результатов ассоциативного эксперимента этого типа и, в частности, ввести некоторые характеристики, позволяющие проводить качественный анализ получаемых результатов.

Для постановки опытов с контролируемыми параметрами наилучшими стимулами являются неосмысленные буквосочетания. Испытуемые запоминают некоторые стимулы значительно быстрее, чем другие. В связи с этим есть возможность существования ещё одной характеристики неосмысленных буквосочетаний, способной влиять на их запоминаемость. Буквосочетание обладает тем большим значением, чем оно легче ассоциируется с привычными словами языка. Именно это свойство позволило назвать ассоциативной силой неосмысленные буквосочетания.

Список литературы

- Белянин, В. П. Психолингвистика [Текст] / В. П. Белянин. – М. : Флинта, 2005. – 226 с.
- Волошин, В. Г. Компьютерная лингвистика [Текст] / В. Г. Волошин. – Сумы : Университетская книга, 2004. – 382 с.
- Горелов, И. Н. Основы психолингвистики [Текст] / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
- Гридина, Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения [Текст] / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Вып. 10. – Екатеринбург, 2012. – С. 18–34.
- Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему [Текст] / В. В. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
- Ильин, В. В. Природа науки: Гносеологический анализ [Текст] / В. В. Ильин, А. Т. Калинин. – М. : Высшая школа, 1985. – 230 с.
- Канрашина, Е. Ю. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах [Текст] / Е. Ю. Канрашина, Л. В. Литвинцева, Д. А. Поспелов. – М. : Наука, 1989. – 328 с.
- Клигер, С. А. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации [Текст] / С. А. Клигер, М. С. Косолапов, Ю. Н. Толстова. – М. : Наука, 1978. – 107 с.

- Ковшиков, В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности [Текст] / В. А. Ковшиков, В. П. Глухов. – М. : АСТ, Астрель, 2007. – 224 с.
- Кутюра, Л. Философские принципы математики [Текст] / Л. Кутюра. – М. : Изд-во «ЛКИ», 2010. – 272 с.
- Миронова, Д. М. Применение кластерного анализа в текстологии. Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. / под ред. А. С. Герда, И. С. Николаева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та. – 2015. – Вып. 11. – С. 155–160.
- Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
- Опыт экспериментального исследования ассоциативной силы неосмысленных русских триграмм [Текст] / А. П. Василевич, Е. Н. Герганов, О. Е. Загустина [и др.] // Вероятностное прогнозирование в речи / отв. ред. Р. М. Фрумкина, – М. : Наука 1971. – 199 с.
- Потапова, Р. К. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках : учеб. пособие [Текст] / Р. К. Потапова, Л. П. Блохина. – М. : МГПИ им. Мориса Тереза, 1986. – 115 с.
- Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход, 3-е изд. : Пер. с англ. [Текст] / С. Рассел, П. Норвиг. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2006. – 1408 с.
- Селиванова, Е. А. Лингвистическая энциклопедия [Текст] / Е. А. Селиванова. – Полтава : Довкиля-К, 2010. – 844 с.
- Сидняев, Н. И. Методологические аспекты преподавания высшей математики в контексте модернизации школьного математического образования [Текст] / Н. И. Сидняев // *AlmaMater* (Вестник высшей школы). – 2014. – № 5. – С. 33–40.
- Фрумкина, Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1971. – 168 с.
- Физиология речи. Восприятие речи человеком [Текст] / Л. А. Чистович, А. В. Венцов, М. П. Гранстрем [и др.]. – Л. : Наука, 1976. – 388 с.

References

- Belyanin, V. P. (2005). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow : Flinta Press.
- Voloshin, V. G. (2004). *Komp'yuternaya lingvistika* [Computer Linguistics]. Sumy : Universitetskaya kniga Press.
- Gorelov, I. N., Sedov, K. F. (2001). *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow : Labirint Press.
- Gridina, T. A. (2012). Metodika zaversheniya vyskazyvaniya: strategii tekstoporozhdeniya [The technique of finishing the utterance: Text production strategy]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of speech activity] (pp. 18–34). Ekaterinburg.
- Ivanov, V. V. (2004). *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Century: Questions to the Future]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Il'in, V. V., Kalinkin, A. T. (1985). *Priroda nauki: Gnoseologicheskii analiz* [The Nature of Science: Epistemological Analysis]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Kandrashina, E. Yu., Litvintseva, L. V., Pospelov, D. A. (1989). *Predstavlenie znaniy o vremeni i prostranstve v intellektual'nykh sistemakh* [Representation of Knowledge about Time and Space in Intelligent Systems]. Moscow : Nauka Press.
- Kliger, S. A., Kosolapov, M. S., Tolstova, Yu. N. (1978). *Shkalirovanie pri sbore i analize sociologicheskoy informatsii* [Scaling method while collecting and analyzing sociological information] Moscow : Nauka Press.
- Kovshikov, V. A., Glukhov, V. P. (2007). *Psikholingvistika. Teoriya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistics. Theory of Speech Activity]. Moscow : Astrel' Press.
- Kutyura, L. (2010). *Filosofskie printsipy matematiki* [Philosophical principles of mathematics]. Moscow : LKI Press.

- Mironova, D. M. (2015). Primenenie klaster'nogo analiza v tekstologii [Cluster analysis in textual criticism]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics] (Vol. 11, pp. 155–160). St Peterburg : St Peterburg State University Press.
- Murzin, L. N., Shtern, A. S. (1991). *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its Perception]. Sverdlovsk : Ural University Press.
- Vasilevich, A. P., Gerganov, E. N., Zagustina, O. E. et al. (1971). Opyt eksperimental'nogo issledovaniya asociativnoy sily neosmyslennykh russkikh trigramm. In R. M. Frumkina, *Veroyatnostnoe prognozirovanie v rechi* [Probabilistic approach to speech]. Moscow : Nauka Press.
- Potapova, R. K., Blokhina, L. P. (1986). *Sredstva foneticheskogo chleneniya rechevogo potoka v nemetskom i russkom yazykakh* [Means of Sound Division of Speech in German and Russian] : A coursebook. Moscow : The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages.
- Russell, S., Norvig, P. (2010). *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. 3d edition. Moscow : Vil'yams Publishing House.
- Selivanova, E. A. (2010). *Lingvisticheskaya entsiklopediya* [Linguistic Encyclopedia]. Poltava : Dovkily –K Press.
- Sidnyaev, N. I. (2014). Metodologicheskie aspekty prepodavaniya vysshey matematiki v kontekste modernizatsii shkol'nogo matematicheskogo obrazovaniya [Methodological Aspects of Lecturing of Higher Mathematics in the Context of Modernization of School Mathematical Education]. *AlmaMater (Vestnik vysshey shkoly)* [AlmaMater (Higher School Herald)], 5, 33–40.
- Frumkina, R. M. (1971). *Veroyatnost elementov teksta i rechevoe povedenie* [The Probability of Elements of Text and Speech Behavior]. Moscow : Nauka Press.
- Chistovich, L. A., Ventsov, A. V., Granstrem, M. P. et al. (1976) *Fiziologiya rechi. Vospriyatie rechi chelovekom* [Physiology of Speech. Human Speech Perception]. Saint Petersburg : Nauka Press.

УДК 81'33

UDC 81'33

**Сулейманова Ольга Аркадьевна, Водяницкая Альбина Александровна,
Беклемешева Наталья Николаевна**
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Olga. A. Suleimanova, Albina A. Vodyanitskaya, Natalia N. Beklemesheva
Moscow City University
Moscow, Russian Federation

olgasoul@rambler.ru, avodyanickaya@yandex.ru, beclemesheva@mail.ru

Яременко Вера Ивановна
Московский технологический университет
г. Москва, Российская Федерация
Vera I. Yaremenko
National Research University of Electronic Technology
Moscow, Russian Federation
veraj@mail.ru

ПУТИ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ У СТУДЕНТОВ **BOOSTING COMMUNICATION SKILLS IN STUDENTS**

Аннотация

В статье рассматриваются пути развития навыков эффективного речевого поведения у студентов как средства повышения их академической успеваемости в целом и как способ совершенствования их коммуникативных способностей – в частности. Актуальность и востребованность указанных навыков в профессиональной среде определяется особенностями современного информационного и социального взаимодействия. Описываются разнообразные стратегии успешной коммуникации, построенные на комбинации теории (напр., принципы Г. Грайса) и практики (обучение структурированию речи, выстраиванию логики сообщения, освоение приёмов публичного выступления, ведения дискуссии). Эти средства относительно недавно стали встраиваться в учебный процесс, что заставляет обращаться к анализу их потенциала в подготовке современного специалиста. Особенно полезным представляются: 1) развитие навыков нейролингвистического программирования для удержания внимания аудитории, декодирования нейролингвистических механизмов носителей изучаемого языка (в том числе признаков манипулирования), 2) структурирование выступления по международным стандартам, 3) выстраивание обсуждения вокруг актуального события, широко освещённого в средствах массовой информации.

Abstract

The article focuses on training students' speaking skills thus helping them integrate academically and socially. In the current information and social context, speaking competence and confidence are crucial for professional success, which makes the task of leading students to successful communication especially relevant. Various formats and strategies described in the article have proved to be effective through years of foreign language teaching. Extensive experience gives us enough grounds to argue that combining theory (e. g. Grice's maxims) and practice (helping students structure their speeches, taking part in Public speaking forums, revealing anchoring techniques) results in enhanced communication skills. As these teaching strategies appear to be only rudimentary in the Russian educational landscape, looking into their potential might be really instrumental. The development of the following skills can be seen as particularly beneficial: (i) neurolinguistic programming for capturing and keeping listeners' attention, decoding neurolinguistic mechanisms of other language speakers (including manipulation techniques), (ii) structuring speech in accordance with the international standards, (iii) building a discussion around a current event that has received massive coverage in the media.

Ключевые слова: устная коммуникация, речевые стратегии, нейролингвистическое программирование, максимы общения П. Г. Грайса.

Keywords: verbal communication, speaking skills, strategy, neurolinguistic programming, Grice's maxims.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_125_132

1. Введение

В современном образовательном пространстве обучение владению навыками уверенной, убедительной речи является важной составной частью профессионального образования, особенно в тех сферах, где навыки коммуникации являются обязательным условием успешной карьеры. «Образовательная парадигма трансформируется в связи с существенным повышением и порой кардинальным изменением требований к качеству подготовки специалиста, который должен обладать способностью оптимального поведения в различных, в том числе проблемных, конфликтных ситуациях» [Тарева, 2018, с. 399]. Поскольку прирождённых ораторов не так уж и много, формирование корректного речевого поведения и соответствующих коммуникативных навыков у студентов требует разработки специальных средств. Это предполагает, с одной стороны, освоение студентами приемов и стратегий успешной коммуникации, овладение эффективными языковыми средствами, а также навыками преодоления определённых психологических барьеров. Овладев требуемыми навыками, успешно применяя их как в учебном процессе, так и во внеаудиторной деятельности – на конференциях и форумах, учащиеся наряду с достижением профессионального уровня владения языком повышают уверенность в себе, поскольку успех является главной движущей силой и главной мотивацией дальнейшего развития. Задача заключается в том, чтобы показать студентам путь к успеху и контролировать их движение в верном направлении, особенно на начальной ступени обучения. В связи с этим представляется необходимым включить в учебную программу студентов-лингвистов первого курса обучение стратегиям эффективного речевого поведения, что делает задачу разработки соответствующих методик безусловно актуальной. Формирование указанных навыков обладает практической значимостью, поскольку является условием успешной реализации будущего специалиста в выбранной профессиональной сфере деятельности. Анализ потенциала данных навыков, в свою очередь, позволяет построить систему, отличающуюся инновационным характером как по своему содержанию, так и по комбинаторике формируемых навыков.

Таким образом, уже на первой лекции мы всегда говорим о главных требованиях к публичному выступлению – говорить нужно так, чтобы ваши мысли привлекли внимание, выделялись на фоне других, «конкурирующих» сообщений [Сулейманова, 2016]. Эта задача становится особенно актуальной сегодня, когда для того, чтобы быть услышанным на фоне ошеломляюще интенсивных потоков информации, необходимо владеть выдающимися навыками речи и коммуникации в целом.

2. Методология

Прежде всего необходимо определить тип социального общения, в рамках которого будут отрабатываться навыки речи. Руководствуясь типологией социальных отношений, разработанной Ю. Хабермасом [Habermas, 1984, p. 85–86], в процессе обучения делается акцент, во-первых, на коллективных проектах, в которых каждый участник является одновременно актёром и зрительской аудиторией, во-вторых, на взаимодействии партнеров, которые должны распознавать и правильно интерпретировать сигналы, посылаемые друг другу в разнообразных коммуникативных ситуациях. Отработка на-

выков говорения в команде, с одной стороны, осуществляется в условиях конкуренции, что стимулирует желание выступать лучше и одновременно снижает негативные психологические факторы, поскольку реализуется в хорошо знакомом, «безопасном» учебном пространстве.

Формат ролевой игры также способствует развитию многочисленных речевых умений: навыков ведения беседы, импровизации, умения взять на себя инициативу, формируя таким образом уверенную, творческую языковую личность. С точки зрения преподавания, ролевая игра представляется чрезвычайно эффективным средством стимулирования и совершенствования языковых навыков у студентов, повышения их мотивации. Форматы командной деятельности в преподавании иностранного языка в целом меняют атмосферу занятия – на смену фронтальному обучению, в центре которого находится преподаватель, приходит межличностное общение студентов, увлечённых обсуждением злободневных вопросов и решением актуальных задач [Quin, 2015, p. 44].

Анализ данного формата учебной деятельности сводится к двум группам факторов: внешним, к которым относится мультимедийная поддержка, фоновые знания и ориентация на слушателя, и внутренним, которые определяются требованиями, предъявляемыми к публичным выступлениям в целом.

Как известно, внешние факторы, в частности, мультимедийные средства, могут значительно усилить эффект воздействия на аудиторию. Парадоксально, но, согласно результатам исследования американских ученых, обычная доска, мел или маркер не менее эффективны. Действительно, часто складывается ощущение, что видео презентации существуют параллельно выступлению, почти независимо от него, в то время как используя доску и мел, выступающий представляет свои аргументы более динамично, поскольку он не дистанцирован от визуализации содержания своего сообщения. Такой «старинный» прием может сделать презентацию гораздо более действенной, чем картинка и цифры на экране за вашей спиной [Сулейманова 2016, с. 38].

Сделать свое выступление запоминающимся на фоне мощных информационных потоков сегодняшнего медиaprостранства достаточно сложно. Извлечь релевантную информацию из огромного количества конференций и публикаций по любому вопросу, учитывая доступность интернет-ресурсов, также непросто. Помимо этого, изменился и сам характер коммуникации, появились совершенно новые форматы: вебсайты, чаты, онлайн форумы, вебинары, телеконференции, и пр. На сегодняшний день, для того чтобы привлечь внимание аудитории, добиться реакции на свое выступление, необходимо овладеть специальными приемами публичного выступления. Таким приемам можно обучить – например, можно следовать определённым п р а в и л а м выступления:

- указывать на практический потенциал представляемых результатов исследования, например, показать возможность развития темы в дальнейших научных работах; продемонстрировать применимость результатов для решения практической задачи (напр., уточнение принципов транслитерации для решения задачи совершенствования системы городской навигации);

- отработать технику выступления перед аудиторией в реальном режиме, во время обсуждения интересующей темы в группе, в виде обмена мнениями и идеями;

- обучить студентов приемам вовлечения аудитории в процесс активного восприятия представляемой информации, что предполагает освоение определённых техник успешной коммуникации и языковых средств.

3. Результаты

Результаты практики преподавания показали, что для успешного взаимодействия участников коммуникации особую значимость имеют как внешние, структурные, так и

внутренние факторы. Более того, для понимания природы психологического явления самооценки и социальной значимости разговорных навыков необходимо знать точку зрения самих студентов по данному вопросу.

3.1. Как работают разговорные навыки на практике

Теоретическое и практическое знание, иными словами, теоретические основы коммуникации и сами практические коммуникативные навыки взаимосвязаны, представляя собой сплав теории и практики. Анализ положений нейролингвистического программирования, принципов Г. Грайса и подобных теорий помогает осознать, как работают внутренние и внешние механизмы человеческого общения и успешно применять их в практике коммуникации как на занятии, так и в рамках будущего профессионального общения.

3.1.1. Внутренние факторы

Некоторые из вышеперечисленных средств, в частности, принципы Г. Грайса, были внедрены в практику преподавания как руководство по успешной коммуникации. Среди активно используемых рекомендаций – соблюдение требований к объёму воспринимаемой информации (максима количества), её качеству (максима качества), чёткости и недвусмысленности транслируемого сообщения (максимы способа и отношения) [Grice, 1975]. Сначала студенты получают задание проанализировать выступления известных общественных деятелей и выяснить, какие постулаты в речи данных фигур нарушены. Возможно также поставить задачу проанализировать тексты рекламы, в которых данные постулаты сознательно нарушаются авторами реклам по ряду причин.

Далее даётся задание на анализ выступлений коллег по заданной теме на предмет соблюдения всех максим, что развивает навык распознавания нарушений и, соответственно, способность соблюдать постулаты общения и тем самым сознательно и направленно развивать свои коммуникативные умения, а также способность противостоять приемам манипулирования [Сулейманова, 2018].

Введение элементов нейролингвистического программирования позволяет студентам научиться, например, акцентировать релевантную информацию, при этом делая процесс обработки текста увлекательным и творческим. Например, создавая текст на определённую тему – это может быть создание текста о развивающем потенциале компьютерных игр, о вреде различных практик типа курения или потребления алкоголя, – даётся задание применить элементы Эриксоновского гипноза, акцентируя в устном выступлении фрагменты, которые несут прямо противоположную теме информацию (не менее 10–12 фрагментов), что создаёт эффект, обратный заданному. Можно дать задание продуцировать текст на произвольно выбранную студентом актуальную тему и далее прочесть этот текст, акцентируя его таким образом, чтобы изначальное содержание получило противоположный смысл. Такие задания, по отзывам студентов, учат их распознавать, когда ими пытаются манипулировать, что является дополнительным важным умением и плюсом в современной информационной среде.

Приёмы якорения и маркирования в рамках метода установления рапорта с реципиентом также повышают эффективность устного сообщения и сходным образом вызывают заинтересованную реакцию у студентов [О’Коннор, 1997].

3.1.2. Структурные факторы

Что касается структуры выступления, у студентов необходимо развивать навыки организации выступления с соблюдением логики повествования. Подобная практика предполагает перечисление пунктов, которые будут освещены в презентации: *сначала я*

буду говорить о N, потом перейду к M и прочее, т. е. так, чтобы за главной мыслью можно было легко следить. Всегда хорошо воспринимаются выступления, в которых изначально эксплицитно задается некоторое число идей, которые говорящий планирует осветить в выступлении – Давайте рассмотрим причины (события M). Можно выделить 4 причины.

По мнению психологов, соблюдение четкой структуры выступления стимулирует когнитивную деятельность, т. е. гарантирует более активное эмоциональное и интеллектуальное участие аудитории в презентации. Этой же цели служат риторические вопросы, которые создают иллюзию диалога, квазидialog со слушателями, пробуждая его активное восприятие.

Интерес к выступлению также усиливается благодаря соотнесению его с реальными событиями во времени и пространстве (выстраивание хронологии события, согласно определению М. Бахтина). Для этого мероприятие, в котором студенты в данный момент принимают участие, можно связать с другим событием, которое имеет с ним нечто общее, ср.: *Когда я ехал(а) на конференцию, проезжал(а) мимо M, и мне пришло в голову, что было бы неплохо ...* Можно рекомендовать также упомянуть фрагмент или мысль из выступления предыдущего оратора, отметить роль организаторов мероприятия и др. Другая идея – сослаться на известную личность, которая каким-то образом имеет отношение к проводимому мероприятию, или к общему фоновому знанию – например, упомянуть значимое для аудитории публичное выступление знаковой фигуры или лица, деятельность которого является определяющей для данного социума. Это может быть недавно принятый закон об образовании или выступление министра образования, мэра города или ректора вуза.

Эффект «включения» аудитории в ходе выступления представляет собой простой приём повторного обращения к слушателям: *Дорогие / уважаемые коллеги!* Приём (заранее продуманный) упоминания какого-либо конфликта, спорного вопроса неизменно вызывает интерес аудитории, ср.: *Последнее время ведется много споров по поводу... Попробуем проанализировать, почему...* Можно вспомнить какое-нибудь историческое событие, процитировать слова известного исторического деятеля. Всё это помогает привлечь внимание слушателей, повысить интерес к выступлению. Обозначенные приёмы активно отрабатываются на занятиях со студентами, в том числе при решении ими конкретных задач.

3.1.3. Реакция студентов

Все перечисленные средства и приёмы позволяют не только увлечь аудиторию, они активно стимулируют интерес студентов к данному виду деятельности, позволяют сосредоточиться непосредственно на выступлении. В опросе о том, что именно является наиболее мотивирующим аспектом учебной деятельности, студенты отмечали следующее: *Приятно чувствовать, что ты контролируешь ситуацию / получать ту реакцию на свои действия, которую ты программировал.*

Обсуждаемый формат подготовки студентов прошел проверку в разнообразных учебных ситуациях: студенты представляют результаты исследования по данному формату обучения, выступают со своим собственным / совместным проектом, выполняют домашние задания. Во время представления результатов проекта в классе остальные студенты критически оценивают презентацию согласно критериям, сформулированным выше. Такого рода задание увеличивает полезный коэффициент учебного времени и делает процесс обучения более активным и увлекательным для современного студента.

3.1.4. Выступление в рамках общей дискуссии

В Институте иностранных языков Московского городского университета один раз в семестр каждая студенческая группа принимает участие во внеаудиторном мероприятии. Это может быть общая дискуссия по определенной теме, в рамках которого приобретенные навыки отрабатываются в комфортной обстановке. Студенты чувствуют себя более свободно, чем в учебной аудитории, поскольку их выступления не оцениваются преподавателем. Кроме того, темы обсуждения всегда связаны с актуальными событиями и последними новостями и представляют собой обсуждение за и против текущих тенденций, слухов и идей, ср.: *Жизнь в мегаполисе – благо или зло? Семейные ценности – понятие гибкое? Можно ли научить быть счастливым?*

Данный формат обучения позволяет студентам повышать уверенность в своих знаниях постепенно, преодолевать страх «сцены» благодаря внеучебной обстановке и знакомым, «нейтральным» темам обсуждения. И что не менее важно, в такой обстановке успешное использование новых навыков говорения повышает самооценку коммуникантов.

4. Выводы

В современном экспоненциально растущем информационном потоке представляется важным вооружить студентов релевантными навыками, которые помогут им в будущем после окончания университета построить карьеру и продолжить обучение, а именно: умение выстроить сообщение согласно особенностям восприятия реципиента, использовать адекватные языковые средства и приёмы, благодаря которым грамотная, убедительная речь в сочетании с глубокими мыслями, основанными на актуальных результатах исследования, подкреплёнными убедительными выводами, становится значимой частью их будущего профессионального образа. Навыки успешной коммуникации требуют постоянной практики и дальнейшего закрепления, что достигается при обсуждении на занятии актуальных тем в процессе успешной коммуникации всех участников процесса, через подкрепление выдвинутых предположений результатами анализа обширного материала. Подобные виды деятельности обладают мощным мотивационным потенциалом, который эффективно реализуется в процессе обучения.

Студенты также учатся предвидеть реакцию аудитории, в частности, на основе анализа техник нейролингвистического программирования. Отметим однако, что изучаемые элементы НЛП нацелены на то, чтобы удержать внимание аудитории, и не ставят перед собой задачу влиять на чувства и мысли слушателей по поводу обсуждаемой темы – напротив, студенты приобретают навыки декодирования нейролингвистических механизмов в «чужих» выступлениях и презентациях, в том числе и не в академической среде.

При взаимодействии аудитории и выступающих процесс усвоения новых знаний является двусторонним и, соответственно, эффективным. Как известно, после 3–4 минут активного восприятия устного выступления внимание аудитории естественным образом рассеивается. Нейролингвистическое программирование обеспечивает активную заинтересованность аудитории идеей выступления, заставляет следить за ходом рассуждений оратора. Еще более актуальным этот метод становится в том случае, когда обмен научными идеями сопровождается обучающими целями: студенты выступают перед преподавателями, которые являются активными слушателями и одновременно наставниками, координаторами. В академической среде, когда участники дискуссии учатся друг у друга, концентрированное внимание, цельное восприятие представляемой идеи чрезвычайно важно (особенно с учетом практически неограниченного количества выступающих).

Научный подход к формированию практических навыков публичного выступления позволяет студентам критически оценивать как свои, так и чужие презентации. В данном контексте принципы Г. Грайса служат научным и одновременно практическим инструментом самоанализа и анализа чужих выступлений. Более того, студенты применяют принципы Г. Грайса в повседневной коммуникации, а также в рамках других дисциплин, демонстрируя знание принципов успешной коммуникации, принимая участие в мозговом штурме (brainstorming) или в групповой работе (teamwork) на занятиях по межкультурной коммуникации.

На сегодняшний день в лингвистике наблюдается растущий интерес к отношениям между разными дисциплинами. Повышенные требования к разговорным навыкам студентов – многомерное явление, которое имеет отношение к разным отраслям лингвистики, включает разнообразные исследовательские навыки и умения, аналитические, физиологические и социальные аспекты. Некоторые из этих навыков и умений формируются в процессе обучения автоматически, но большая часть – благодаря тяжелому труду, готовности учиться, стремлению развиваться. Наибольшее значение в данном случае имеет тот факт, что процесс приобретения эффективных речевых навыков становится вдохновляющим и мотивирующим сам по себе. Это становится особенно очевидно, когда студенты выступают на научных форумах за пределами своей alma mater, после чего сообщают, чему научились, анализируют презентации, увиденные и услышанные на посещаемых мероприятиях.

Что касается академической среды, необходимо помнить, что «понимание задачи коммуникации является основной целью лингвистики как научной дисциплины, как, впрочем, и остальных направлений науки» [Suleimanova, 2013, p. 70]. Самой важной целью процесса образования является взаимопонимание между обучающимися и преподавателями. Достижение этой цели тесно связано с осознанием природы коммуникации и находит выражение в стремлении приобрести необходимые навыки (со стороны студентов), а также направлять и помогать в процессе освоения этих навыков (со стороны преподавателей). Данная стратегия является залогом прочного фундамента для успеха в обучении, науке, социуме.

Список литературы

- О'Коннор, Д. Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства [Текст] / Д. О'Коннор, Д. Сеймор. – Челябинск : Версия, 1997. – 256 с.
- Сулейманова, О. А. Стратегии устного академического дискурса: выступление с докладом [Текст] / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус, В. И. Яременко // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2016. – № 4 (5). – С. 37–42.
- Тарева, Е. Г. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации [Текст] / Е. Г. Тарева, Л. Г. Викулова, И. В. Макарова // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 4 (45). – С. 398–404.
- Grice, H. Logic and Conversation [Text] / H. Grice // Syntax and Semantics. – 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
- Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Reason and Rationalization of Society [Text] / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 465 p.
- Suleimanova, O. Linguistic Meta-Language as a Basis for Communication / O. Suleimanova // Understanding: Abstract and Control. Understanding by Communication. – Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 70–79.
- Suleimanova, O. Boosting Students' Self-Esteem Through Training Them In Speaking Skills [Text] / O. Suleimanova, V. Yaremenko, A. Vodyanitskaya // ICERI2018 Proceedings. – 2018. – P. 10409–10413.
- Quin, L. The Application of Cooperative Principle in Oral English Learning [Text] / L. Quin // International Journal on Studies in English Language and Literature. – 2015. – Vol. 3 (1). – P. 39–48.

References

- O’Connor, D. (1997). *Vvedenie v neyrolingvisticheskoe programmirovaniye. Noveyshaya psikhologiya lichnogo masterstva* [Introduction to neuro-linguistic programming. The latest psychology of personal mastery]. Chelyabinsk.
- Suleymanova, O. A. (2016). Strategii ustnogo akademicheskogo diskursa: vystuplenie s dokladom [Strategies for Oral Academic Discourse: Presentation]. *Aktual’nye voprosy professional’nogo obrazovaniya* [Actual Problems of Professional Education], 4 (5), 37–42.
- Tareva, E. G. (2018). Innovatsionnoye modelirovaniye keysov po mezhekul’turnoy kommunikatsii [Innovative modeling of cases on intercultural communication]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute], 4 (45), 398–404.
- Grice, H. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, 3, 41–58.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of communicative action. Reason and rationalization of society*. Boston : Beacon Press.
- Suleimanova, O. Linguistic Meta-Language as a basis for communication. In E. Borisova, O. Suleimanova (Eds.), *Understanding: Abstract and control. Understanding by communication* (pp. 70–79). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing.
- Suleimanova, O., Yaremenko, V., Vodyanitskaya, A. (2018). Boosting students’ self-esteem through training them. In L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres (Eds.), *Speaking skills* (pp. 10409–10413); IATED Academy. Seville (Spain) : IATED.
- Quin, L. (2015). The application of cooperative principle in oral English learning. *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 3 (1), 39–48.

УДК 81'36, 81'37

UDC 81'36, 81'37

Сюткина Надежда Павловна, Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Nadezhda P. Siutkina, Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
nad975@yandex.ru, lanashust@mail.ru

**ЭМОТИВНО-ЭКСПРЕССИВНО-КАУЗАТИВНЫЙ КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБКОМПЛЕКС
EMOTIVE-EXPRESSIVE-CAUSATIVE
SEMANTIC SUBCOMPLEX**

Аннотация

В настоящей статье с позиций функциональной грамматики анализируется категория эмотивных каузативов, под которыми понимаются глаголы интерперсонального взаимодействия, реализующие своё значение в категориальной ситуации каузации модификации эмоционального взаимодействия. В речи осуществляется взаимодействие элементов высказывания, актуализирующих различные категории. В данном случае функционирует категориальный семантический комплекс – совокупность семантических категорий, функционально объединённых общей интенциональностью. В результате анализа ситуации модификации психической сферы у объекта каузации, а именно, каузации эмоциональной модификации, выделяется эмотивно-каузативный категориальный комплекс. Основное содержание комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации. Категория экспрессивности взаимодействует с категорией эмотивных каузативов в речи, и результат этого взаимодействия позволяет выделить эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс. При реализации такого субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола – эмотивного каузатива.

Abstract

In this article, from the standpoint of functional grammar, the category of emotive causatives is analyzed, by which we mean the verbs of interpersonal interaction, realizing their meaning in the categorical situation of causation and modification of emotional interaction. In speech, we observe the interaction of categorical elements of the utterance, which actualize various categories. In this case, we observe the functioning of a categorical semantic complex – a set of semantic categories functionally united by a common intentionality. We analyze the situation of modification of the mental sphere in the object of causation, namely, the causation of emotional modification, therefore we single out the emotive-causative categorical complex. The main content of the complex is the actualization of a positive or negative modification of the emotional state of the object of causation, and it is implemented by two categorical semes: emotive seme and cause seme. The category of expressiveness interacts with the category of emotive causatives in speech, therefore, we single out the emotive-expressive-causative categorical semantic subcomplex. When implementing such a subcomplex, the causer has an effect on the object of causation in order to change its emotional state. The result of causation in the situation of emotional modification lies in the meaning of the verb – the emotive causative.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, категориальная ситуация, категориальный семантический комплекс, эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, эмотивно-экспрессивно-каузативный семантический субкомплекс.

Keywords: emotive causative, categorical situation, categorical semantic complex, emotive-causative categorical semantic complex, emotive-expressive-causative semantic subcomplex.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_133_139

1. Введение

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы, под которыми мы понимаем глаголы, фиксирующие интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психического состояния объекта. Эмоциональность – свойство человека, характеризующее содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Содержательные аспекты эмоциональности отражают явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта [Большая психологическая..., 2019]. С лингвистической точки зрения мы говорим об эмотивности – «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» [Шаховский, 2008, с. 5].

С точки зрения функционального подхода к языку, эмотивность определяется как «функция языковых единиц, связанная с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [Пиотровская, 2015, с. 322]. Как эмотивные квалифицируются языковые единицы, выполняющие эмотивную функцию, а значение языковых единиц, «предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта», определяется как эмотивное [Пиотровская, 2015, с. 322].

В системе функциональной грамматики, с позиций которой выполнено настоящее исследование, категории рассматриваются как функционально-семантические поля и категориальные ситуации. Первые характеризуются определёнными связями с категориями мышления, вторые служат для анализа функциональных вариантов семантической категории, поскольку реализуются в конкретных высказываниях. Категориальная ситуация представляет собой типовую содержательную структуру [Бондарко, 2002, с. 15–16]. Однако, в речи в «составе общей ситуации далеко не во всех случаях выделяется единая категориальная доминанта» [Бондарко, 2005, с. 71]. Вместо этого, обычно наблюдается взаимодействие элементов высказывания, которые представляют собой разные категории. В таком случае мы говорим о категориальном семантическом комплексе.

2. Эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический комплекс

Под категориальным семантическим комплексом понимается совокупность семантических категорий, функционально объединённых общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий.

Каузативная ситуация представляет собой взаимодействие двух одушевлённых участников, один из которых, каузатор, оказывает воздействие на объект каузации с целью модификации психической, физической, перцептивной, информативной и других сфер объекта каузации, то есть каузативность фиксируется в области интерперсонального взаимодействия. В результате анализа ситуации модификации психической сферы у объекта каузации, а именно, каузации эмоциональной модификации, выделяется эмотивно-каузативный категориальный комплекс.

Основное содержание комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реа-

лизуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации. Категориальный семантический комплекс может включать в своё семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к данному комплексу в данной категориальной ситуации (в другой категориальной ситуации эти категории могут стать ведущими). Таким образом, категориальный семантический комплекс представляет собой совокупность субкомплексов. При реализации эмотивно-каузативного семантического комплекса наблюдается актуализация различных категориальных ситуаций, анализ которых даёт основания выделить эмотивно-экспрессивно-каузативный, эмотивно-интенсивно-каузативный и эмотивно-оценочно-каузативный семантические субкомплексы.

Обратимся к эмотивно-экспрессивно-каузативному категориальному семантическому комплексу. Лингвисты, признавая взаимосвязанность категорий эмотивности и экспрессивности, по-разному решают вопрос об их разграничении. Так, Б. Тошович подчёркивает, что «из всех категорий в соотносительном круге экспрессивности самой близкой является эмоциональность, точнее, она – важнейший компонент экспрессивности. Эти категории настолько пересекаются, что трудно найти чёткие дифференциальные признаки» [Тошович, 2006, с. 15].

Е. М. Галкина-Федорук понимая под экспрессией усиление воздействия языковой единицы, считает, что экспрессивность шире эмоциональности, так как способна пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное [Галкина-Федорук, 1958, с. 107].

В. Н. Телия рассматривает экспрессивность с точки зрения прагматики и понимает под «экспрессивной функцией языка способность выражать всевозможные отношения, связывающие обозначение действительности с эмоциональным в своей основе восприятием действительности и стремлением передать это восприятие реципиенту, воздействуя на его деятельность с той или иной целью». Таким образом, они также представляют экспрессивность как более широкую категорию, «экспрессивность – это совокупный продукт, выражение некоторого итога, создаваемого целым рядом субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначаемому» [Телия, 1991, с. 6].

В. И. Шаховский разграничивает эмотивную и экспрессивную функции языковой единицы, равно как и понятия эмотив и экспрессив. Для него это частично сходные, но автономные явления. «Эмотив – это языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения» [Шаховский, 2012, с. 24–25]. «Экспрессив – языковая единица, основной семиологической функцией которой является экспрессия, то есть усиление воздействующей силы за счёт сем усиления, образности и др., может быть оценочным и неоценочным, эмотивным и неэмотивным [Шаховский, 2012, с. 24–25]. Эмотивная функция, соответственно, это «функция языковой или речевой единицы всех уровней, выражающая эмоции говорящих без намерения воздействовать на слушающего», тогда как под экспрессивной функцией он понимает «функцию языковых и речевых единиц, повышающая за счёт большого «арсенала» средств и приёмов воздействующую, то есть прагматическую силу слова, словосочетания или высказывания, имеет фактор адресата и преследует определённый эффект воздействия на него» [Шаховский, 2012, с. 27].

Б. Тошович справедливо разграничивает эмоции и экспрессию, подчёркивая, однако, их коррелятивность: «эмоции – это чувства, переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия – их продукт. Обе являются результатом различных раздражений: в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия за-

рождается под воздействием эмоций. Это означает, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию. Важным компонентом экспрессивности является эмотивное значение» [Тошович, 2006, с. 15–16]. В нашей работе мы придерживаемся позиции, представленной в концепции данного исследователя.

Материалом исследования послужили контексты с эмотивными каузативами, полученные в результате работы с Национальным корпусом русского языка и исследовательским ресурсом Google Books Ngram Viewer (общее количество контекстов – 900). С помощью методов дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа производилась классификация интенсификаторов экспрессивности. Для настоящей статьи были отобраны наиболее частотные примеры.

Анализ экспериментального материала показал, что при реализации эмотивно-экспрессивно-каузативного субкомплекса каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью изменить его эмоциональное состояние. Результат каузации в ситуации эмоциональной модификации заложен в значении глагола – эмотивного каузатива. Интенсификаторы экспрессивности усиливают именно этот компонент, например:

(1) – *Да что ты ко мне пристала с утра пораньше? Ты лучше завтраком занимайся, а меня не трогай. Что я не могу поваляться подольше хотя бы раз в жизни?*
 – *Какой раз в жизни? Ну, какой раз в жизни? Да ты постоянно...*
 – *Молчи, старуха. Доведёшь меня до белого каления.*
 – *Что? Ах ты бездельник, – баба Нюра схватила скалку и погрозила ей.*
 – *А ну слезай оттудава, паршивец эдакий. До белого каления говоришь? Я тебе устрою белое каление (Ngram).*

(2) *Наконец, у Вани есть мечта – довести каждую училку до белого каления (Ngram).*

(3) *Короче, она хлопнула дверью и ушла, **доведя** Микиса буквально до белого каления (Ngram).*

Интенсификатор «*буквально*», то есть «действительно, на самом деле; в прямом смысле слова» (СТС) и образный фразеологический оборот «*до белого каления*», который имеет значение «выводить кого-либо из терпения, вызывая состояние иступления, потерю самообладания» (ФСРЛЯ), реализуют экспрессивные значения, и мы понимаем, что результат каузации – не просто изменение эмоционального состояния на отрицательное, а крайне отрицательное.

В качестве интенсификаторов, актуализирующих образность и экспрессивность могут выступать наречия, прилагательные, предложные группы. В результате работы с дефинициями выделенных единиц, на основе контекстуального анализа, мы предлагаем классификацию интенсификаторов экспрессивности, которая включает в себя следующие разряды:

1) полноты действия: *бесконечно, безгранично, мало*; 2) качества: *сердечно, от всей души*; 3) характера действия: *ужасно, страшно, безумно, несказанно, явно, невероятно*; 4) локализации: *повсеместно, везде, повсюду, местами*; 5) степени признака действия: *очень, достаточно, более чем, безмерно, умеренно*; 6) итеративности: *постоянно, иногда, время от времени, часто, снова, от случая к случаю, каждый раз*; 7) целенаправленности действия: *намеренно, целенаправленно, осознанно, случайно, нечаянно, невольно*; 8) оценки действия: *неприятно, положительно, приятно, невероятно, сердечно*; 9) способа действия: *играючи, истошно, многословно*; 10) времени действия: *недавно, долго, часами, постоянно*; 11) сравнения: *как ребёнок*; 12) отрицания: *ни в коем случае, ни коим образом, никак*.

(4) *Его спокойный слегка насмешливый взгляд – все это только сильнее бесит меня (Ngram).*

(5) *Марк бесит меня больше, чем Титов* (Ngram).

(6) *Ручка в моей руке замирает в сантиметре от бумаги, я понимаю, что абсолютно все, что сейчас сказал Ваня, бесит меня не меньше, чем его, и как я раньше до этого не додумалась?* (Ngram)

(7) *Разбудила во мне зверя окончательно!* (Ngram)

(8) *Меня бесит этот бред постоянно! Бесит!* (Ngram)

К средствам эмоциональной модификации в данном типе категориального семантического комплекса относятся не только лексический каузатив *гневить, сердить, взбесить, сбесить, взбеленить*, но и функциональные структуры *выводить из себя, выводить из терпения, будить зверя, приводить в бешенство, приводить в ярость, довести до крайности (до бешенства, до сумасшествия, до безумия, до отчаяния, до истерики, до слёз), привести в замешательство (в уныние, в отчаяние, в ужас)*. С позиций фразеологии они относятся к устойчивым сочетаниям, с позиций грамматики – демонстрируют тенденцию к грамматикализации, поскольку основная функциональная нагрузка концентрируется в сфере имени существительного *бешенство, ярость, крайность*.

(9) – *Оля, прошу тебя – только не пей!*

Стоявшая рядом секретарша Светка только гаденько хихикнула... Нашёл мужёнок, перед кем выставлять её в виде пьянчужки, подонок голубой. Ещё и папочка позвонил с утра из Цюриха и вывел из себя:

– *Ты теряешь из-за глупого упрямства деньги!* (Ngram).

(10) *Я исхитрялся выводить из терпения даже начинающего тогда циника и будущего журналиста Толоконникова* (Ngram).

(11) – *Ай да Макосса! Не хотелось, конечно, но придётся ответить адекватно. Зря, Макосса, ты разбудил во мне зверя! – Аллен засмеялся* (Ngram).

Модель эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического субкомплекса представлена на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный субкомплекс

В рамках эмотивно-каузативного комплекса данные категории, каждая из которых может выступать как отдельная, самостоятельная категория, начинают взаимодействовать на основе общей интенции. Эмоция усиливается в результате использования экспрессивных и образных средств языка. При таком взаимодействии категории экспрессивности и эмотивности дополняют и усиливают друг друга, оставаясь при этом самостоятельными категориями.

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что эмотивность и экспрессивность представляют собой две взаимосвязанные, коррелирующие категории, которые, тем не менее, необходимо рассматривать именно как взаимосвязанные, но самостоятельные, поскольку одна из них (эмотивность) является предпосылкой актуализации другой (экспрессивность). Экспрессия обусловлена эмоциями, а экспрессивные средства вызывают эмоциональную реакцию. Эмотивность поддерживается в контексте ши-

роким спектром средств экспрессивности. В рамках эмотивно-экспрессивно- каузативного категориального семантического комплекса используются функциональные структуры, которые входят в фразеологический фонд языка и обладают высоким потенциалом экспрессивности. Разнообразные интенсификаторы усиливают эмотивно-экспрессивную составляющую высказывания. Две категории, связанные общей интенцией, в речи тесно переплетаются, что даёт веские основания для выделения эмотивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического комплекса.

Список литературы

- Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Академик, 2000–2019. – URL : <http://psychology.academic.ru> (дата обращения 03.02.2019).
- Бондарко, А. В. Категории в системе функциональной грамматики [Текст] / А. В. Бондарко // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сб. статей, посвящённый юбилею Г. А. Золотовой. – М. : Эдиторал УРСС. – 2002. – С. 15–21.
- Бондарко, А. В. О понятии «категориальная ситуация» [Текст] / А. В. Бондарко // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 66–77.
- Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию. М. : Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
- Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2-х т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2005–2019. – URL : <https://www.efremova.info/>. (СТС).
- Пиотровская, Л. А. Эмотивность и дейксис [Текст] / Л. А. Пиотровская // Избранные труды XLIII международной филологической конференции. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2015. – С. 321–332.
- Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация [Текст] / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – С. 5–36.
- Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков [Текст] / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / сост. А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с. – URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phrasological-literary-dictionary/index.htm>. (ФСРЛЯ).
- Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 208 с.
- Ngram Viewer [Electronic Resource] // Google Books. – Google, 2013. – URL : <https://books.google.com/ngrams>. (Ngram).

References

- Bolshaya psikhologicheskaya entsiklopediya [Big psychological encyclopedia]. Retrieved February 3, 2019 from <<http://psychology.academic.ru>>.
- Bondarko, A. V. (2002). Kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Categories in functional grammar]. *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta. Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu G. A. Zolotovoy* [Communicative and semantic parameters of grammar and text. A collection of articles dedicated to the anniversary of G. A. Zolotova] (pp. 15–21). Moscow : Editorial URSS.
- Bondarko, A. V. (2005). O ponyatii «kategorial'naya situatsiya» [On the concept of “categorical situation”]. In E. S. Kubryakova (Ed.), *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual language space] (pp. 66–77). Tambov : Tambov State University Press.

- Galkina-Fedoruk, E. M. (1958). Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [About expressiveness and emotionality in language]. *Sbornik statey po yazykoznaniiyu* [Collection of articles on linguistics] (pp. 103–124). Moscow : Moscow State University Press.
- Efremova, T. F. (2005–2019). *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy* [New Russian dictionary. Definitions]. In 2 volumes. Moscow : Russkiy yazyk Press. Retrieved from <<https://www.efremova.info/>>. (STS).
- Piotrovskaya, L. A. (2015). Emotivnost' i deyksis [Emotivity and deixis]. *Izbrannyye trudy XLIII mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii* [Selected Papers of the XLIII International Philological Conference] (pp. 321–332). St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Teliya, V. N. (1991). Ekspressivnost' kak proyavlenie sub"ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya [Expressivity as a manifestation of the subjective factor in the language and its pragmatic orientation]. In V. N. Teliya (Ed.), *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in the language: Language mechanisms of expressiveness] (pp. 5–36). Moscow : Nauka Press.
- Toshovich, B. (2006). *Ekspressivnyy sintaksis glagola russkogo i serbskogo/khorvatskogo yazykov* [Expressive syntax of the Russian and Serbian/Croatian verb]. Moscow : Languages of Slavic Culture Press.
- Fyodorov, A. I. (Ed.). (2008). *Fraseologicheskyy slovar' slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of literary Russian]. 3rd edition, corrected. Moscow : Astrel': AST Press. Retrieved from <<http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>>. (FSRLYa).
- Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow : Gnozis Press.
- Shakhovskiy, V. I. (2012). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Moscow : Librokom Press.
- Ngram Viewer. (2013). *Google Books*. Retrieved from <<https://books.google.com/ngrams/>>. (Ngram).

УДК 811.512

UDC 811.512

Чертыкова Мария Дмитриевна
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
Maria D. Chertykova
Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies
Katanov State University of Khakassia
Abakan, Russian Federation
chertykova@yandex.ru

**ХАКАССКАЯ ЛЕКСЕМА ХАРАХ 'ГЛАЗ; ГЛАЗА' КАК ОПОСРЕДУЮЩЕЕ
ЗВЕНО МЕЖДУ ТЕЛЕСНОЙ И ДУХОВНОЙ ПРИРОДОЙ ЧЕЛОВЕКА ***
**KHAKAS LEXSEME ХАРАХ 'EYE; EYES' AS A MEDIATOR BETWEEN
THE PERSONAL AND SPIRITUAL NATURE OF A HUMAN**

Аннотация

Статья посвящена выявлению и описанию семантико-когнитивных особенностей репрезентации лексемы *харах* 'глаз; глаза' в хакасском языке. Глаза – это не только зрительный орган, характеризующийся цветовой гаммой, теми или иными физическими признаками, они также представляют собой целую систему зрительного поведения. В хакасском языке насчитывается 27 фразеологизмов с соматизмом *харах*, большая часть которых описывает те или иные особенности зрительного акта. В результате проведённого исследования можно утверждать, что роль лексемы *харах* 'глаз; глаза' значима в языковом отражении телесной и духовной природы человека. Перевод данного слова с хакасского существительным множественного числа имеет символический характер, т. к. в хакасском языке, как и в других тюркских и в некоторых финно-угорских языках, выражение парности частей тела редко обозначается данной формой.

Abstract

The present article aims to identify and describe semantic-cognitive features of the lexeme *Harah* 'eye; eyes' representation in the Khakas language. Eyes are not only a visual organ characterized by varying colors, certain physical features, they also represent a whole system of visual behavior. In Khakas, there are 27 phraseological units with the somatism *харах*, most of which describe particular patterns of a visual act. As a result of the study, it can be argued that the role of the lexeme *харах* 'eye; eyes' is significant in the linguistic reflection of the physical and spiritual nature of a human. The use of the plural noun form in translating the word from Khakas is symbolic due to the fact that in Khakas as well as other Turkic and some Finno-Ugric languages plural form is rarely used to denote pair items.

Ключевые слова: хакасский язык, лексема *харах* 'глаз; глаза', зрительный орган, семантика, фразеологизм.

Keywords: Khakass language, the lexeme *харах* 'eye; eyes', visual organ, semantics, idiom.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_140_151

1. Введение

В освоении человеком окружающего мира зрительное восприятие является одним из основных каналов приёма, обработки и передачи информации. «Познание окру-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)»

жающего мира человек начинает с самого себя, поэтому кодирование культурного пространства посредством языковых сущностей носит антропоморфный характер, в нём активно участвуют соматизмы – названия частей тела человека, а также соматические фразеологизмы, включающие тот или иной соматизм» [Подсевалова, 2009, с. 159]. В языковой концептуализации зрительного восприятия особую роль выполняет соматизм – глаза, который в комбинации с глаголами, а также другими словами передаёт различные перцептивные, ментальные и другие процессы и состояния человека. В последние десятилетия растёт интерес учёных к вопросам глазного поведения в различных областях науки, но в лингвистике данная тематика пока ещё мало исследована. Особое научное направление – окулесика – занимается изучением характеристик и функций глаз, особенностей визуального процесса, а также смыслов, передаваемых глазами, и другими аспектами. Как пишет Г. Е. Крейдлин: «Глаза человека способны выражать и передавать столько же, сколько и язык, но у языка глаз есть одно неоспоримое преимущество – для него не требуется словаря, ведь этот язык понятен всем» [Крейдлин, 2002, с. 374]. К сказанному добавим, что в разных языках глаза и собственный взгляд выступают как средство верификации происходящего, например, в хакасском языке: *нос хараана ла киртінерге* 'верить только своим глазам', *хараам киртінминчем* 'не верю [своим] глазам' и др.:

(1) *Урунганнарның сөстөрине киртінме, поэзияның на харахтарыңа киртін чөр* (Ат, с. 105) – '**Не верь словам** каждого встречного, **верь** только своим глазам'.

(2) *Позымхарагына киртінминчем: тура нүкүлезінең тимде* (Кч, с. 32) – '**Не верю своим глазам**: дом полностью готов'.

Семантико-когнитивные модели, репрезентирующие особенности вербализации зрительного восприятия и понятий «вера» и «достоверность» в хакасском языке, описаны ранее в статье «Вера» и «достоверность» сквозь призму зрительного кода (на материале хакасского языка)» [Чертыкова, 2018].

В сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (далее – СИГТЯ) глаза как орган зрения и взгляд в соответствующих фонетических вариантах обозначаются *göz* и *karak* [СИГТЯ, 2001, с. 209–211]. Авторы СИГТЯ отмечают, что эти соматические единицы являются древними производными от глаголов зрения *kör-* и *hara-*. Как правило, базовые глаголы восприятия в тюркских языках имеют общетюркское происхождение. Такая же картина наблюдается и в других разноструктурных языках, например, в хантыйском языке базовым глаголом зрительного восприятия является *вант*-'смотреть', в соответствующих фонетических вариантах представленный во всех финно-угорских языках и в их письменных памятниках. «Глагол *want-* обнаруживает несомненную этимологическую связь с общефинно-угорским словом **semō* 'глаз' (ср. хант. *sem- törninlšta-* 'пристально глядеть'; букв.: 'глаза вытягивать')» [Каксин, 2016, с. 105].

Однако относительно происхождения *karak* имеется и «другая этимология, подержанная, хотя и не с полной уверенностью, Этимологическим словарём тувинского языка (далее – ЭСТЯ) и трактующая это слово как образование от *kara* 'чёрный' путём присоединения к нему уменьшительного аффикса *-к*» [Татаринцев, 2004, с. 98]. В Древнетюркском словаре [ДТС, 1969, с. 425] дефиниции данных лексем представлены следующим образом:

Köz 'глаз': *körür közüм көрмәзтег... bolti* – 'зрячие мои глаза ... словно ослепли' (КТ650); *künkä baqsaközqamar* – 'если смотреть на солнце, в глазах рябит' (МК I 340); *janaiki közi көрмәз erti* – 'и оба его глаза не видели' (КР24) [ДТС, 1969, с. 320].

Qaraq 'глаз, глазное яблоко' (МЛ I 382): *oğrayımкөндү jiraq / bulnadı meñiqaraq* – 'место, куда я иду, далеко, / да пленили меня очи [одной красавицы]' (МК III 29); *uvutsuzbolur üstäriqliqaraq* – 'у бесстыжего [человека] отталкивающие глаза' (QBN 167); *başlarinbiçturu ötürü qaraqların ötürü* – 'срубая им головы, выкалывая им глаза' (Suv 235).

Как видно из словарных представлений, семантическая структура лексемы *köz* несколько шире, чем *uqaraq*, которая в большинстве тюркских языков обозначает 'глазное яблоко', 'зрачок', а в сочетании с идентифицирующими именами – 'радужная оболочка' (*qaraqarak*), 'зрачок' (*otqaraq*), 'белок глаза' (*ürün qaraq*) и другие [СИГТЯ, 2001, с. 210]; *qaraqaraq* зрачок (МК I 382) [ДТС, 1969, с. 423].

В хакасском языке понятие 'глаз как орган зрения' обозначается лексемой *харах*, как и в других сибирских тюркских языках, например, тоф.: *қарақ*, тув.: *карак*, (но алт.: *кӧс*), а понятие 'зрение' именуется как *харах оды* букв. 'огонь глаза'. В СИГТЯ отмечается, что данное лексическое образование является исконно-тюркским: «ср. *крх.-уйг. otqaraq*, *каз. közzanary*, *алт. köstiñody*» [СИГТЯ, 2001, с. 211]. Хакасская лексема *харах* участвует в образовании сложных слов, выражающих связанную с глазами как органом зрения анатомическую терминологию: *харах ағы* 'белок глаза'; *харах оды* 'зрачок, зрительный нерв'; *харах оймағы* или *харах уйазы* 'глазница'; *харах олғанағы* 'зрачок'; *харах ныңмағы* 'глазное яблоко'; *харах салы* 'плёнка в глазах'; *харах сетчатказы* 'сетчатка глаза'; *харах харазы белът.* 'зрачок'; *харах харачызы* 'зрачок глаза'; *харах – хулах* собир. 'глаза и уши'; *харах үстү* 'веко'; *харах хартхылчағы* 'слёзный бугорок глаза'. К категории часто используемых сложных слов относится *харах чазы* 'слеза':

(3) *Че нога за харахтар чазын позым үлүзіне харанчам* (Тч, с. 71) – 'Ну почему же я не могу лить слёзы на свою судьбу'.

(4) *Харах час көп ағысхан хакас төллер піске артысханнар тустыг көллер* (Р, с. 19) – 'Хакасские поколения, пролившие много слёз, нам оставили солёные озера'.

Подобная же словообразовательная и лексико-семантическая картина с лексемой *харах* наблюдается и в других тюркских языках, например, в якутском языке: {...} *харах олобо* 'глазница'; *харах сетчатката* 'сетчатка глаза'; *харах уута* 'слеза'; *харах хаспаба* 'глазная впадина'; *харах зргэтэ* 'бельмо'; *аҥаар харах* 'одноглазый'; *бүрүү харах* 'глаза, закрытые плёнкой' (напр., у птиц) {...} [ЯРС, 1972, с. 483].

Следует подчеркнуть одну важную особенность употребления лексемы *харах* в хакасском языке. Как показывает материал, данная лексема при реализации редко принимает аффикс множественного числа *-тар*, что говорит о том, что в хакасском языке, как и в других тюркских языках, не грамматикализуется обозначение парности (или двойственности) частей тела, возможно, из-за того, что в языковом представлении тюрков нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела. В реализации таких парных частей тела, как например, *хулах* 'ухо; уши', *хол* 'рука; руки', *сыганах* 'локоть; локти' и других используется форма единственного числа. Такую же особенность употребления существительных, выражающих парные части тела, а также соответствующих им предметов одежды в финно-угорских языках, в частности, в венгерском, хантыйском, мансийском, отмечают Е. С. Малах и А. Ю. Остроумова. При этом согласование парных предметов может происходить во множественном, единственном, или двойственном числах [Малах, 2016, с. 126–129]. Но в русском языке эти понятия чётко противопоставляются, например, чёрные глаза (в хакасском языке – *хара харах* букв. 'чёрный глаз'), кривые ноги (в хакасском языке – *талтах азах* букв. 'кривая нога') и так далее. Выявление особенностей таких невидимых связей в национальном мировидении – целостности / раздельности парных частей тела в тюркских языках и их языковом отражении – требует углубленного изучения. Мы же в описании лексемы *харах* символично указываем его перевод как 'глаз; глаза', подразумевая под ним целостность данного понятия.

Лексема *кӧс* в хакасском языке утрачивает своё первоначальное значение. В значении 'глаз; глаза' она встречается чаще в произведениях устного народного творчества.

(5) *Кӧк чазының күреезі ырах, көстерің читсе, хараңар* (Т, с. 7) – 'Края зелёной степи далеки, если у вас зрение хорошее [букв. 'если хватит (или достанет) глаз'], смотрите'.

Следует подчеркнуть, что в данном примере действует фразеологизм, передающий качество зрительной способности субъекта: *кӧс чит-* 'мочь разглядеть'; букв. 'хватать, доставать глаз'. Но в хакасском языке в этом же значении вместо *кӧс* обычно используется *харах*. Невозможность что-либо разглядеть обозначается как *харах читпинче* 'не мочь разглядеть'; букв. 'глаза не достают'. Также лексема *кӧс* может использоваться в поэтической речи, что объясняется широкими содержательными возможностями данного жанра.

(6) *Сынында, чазырбин кӧннӱм, кӧзим пуртахтанчаттыр* (Тч, с. 75) – 'На самом деле, оказывается [моя] душа, не скрывая, обманывает [мои] глаза' (букв. 'загрязняет').

(7) *Ылгап чӧрбезин кӧстерим* (Тч, с. 55) – 'Пусть не плачут [мои] глаза'.

Почти утратив своё первоначальное значение, лексема *кӧс* выступает в качестве послелого, управляющего творительным падежом: *миниң кӧзиме* 'при мне', *харах кӧзине* (или *кӱзи кӧзине*) 'прямо на глазах', *пастыхтың кӧзине* 'при начальнике', *кӧстең кӧске* 'с глазу на глаз' и другие.

(8) *Парлар чииттер, кӱзи кӧзине угаа чахсылар* (Х, с. 13) – 'Есть такая молодёжь, которая при людях такая хорошая'.

Однако, как показывает словарная интерпретация лексемы *кӧс*, она приобрела другие более узкие значения, основанные на ассоциативной связи глаза с отдельными элементами в бытовой сфере (см. лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) 3; 4; 5; 6): *кӧс* I уст. 1) глаз; ср. *харах*; *кӧс тартыл парган* – 'глаз затянут (пеленой)'; *тӧрт кӧстиг адай* – 'четырёхглазая собака' (собака, у которой под глазами имеются точки); 2) зрение; *кӧзи чӱтиг* – '[у него] хорошее зрение'; *кӧзим хомайланча* – '[у меня] зрение ухудшается'; 3) ушко [иголки]; 4) петля [при вязании]; 5) ячейка (в сети); 6) глазок чего-л.; *тогыс кӧстиг тынныг хостоо* – фольк. 'с девятью глазками огненная стрела'; *кӧстең кӧске* – 'с глазу на глаз (наедине)'; *харах кӧзине* – 'на глазах'; *сырай сӱлии кӧс, тӱл сӱлии сӧс* – посл. 'лицо красно глазами, речь красна словами'; *кӱзи кӧзине столга чарбыхпачаң* – погов. 'в присутствии гостей нельзя лезть к столу' (нравоучение детям) [ХРС, 2006, с. 207].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, широко используется существительное *кӧзенек* 'окно'.

(9) *Ос салаазы кӧзенееме кире пахлир, кӱлине чӱзиме* (Тч, с. 18) – 'Ветка осины будет заглядывать ко мне, улыбаясь, через окно'.

«Относительно семантики общетюркского производного **kӧzenek* 'окно; ячейка' отметим, что, вопреки ЭСТЯ, естественно метафорическое употребление уменьшительного от названия части тела для называния артефакта» [СИГТЯ, 2001, с. 210]. Однако Б. И. Татаринцев придерживается иного мнения по вопросу происхождения данного слова: «{...} его основой может быть двухсложный глагол, произведённый от имени *кӧз*, который является кирг. *кӧзө-* ~ *кӧсө-* 'просверливать, делать дырявым'. В таком случае *кӧзе* – не **<кӧзенек*, где **кӧзе-* – глагол, а *-нак* – вариант аффиксальной морфемы» [Татаринцев, 2004, с. 236]. Но в тувинском языке, как отмечает Б. И. Татаринцев, данное слово обычно используется только в составе выражения *кӧс кӧр-* 'смотреть глазами' (т. е. смотреть как следует, внимательно) [Татаринцев, 2004, с. 249].

Между тем, в других тюркских (особенно, в кыпчакских и огузских) языках лексема *кӧс* / *gӧz* является широко используемой и обладает соответствующими словообразовательными и синтагматическими возможностями, например, в узбекском языке: «*кӱз қисмок* 'моргнуть глазом', т. е. для подачи какого-либо знака или сигнала закрыть один глаз, *кӱз олди*, *кӱз ўнги* 'перед глазами', *кӱз ташламоқ* 'бросить взгляд; посмотреть, взглянуть', *кӱздан қолмок* 'потерять способность видеть', *кӱзи хира* 'мутный глаз' – плохо видящий [Шокиров, 2017, с. 57].

2. Лексема *харах* 'глаз; глаза' как соматическая единица в составе фразеологизмов

В словарной статье лексемы *харах* 'глаз; глаза' даётся целая группа фразеологических единиц, в которых она является семантически стержневым компонентом. Все эти фразеологизмы имеют антропоцентрический характер, и лексема *харах* выступает в объектном значении, в основном, с нулевым аффиксом винительного падежа: *харах албасха* 'смотреть внимательно, не сводить глаз' (букв. 'глаз не убирать'); *харах тастирга* 'присматривать за кем-л., чем-л.'; *харах хыртирга* 'коситься; смотреть косо'; *харах чазын хан идерге* 'плакать, быть в трауре'; *харах алындырарга* 1) 'одурачивать кого-л.'; 2) 'гипнотизировать'; *харах саларга* 1) 'обращать внимание на кого-л.'; 2) 'присматривать, ухаживать за кем-л.; заботиться о ком-л.'; *харах таа салбасха* 'не обращать никакого внимания'; *харах тартыларга* 'дёргаться' (о глазах); *харах хайнирга* 1) 'считать кого-л. лишним' (напр., при желании занять его место); 2) 'быть ненасытным, жадным' (по отношению к вещам); *харах хазартарга* 'зазнаваться; возноситься'; *харах чазырарга* 1) 'отводить глаза (взгляд)'; 2) 'избегать, сторониться кого-л.'; *харах чаабызарга* 'умереть' (букв. 'глаза закрыть'); *постың хараана ла киртинерге* 'верить только себе'; *хараа чарыптыр эвф.* 'родился (ребёнок)'; *харах саспа харасхы* 'очень темно'; *кös харахха* 'на глазах (у всех), на виду у всех'; *пайның хараана ис толбаан* – погов. 'глаза бая богатством не насытятся'; *харах хызарарга* – соответствие рус. 'с жиру бесится' (букв. 'глаза краснеть'); *харахнаң көрчем, холнаң тут полбинчам* – загадка 'вижу, но руками поймать не могу' (тень) [ХРС, 2006, с. 810–811].

Как известно, анализ фразеологической лексики основывается на взаимодействии структурных и семантических принципов. Такой подход позволяет рассматривать «... употребления слов-соматизмов в различных синтаксических конструкциях с различными частями речи, определение синтаксического статуса фразеологической единицы, определение степени их семантической слитности. В парадигматическом отношении сверхфразовые единства являются уникальной экспериментальной базой для решения таких проблем, как разграничение вариантов и синонимов, определение компонентного состава фразеологической единицы» [Бердникова, 2000, с. 34]. Как показывает наш фактический материал, лексема *харах* 'глаз; глаза' наиболее часто сочетается с глаголом *таста*-'бросать' в значении 'смотреть, бросать взгляд', букв. 'бросать глаз'. Мы предполагаем, что данный фразеологизм калькирован с русского бросать взгляд. Семантика данного фразеологизма предполагает конкретное место или объект зрительного восприятия, выраженный именем в форме направительного падежа с аффиксом *-сар / -сер; -зар / -зер*:

(10) *Якынның хойы, – нандырган Айдо, хойларынзар харах тастап* (Хч, с. 8) – 'Овцы Якына, – ответил Айдо, бросив взгляд на овец'.

(11) *Саста хас, ызо хуйдырчам, клубсар харах тастапчам* (Тч, с. 26) – 'На лугу гоняю гусей и телят, а сама смотрю на клуб' (букв. 'бросаю глаза').

(12) *Хайдар даа харах тастазам, прай чирде чахайахтар* – 'Куда ни посмотрю, везде цветы' (языковая практика автора – носителя данного языка).

Реже объект может быть выражен именем в дательном падеже с аффиксом *-а / -е; -га / -ге, -ка / -ке*:

(13) *Өбрем, минің өбрем, син андар көрбе, Минің оолгычаама харах тастаба* (Т, с. 34) – 'Подруга, моя подруга, ты не смотри на него, на моего паренька взгляд не бросай'.

Лексема *харах* 'глаза' в сочетании с глаголами *ас-* 'открывать' и *азыл-* 'открываться' (страд. форма от *ас-* 'открывать' + аффикс страд. залога *-ыл-*) в контекстах реализует следующие значения:

1. Открывать глаза:

(14) *Ол хараан даа ас полбин турган, тундыра сіс партыр* – 'Он не мог даже открыть глаза, опухли сильно' (языковая практика автора).

Данный ЛСВ значения рассматриваемой лексической единицы является основным или первичным, и, соответственно, имеет «физическое» происхождение.

2. Просыпаться, пробуждаться:

(15) *Иртен харах ассамох, сагызым синзер ойлапча* – 'Как только просыпаюсь (букв. 'открываю глаза') утром, [мои] мысли бегут к тебе' (языковая практика автора).

В данном случае в семантической структуре выражения *харах ас-* 'открывать глаза' наблюдается развитие определённого ЛСВ, при этом сохраняется первичный «физический» компонент. Тем самым данное значение мотивируется от основного.

3. Визуально воспринимать, познавать что-л. новое:

(16) *Хараам, ізік чілі азылыбысты, көрбеең нимелерні көр сыхты* (Р, 68) – '[Мои] глаза стали открываться, как двери, стали видеть то, что раньше не видели'.

Данный ЛСВ значения фразеологизма *харах азыл-* может послужить примером связи зрительного восприятия и ментального процесса, поскольку «большинство связанной со зрительным восприятием лексики естественным образом используется во вторичных (метафорических) значениях, которые обозначают разного рода ментальные явления» [Стеванович, 2011, с. 308].

Тем самым для семантической структуры выражения *харах ас-* 'открывать глаза' характерна цепочечная полисемия, т. е. каждый тип значения исходит от предыдущего. В результате развития подобных семантических механизмов на основе физических действий формируются дополнительные метафорические значения слов и выражений и одновременно расширяется их лексическая сочетаемость. Необходимо отметить, что названные ЛСВ выражения *харах ас-* 'открывать глаза' (и *харах азыл-* 'открываться глаза') перекликаются с основным и переносным значениями рус. глаза открывать(ся).

В качестве объектного компонента, выражающего зрительный орган, лексема *харах* 'глаз; глаза' состоит также в структуре следующих фразеологизмов: *харах тыпладарга* 'моргать глазами'; *харах сыгынарга* 'подмигивать'; *харах нугарга* 'закрывать глаза; жмуриться'; *харах чабарга* 'закрывать глаза' и других. Семантика последних двух фразеологизмов со значением 'закрывать глаза' ассоциируется с понятием 'смерть', и в контексте они могут реализовывать метафорическое значение 'умирать':

(17) *Ана ол чыл пабам харахтарын нуубысхан* – 'В этот год [мой] отец умер' (букв. 'закрывает глаза') (языковая практика автора).

(18) *Апсах, оолларына ынаг чуртурга чахыг пиріп, саңайга харахтарын чабысхан* – 'Старик, умер, наказав сыновьям жить дружно' (умер – букв. 'закрывает глаза навсегда') (языковая практика автора).

В хакасском языке, чаще в поэтической речи, известны разнообразные образные комбинации с лексемой *харах* 'глаз; глаза', описывающие зрительные, эмоциональные и ментальные процессы и состояния:

(19) *Харааңны пасха ома уттыр, чүрееңе пасха хыныс алдың* (Тч, с. 17) – '[Твои] глаза победил другой образ, ты принял в [свое] сердце другую любовь'.

В данном примере выражение *харааңны уттыр-* '[твои] глаза победил, оказывается, (другой образ)' подразумевает ситуацию 'быть очарованным (или быть пленённым) неким объектом, которого приятно воспринимать визуально'.

(20) *Харах алнында нымырттар алчасча* – 'Перед глазами цветут черёмухи' (языковая практика автора).

Выражение *харах алнында* (*пол-*) '(быть) перед глазами' в сочетании с глаголами различной категориальной семантики (напр., *тур-* 'стоять', *одыр-* 'сидеть', *ирт-* 'прохо-

дить', *чат-* 'лежать', *пар-* 'идти', *тогын-* 'работать', *өс-* 'расти' и т. д.) описывает целостное зрительное восприятие некоего наблюдаемого объекта. Однако часто восприятие объекта может иметь избирательный характер, поэтому привычны выражения типа *харах алнын-дагы даа нимені көрбинчезің* – 'не видишь даже то, что у тебя перед глазами'.

(21) *Хайдаг чирде чөрчезің син – пілбеем, харах алнында полгазың – көрбеем* (Р, с. 62) – 'Я не знал, где ты ходишь, [ты] был перед глазами, а я не видел'.

(22) *Таңдагызы таңда полар, пўўн көрінмес харахха* (Р, с. 1) – 'Завтрашнее будет завтра, сегодня не покажется на глаза'.

Выражение *харахха көрін-* 'видно глазам', по нашим наблюдениям, в хакасском языке используется в речи для акцентирования зрительного процесса: *Хайда чөрдің, харахха көрінмин?* – Где ты ходил? Тебя не видно было (глазам). Но чаще данное устойчивое сочетание употребляется в значении 'галлюцинировать': *аның хараана ниме көрінче* – 'он страдает галлюцинациями' (букв. 'ему что-то видится').

Лексема *харах* 'глаз; глаза' участвует в описании образной характеристики зрительного процесса: *харах тыплат-* 'моргать глазами', *харах тозырат-* 'смотреть во все глаза' (букв. 'выкатывать глаза'), *харах тайдыр-* 'смотреть в сторону' (букв. 'глаза отводить'), *харах тошпайт-* 'смотреть, выпучившись' (букв. 'выпучивать глаза') и другие. Эти фразеосочетания несут в себе оценочную коннотацию, характеризуя не только перцептивный акт, но и внутреннее эмоциональное состояние субъекта:

(23) *Сынап ол чойга киртін пардар ба? – харахтарын тошпайтхан Симок* (Х, с. 52) – 'Вы что, поверили этому обманщику? – смотрит, выпучив глаза, Симок'.

В сочетании с базовым глаголом *көр-* 'смотреть; видеть' эти же фразеосочетания принимают форму слитного деепричастия с аффиксом *-а-* и при этом утрачивают значение действия, выражая лишь его характеристику:

(24) *Сагаллары узун өсклеп, кічичек күрең сырайы улам хара көрінчеткен, хызарглап парган ніске харахтарын тайдыра көрче* (Х, с. 9) – '[Его] борода отросла, из-за этого [его] маленькое смуглое лицо казалось ещё чернее, [его] узкие покрасневшие глаза **смотрели косо** (в сторону)'.

(25) *Таң магаа күлче ол? – улуг чабан, іди чоохтанып, пастыхсар харагын тошпайта көрібіскен* (Х, с. 13) – 'То ли он смеется надо мной? – сказав, старший чабан **установился** на начальника' (букв. 'посмотрел, вытаращив глаза').

В субъектной позиции лексема *харах* 'глаз; глаза' используется в притяжательной форме с указанием их обладателя. В сочетании с глаголом не только с перцептивной семантикой они передают зрительный процесс:

(26) *Агазының ус париган харахтары кемні-де тілееннер* (Хл, с. 97) – 'Угасающие глаза [его] отца искали кого-то'.

(27) *Алыг кізінің хулагы ниме исте чоғыл, харагы ниме көре чоғыл погов.* – 'Уши глупого человека ничего не слышат, глаза ничего не видят'.

Иногда в контексте «обладатель» глаз может не называться:

(28) *Харахтарының хайши хой хазаазынзар айланган. Че анда артых-пузух ниме көрінмеенде, аттың ахсын тибіредіп, чөрібіскен* (Хч, с. 182) – 'Он обратил внимание на овчарню (букв. 'внимание его глаз обратилось'). Но, не заметив там ничего лишнего, затянул уздой рот лошади и уехал'.

Для характеристики алчного, ненасытного человека используются фразеологизмы *харах тоспас-* 'глаза ненасытятся', *харах хызар-* – соответствие рус. 'с жиру беситься' (букв. 'глаза краснеют'):

(29) *Піреезі харбанча, харбанча, артых таа чуртааннары чоғыл. Андаг кізінің харагы хачан даа тоспачаң* (Х, с. 8) – 'Кто-то хватает, хватает, но не видно, чтоб жил лучше. У таких людей глаза никогда не насытятся'.

(30) *Kızı чуртында чырғап, харааң хызарча* – 'Живя (в благополучии) в чужом доме, с жиру бесишься' (букв. '[твой] глаза краснеют').

3. Концептуализация лексемы *харах* 'глаз; глаза' как анатомического органа

Лексема *харах* концептуализируется как анатомический орган человеческого тела, которому свойственны характеристики внешнего вида.

А. Цветовая гамма глаз (*хара* 'чёрные', *көк* 'синие', *хастах* 'зелёные' (букв. 'неспелые'); *күрең* 'коричневые'). Разумеется, когда мы говорим о цвете глаз, имеем в виду цвет радужной оболочки. Часто названные прилагательные употребляются с дополнительным оттенком интенсивности цветовой гаммы: *хап-хара* 'чёрные-пречёрные', *көптегес* 'синие-синие', *хап-хастах* 'зелёные-зелёные', *күп-күрең* 'очень коричневые'. Чёрные глаза часто сравниваются с черёмухой: *нымырт харахтар* букв. 'черёмуховые глаза':

(31) *Нымырт харахтыг хыс, син нога хыныснаң иди ойнапчазың?* (Р, с. 111) – 'Девушка с глазами, как черёмуха, почему ты так играешь с любовью?'

Б. Размер, расположение и форма глаз (*чоон* 'большие', *азых* 'открытые', *кічичек* 'маленькие', *сізік* 'опухшие', *ніске* 'узкие', *тогылах* 'круглые', *тошпах* 'навыкате', *хырна* 'раскосые', *чагын* 'близко посаженные', *хыйыр* 'косые' и др.). Соотношение целого ряда положительных и приятных для восприятия признаков глаза обычно обозначается выражением *сіліг харахтар* 'красивые глаза'.

В. Оценки психологического состояния и характера человека по состоянию его глаз. В русском языке бытует выражение «глаза – зеркало души» и считается, что состояние глаз может передавать разнообразную информацию о человеке. Действительно, об эмоциях, мыслях, намерениях человека можно догадываться по глазам. В сочетании с прилагательными *мөңіс* 'грустные', *өрчiліг* 'весёлые', *сохтанчых* 'забавные', *хомзыныстыг* 'печальные' лексема *харахтар* передаёт эмоциональные переживания человека. Также прилагательные *көйтiк* 'хитрые', *хылыхтыг* 'злые', *хыйга* 'умные', *соох* 'холодные', *паарсах* 'ласковые, доброжелательные', *тоспас* 'ненасытные', *хоргыстыг* 'страшные', *хуруг* 'пустые' в сочетании с *харах* используются для оценочного номинирования морально-этических, эмоциональных и личностных качеств человека. В данном случае очевиден метонимический перенос в семантике прилагательных, основанный на метафорическом сближении части и целого. Эти же прилагательные семантически согласовываются и с именем *кізі* 'человек'.

Часто лексема *харах* с личным аффиксом может выступать в сочетании с объектным локативом, выраженным именем в форме местного падежа или же с наречием со значением места: *хараам – синде ле* – 'я смотрю только на тебя' (букв. '[мои] глаза только в тебе'); *харахтарың – тасхар ла* – '[ты] смотришь только на улицу' (букв. '[твой] глаза только на улице'); *харахтары – оолларда ла* – '[ты] смотришь только на парней' (букв. '[твой] глаза только в парнях'); *харахтарыбыс – чолда ла* – '[мы] смотрим только на дорогу' (букв. '[наши] глаза только на дороге') и так далее.

(32) *Хырых чазымны алтаан ползам даа, хараам – абахайларда ам даа* (Р, с. 69) – 'Хоть мне и за сорок лет, но [мои] глаза [видят] только красавиц' (букв. '[мои] глаза только на красавицах').

В подобных предложениях лексема *харах* в сочетании с именем выражает целенаправленный зрительный процесс, а ограничительная частица *ла / ле* указывает на выделенный конкретный объект. Такие выражения описывают ситуации, которые можно отнести к категории молчаливого поведения глаз, ведь не зря бытует мнение о том, что глаза человека могут рассказать о многом: о его характере, переживаниях, отношении к людям, к миру и конкретно к происходящему событию и так далее.

4. Заключение

В результате проведённого исследования можно утверждать, что лексема *харах* 'глаз; глаза' чрезвычайно значима в языковом отражении телесной и духовной природы человека.

1. В познании окружающей действительности человеком его глаза выполняют одну из ведущих ролей. Глаза – это не только зрительный орган, характеризующийся цветовой гаммой, теми или иными физическими признаками, они также представляют собой целую систему зрительного поведения. Глазное поведение со всеми его коммуникативными, ментальными, эмоциональными аспектами изучается специальным научным направлением – окулесикой. Специалисты выделяют характерные особенности глазного поведения у разных народов. Однако проблема языкового выражения особенностей глазного поведения в тюркских и других разноструктурных языках ещё ждёт своих исследователей.

2. В тюркских языках имеется два исконно-тюркских наименования глаз – *göz* и *karak*. В кыпчакских и огузских языках действует лексема *göz*, в сибирских же языках преобладает использование лексемы *karak*, но в алтайском – *кӧс*. Эти лексемы участвуют в образовании сложных слов, выражающих связанную с глазами как органом зрения анатомическую терминологию.

3. В хакасском языке, как и в других языках, имеется огромное количество структурно-концептуальных моделей реализации лексемы *харах* 'глаз; глаза'. По нашим наблюдениям, в хакасском языке употребляется 27 фразеологизмов с соматическим компонентом *харах* 'глаз; глаза', которые в большинстве случаев описывают определённые аспекты зрительного процесса. Некоторая часть данных фразеологизмов используется для характеристики эмоционального, ментального или поведенческого процесса. А также в поэтической речи известны разнообразные образные комбинации с лексемой *харах* 'глаз; глаза'. Разнообразные синтагматические связи способствуют развитию многозначности фразеологических единиц и устойчивых выражений с участием лексемы *харах* 'глаз; глаза'.

4. Лексема *харах* 'глаз; глаза' концептуализируется как анатомический орган человеческого тела, которому свойственны характеристики внешнего вида, эмоционального и ментального состояния субъекта.

5. В описании лексемы *харах* его перевод как 'глаз; глаза' имеет символический характер, поскольку в хакасском языке, как и в других тюркских и в некоторых финно-угорских языках, выражение парности частей тела редко обозначается формой множественного числа. На наш взгляд, в языковом представлении этих народов нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела.

Список сокращений и условных обозначений

- алт. – алтайские
- бельг. – бельгирский
- букв. – буквально
- кирг. – киргизский
- крх.-уйг. – карахандско-уйгурский
- ЛСВ – лексико-семантические варианты
- погов. – поговорка
- посл. – пословица
- рус. – русский
- собир. – собирательное
- страд. – страдательный

тоф. – тофаларский
 тув. – тувинский
 фольк. – фольклорное
 хант. – хантыйский
 эвф. – эвфемизм

Список литературы

- Бердникова, Т. А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом – соматизмом (на материале архангельских говоров) [Текст] / Т. А. Бердникова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / под ред. В. А. Красных, А. И. Изотова. – М.: Диалог – МГУ. 2000. – Вып. 12. – С. 28–34.
- ДТС – Древнетюркский словарь [Текст] / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л. : Изд. «Наука», Ленингр. отд-е, 1969. – 676 с.
- Каксин, А. Д. Глагольная репрезентация понятия восприятия в хантыйском языке [Текст] / А. Д. Каксин // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 1–1 (6). – С. 104–108.
- Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и неестественный язык [Текст] / Г. Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение. 2002. 592 с.
- Малах, Е. С. Внешнее сравнение способов числового маркирования имени существительного в конструкциях с существительными, обозначающими парные предметы в угорских языках и языках пермской подгруппы [Текст] / Е. С. Малах, А. Ю. Остроумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (61) : в 3-х ч. – Ч. II. – С. 126–129.
- Подсевалова, Н. О. Концепт глаза в английской концептосфере [Текст] / Н. О. Подсевалова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 158–162.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. [Текст] / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2001. – 822 с.
- Стеванович, Р. И. Роль зрительного восприятия в ментальной сфере и его отражение в языковой картине мира (на материале русского и английского языков) [Текст] / Р. И. Стеванович // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – Ч. 1. – С. 306–310.
- Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка [Текст] / Б. И. Татаринцев. – Т. III (К, Л) / отв. ред. Д. А. Монгуш. – Новосибирск : Наука. 2004. – 440 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь [Текст] / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Пагачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
- Чертыкова, М. Д. «Вера» и «достоверность» сквозь призму зрительного кода (на материале хакасского языка) [Текст] / М. Д. Чертыкова // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2018. – С. 198–207.
- Шокиров, Ш. И. Лингво-прагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем [Текст] / Ш. И. Шокиров // Филологические науки в России и за рубежом : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). – СПб. : Своё изд-во, 2017. – С. 55–59.
- ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов [Текст] / под ред. П. А. Слепцова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия». – 1972. – 568 с.

Список текстовых источников

- Ат – Татарова, В. Аат табызы. Крик турпана : повесть [Текст] / В. Татарова. – Абакан : Хак. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
- Кч – Чебодаев, М. И. Күргенниг чазы. Курганная степь (на хакасском языке) [Текст] / М. И. Чебодаев. – Абакан : Хакасское книжное изд-во, 1967. – 70 с.

- Р – Кичеев, Г. Рубаилер. Кибеліс чыындызы : Сборник стихов [Текст] / Г. Кичеев. – Аҕбан : САМиздат, 2000. – 111 с.
- Т – Казачинова, Г. Той [Текст] / Г. Казачинова, А. Халларов. – Абакан : Хака. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1979. – 157 с.
- Тч – Казачинова, Г. Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни): стихи и переводы. На хакасском языке [Текст] / Г. Г. Казачинова. – Абакан : ДиалогСибирь-Абакан, 2010. – 140 с.
- Х – Тюкпиеков, Н. Хыстаҕда [Текст] / Н. Тюкпиеков. – Абакан : Хака. отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1977. – 109 с.
- Хл – Кирбижекова, У. Н. Хакас литературазы : 4 класс [Текст] / У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. – Абакан, 1977. – 140 с.
- Хч – Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар [Текст] / В. Кобяков, А. Топанов, М. Коков, А. Кузугашев. – Абакан: Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1982. – 277 с.

References

- Berdnikova, T. A. (2000). O strukture i semantike frazeologicheskikh edinit s komponentom-somatizmom (na materiale arkhangel'skikh govorov) [Structure and semantics of phraseological units with the somatic component]. In V. A. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds.), *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Selected papers (Vol. 12, pp. 28–34). Moscow : Dialog – MGU Press.
- DTS – Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (Eds.). (1969). *Drevnetyurkskiy slovar'* [The dictionary of ancient Turkic]. Leningrad : Nauka Press.
- Kaksin, A. D. (2016). Glagol'naya reprezentatsiya ponyatiya vospriyatiya v khantyyskom yazyke [Verbal representation of the notion 'perception' in the Khanty language]. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Taurida Scientific Bulletin], 1–1 (6), 104–108.
- Kreydlin, G. E. (2002). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i neestestvennyy yazyk* [Non-verbal semiotics: Body language and unnatural language]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Press.
- Malakh, E. S., Ostroumova, A. Yu. (2016). Vneshnee sravnenie sposobov chislovogo markirovaniya imeni sushchestvitel'nogo v konstruktsiyakh s sushchestvitel'nymi, oboznachayushchimi parnye predmety v ugor'skikh yazykakh i yazykakh permskoy podgruppy [External comparison of the ways of numerical marking of a noun in the constructions with the nouns denoting pair objects in the Ugrian and Permian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 7-2 (61), 126–129.
- Podsevalova, N. O. (2009). Kontsept glaza v angliyskoy kontseptofere [The concept “eyes” in the English conceptsphere]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 5, 158–162.
- SIGTYa – Tenishev, E. R., Blagova, G. F., Dobrodomov, I. G., Dybo, A. V., Kormushin, I. V., Levitskaya, L. S., Mudrak, O. A., Musaev, K. M. (Eds.). (2001). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative grammar of the Turkic languages. Lexical units]. 2nd edition with additions. Moscow : Nauka Press.
- Stevanovich, R. I. (2011). Rol' zritel'nogo vospriyatiya v mental'noy sfere i ego otrazhenie v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [The role of visual perception in the mental sphere and its reflection in the language picture of the world (Based on Russian and English)]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»* [Taurida Scientific Bulletin. Series "Philology. Communication"], 24 (63), 1–1, 306–310.
- Tatarintsev, B. I. (2004). *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. III (K, L). Novosibirsk : Nauka Press.
- HRS – Anzhiganova, O. P., Baskakov, N. A., Borgoyakov, M. I., Inkizhekova-Grekul, A. I., Patachakova D. F., Subrakova, O. V., Beloglazov, P. E., Kaskarakova, Z. E., Kyzlasov, A. S., Sunchugashev, R. D., Chertykova, M. D. (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian Dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

- Chertykova, M. D. (2018). «Vera» i «dostovernost'» skvoz' prizmu zritel'nogo koda (na materiale khakasskogo yazyka) [Faith and reliability through visual perception (Based on Khakas)]. In N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova (Eds.), *Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of language. The notion of faith in languages and cultures] (pp. 198–207). Moscow : Gnozis Press.
- Shokirov, Sh. I. (2017). Lingvo-pragmaticheskaya i kognitivnaya interpretatsiya kontsepta «glaz» v yazykakh razlichnykh sistem [Linguo-pragmatic and cognitive interpretation of the concept “eye” in different language systems]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philological sciences in Russia and abroad]: Proc. V International Conference (St-Peterburg, December, 2017) (pp. 55–59). St Peterburg : Svoe izdatel'stvo Press.
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (1972). *Yakutsko-russkiy slovar'. 25 300 slov* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.

Texts for analysis

- At – Tatarova, V. (1991). *Aat tabyzy* [Scoter cry]. Novel. Abakan : Khakassia Press.
- Kch – Chebodaev, M. I. (1967). *Kurgennig chazy* [Barrow steppe] (In Khakas). Abakan : Khakassia Press.
- R – Kicheev, G. (2000). *Rubailer. Kibelis chyyndyzy* [A collection of poems]. Arban : SAMizdat Press.
- T – Kazachinova, G., Hallarov, A. (1979). *Toy. Povest' paza choohtar*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
- Tch – Kazachinova, G. G. (2010). *Tölibis chulazy* [The Tree of Life]: Poems and translations. In Khakas. Abakan : DialogSibir'-Abakan Press.
- H – Tyukpiekov, N. (1977). *Hystaæda*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.
- HI – Kirbizhekova, U. N., Kokov, I. F. (1977). *Khakas literaturazy* [The literature of Khakassia] : For the 4th grade. Abakan.
- Hch – Kobayakov, V., Topanov, A., Kokov, M., Kuzugashev, A. (1982). *Hyzyl chazy. Choohtar, stihtar, p'esalar*. Abakan : Krasnoyarskoe Publishing House, Khakas Department.

УДК 81'33

UDC 81'33

Шамова Надежда Александровна
Ивановский государственный университет
г. Иваново, Российская Федерация
Nadezhda A. Shamova
Ivanovo State University
Ivanovo, Russian Federation
sh941@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО КИНОДИСКУРСА
WORD FORMATION PATTERNS IN CONTEMPORARY ENGLISH CINEMA
DISCOURSE TERMINOLOGY

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса естественного увеличения словарного состава английского языка предметной области «кинематограф», описанию современных способов словообразования в англоязычном кинодискурсе и выделению их особенностей. В статье рассмотрены следующие способы: аффиксация, словосложение, словослияние, сокращение и словообразовательные неологизмы. Каждый способ проиллюстрирован примерами из авторского корпуса объемом 1051528 слов и дополнительных современных ресурсов. Общий объем проанализированного материала составил 298 терминов. Приведено графическое изображение полученных результатов и сформулирован вывод о том, что наиболее продуктивными способами словообразования в сфере кинотерминологии являются аффиксация (46% от зафиксированных пяти способов словообразования) и сокращение (28% от зафиксированных пяти способов словообразования). Самые частотные модели с аффиксацией: с суффиксом *-er / -or* (42% / 30% от всех моделей с аффиксами) и префиксом *pre-* (21% от всех моделей с аффиксами). Самыми низкочастотными оказались узкоспецифичные словообразовательные неологизмы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что терминологический аппарат киноиндустрии динамично развивается под воздействием разных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Abstract

This article explores the natural enlargement of English vocabulary of the subject field «cinematography», describes contemporary ways of word formation and their peculiarities in English cinema discourse. The following word formation patterns were viewed: affixation, composition, blending, shortening and derivational neologisms. Each pattern was illustrated by the examples from the corpus that comprises 1051528 words and from additional modern resources. The total amount of the analyzed material was 298 terms. A graphical representation of the results was given and a conclusion was drawn about the most productive word formation patterns, namely affixation (46% of the 5 word-building patterns) and shortening (28% of the 5 word-building pattern groups). The most frequent affixation patterns were the ones with *-er / -or* suffix (42% / 30% of all affixation patterns) and with *pre-* prefix (21% of all affixation patterns). The least frequent were derivational neologisms due to their highly specific character. The role of extra-linguistic factors influencing the changes of the studied terminology group is emphasized. The obtained results demonstrate dynamic development of the cinema terminology influenced by various linguistic and extralinguistic factors.

Ключевые слова: словообразование, терминология, киноиндустрия, кинодискурс, лексика.

Keywords: word formation, terminology, cinematography, cinema discourse, vocabulary.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_152_162

1. Введение

В XXI веке терминология разнообразных предметных областей представляет собой живой и подвижный пласт лексики, который подчиняется закону исторического развития языка и расширяется с помощью различных способов словообразования.

Важное наблюдение делает С. А. Маник, подчёркивая, что употребление терминов не ограничивается только специализированной сферой. «Человеческая жизнь многогранна, хобби часто перерастают в профессиональное увлечение, работа занимает большую часть дня, общественно-политические события оказывают значительное влияние на людей через СМИ. Поэтому терминология всё чаще входит в ежедневное непрофессиональное общение» [Маник, 2010, с. 227]. Действительно, многие английские кинотермины используются в повседневной жизни в русском языке в соответствии с правилами транскрибирования и транслитерации. Представляется возможным выделить такие термины как: *thriller* (триллер), *producer* (продюсер), *Western* (вестерн), *gag* (гэг), *sequel* (сиквел), *underground* (андеграунд), *casting* (кастинг), *blockbuster* (блокбастер), *melodrama* (мелодрама) и т. д.

Справедливо отмечается, что термины определённой области знания являются одним из компонентов дискурса данной области, а, благодаря выявлению своеобразия дискурса в определённой сфере, на основе анализа терминов, можно установить характерные черты, свойственные конкретной предметной области [Маник, Шамова, 2018, с. 236].

В современной лингвистике изучение различных видов дискурса, охватывающих разные сферы человеческой жизни, становится всё более востребованным. Следует отметить работы по изучению терминологии в медицинском [Маджаева, 2011], юридическом [Туралин, 2017], политическом дискурсе [Маник, 2013] и т. д. В настоящее время существуют исследования, направленные на теоретическое изучение кинодискурса, например, выявление адресата и адресанта [Зарецкая, 2011], структурных элементов [Духовная, 2015], форм выражения [Слышкин, 2004], особенностей знаковой системы [Мечковская, 2004], [Зайченко, 2013]. Некоторые работы посвящены анализу специфики терминологии кино и принципов её образования на основе корпусной обработки данных (см., напр., [Шамова, 2016]). Изучение словообразовательных моделей на материале составленного корпуса позволяет обращаться к контекстам, их выделять и отбирать в ходе анализа письменного дискурса. Заметное расширение терминологии киноиндустрии стало возможным благодаря разнообразным способам словообразования, исследование которых представляется актуальной задачей в связи с повышенным вниманием к различным аспектам кинодискурса.

Цель настоящей работы – изучить современные словообразовательные модели терминологии кино и проанализировать их в различных контекстах в рамках скомпилированного корпуса, включающего интервью с кинематографистами, а также обсуждение технической составляющей кинематографа.

Для начала целесообразно рассмотреть понятие кинодискурса. Е. А. Колодина предлагает достаточно ёмкое определение кинодискурса и характеризует его как «процесс воспроизведения и восприятия фильма, смысл которого складывается при взаимном влиянии нескольких семиотических систем. Кинодискурс включает в себя участников дискурса, время и пространство их взаимодействия» [Колодина, 2013, с. 332]. С. С. Назмутдинова определяет кинодискурс как «семиотически осложнённый динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межкультурном и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцеплённости элементов, интертекстуальности, множественности адресата, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [Назмутдинова, 2008, с. 7]. На наш взгляд, данное определе-

ние наиболее полно отражает понятие «кинодискурс». Как было ранее доказано, кинодискурс имеет определённую специфику [Шамова, 2018].

Важно отметить, что дискурс отражает в себе не только специфику языка, но и особенности коммуникативной ситуации, в ходе которой он реализуется. Потребность в анализе и описании современного состояния кинодискурса с лингвистической точки зрения объясняется желанием выделить и систематизировать характерные черты дискурса, которому свойственно претерпевать множественные изменения в результате воздействия разнообразных экстралингвистических факторов. В частности, на природу кинодискурса существенное влияние оказывает научно-технический прогресс, взаимовлияние и взаимопроникновение культур и активный процесс глобализации. В результате этих факторов появляется широкий пласт лексики, в котором за существующими терминами закрепляются новые значения или который пополняется новыми кинематографическими реалиями.

Далее представляется необходимым ранжировать способы словообразования по их частотности для образования терминов киноиндустрии и привести примеры из авторского корпуса «cinema» и дополнительных современных ресурсов (в том числе глоссариев) для иллюстрации соответствующих словообразовательных паттернов.

В XXI веке традиционно выделяются следующие способы словообразования: аффиксация (*affixation*), словосложение (*composition*), конверсия (*conversion*), сокращение (*shortening, abbreviation*), обратная деривация (*back derivation*), стяжение (*blending*), чередование звуков (*sound interchange*) [Базанова, Леонтьева, 2018, с. 37].

По мнению Д. С. Матвеевой, аффиксация – «это образование новой (производной) основы из уже существующей (производящей) основы путём добавления к последней словообразующей частицы – аффикса» [Матвеева, 2010]. Е. М. Базанова и Н. М. Леонтьева классифицируют суффиксы по частям речи: суффиксы существительных *-er/or, -ness, -ing, -dom, -hood, -ship*; прилагательных *-ful, -less, -y, -ish, -ly, -en, -some*; глаголов *-en*; наречий *-ly* [Базанова, Леонтьева, 2018, с. 39]. С. Я. Янутик делает важное наблюдение и отмечает, что аффикс, а также формант или форматив является морфемой, которая присоединяется к корню и служит для образования слов. Аффиксы могут быть словообразовательными, такими как, например, *-ness, pre-* и флексийными, как *-s, -ed* [Янутик, 2013, с. 80]. Следует подчеркнуть, что выделяются продуктивные аффиксы, например, *-ness* и менее продуктивные аффиксы, например, *-ish* [Plag, 2002, p. 55].

Говоря о способах образования терминов телевидения, О. А. Гурьянова отмечает, что самым продуктивным суффиксом однословных терминов является суффикс *-er (-or)*, при помощи которого образованы существительные, обозначающие лицо, механизм или агрегат, которые производят определённое действие [Гурьянова, 2013, с. 132].

О. М. Лашкевич пишет, что «наряду с традиционно выделяемыми типами словообразования (суффиксация, словосложение, усечение и конверсия) всё большее распространение получают слова, образованные с помощью аббревиации, слияния морфем и их частей (*blending* в англоязычной терминологии) и различные смешанные типы лексических единиц» [Лашкевич, 2007, с. 45–46]. Не вызывает сомнения тот факт, что в настоящее время происходит заметное увеличение количества слов, образованных новыми способами в связи с тенденцией передавать максимальный объём информации, используя минимальные языковые средства.

Следует подчеркнуть, что аббревиатуры и сокращения занимают особое место в терминологии кинематографа. Т. В. Максимова справедливо отмечает, что «становление и дальнейшее укрепление сокращения как способа словообразования не могли состояться без социальных факторов, роль которых нельзя не отметить» [Максимова, 2003, с. 85]. Ученый выделяет несколько факторов: принцип экономии, необычность формы, ко-

торая отражает иное отношение говорящего, разнообразные прагматические причины [Максимова, 2003, с. 86]. Наблюдения учёного подтверждают тенденцию языка, связанную с унификацией и максимальным упрощением лексики в связи с потребностями современного общества.

Т. А. Прошина полагает, что «основным приёмом пополнения словарного состава языка нестандартной лексикой является семантическая деривация, в результате которой происходит расширение смыслового объёма слова литературного стандарта за счёт появления в нём просторечных лексико-семантических вариантов» [Прошина, 2010]. Учёный добавляет, что при образовании нестандартной лексики используются те же аффиксы, что и в нейтральной лексике, но в сленге они приобретают более широкий спектр значений [Прошина, 2010].

Важно подчеркнуть, что нестандартная лексика, являющаяся особенностью специального языка киноиндустрии, включает в себя и словообразовательные неологизмы (*derivational neologisms*). В данную группу попадают слова, структура которых не может быть объяснена, исходя из известных морфологических процессов [Štekauer, Lieber, 2005, p. 430]. В связи с этим предметом особого внимания могут быть термины, включающие в один из компонентов имя собственное. В. А. Батиг приводит интересные примеры с именами известных режиссёров, например, *bressozusian*, *hitchcockenbergian*, *peckinwoodiari* [Батиг, 2013, с. 102].

Таким образом, появление лексики, образованной разными способами, подчёркивает непрерывный процесс развития языка в целом и подязыка киноиндустрии – в частности. Учитывая общую высокую частотность аффиксации, мы ожидаем, что она будет одним из наиболее часто встречаемых способов словообразования и в терминологии киноиндустрии.

2. Способы словообразования терминологии кино и их особенности

2.1 Материал и методика исследования

Объектом проводимого исследования является англоязычная терминология киноиндустрии, а предметом исследования выступают словообразовательные модели. Исследование проводилось на материале 298 терминов (имён существительных), полученных из авторского узкого электронного корпуса «cinema» объёмом 1051528 слов, скомпилированного на материале 34 выпусков журнала «American Cinematographer» на платформе «Sketch Engine». Таким образом, был применён корпусной подход, который состоял ещё и в том, что 1) при отборе материала для исследования мы руководствовались критерием частотности; 2) в число отобранных нами терминов входит, помимо стандартной, и нестандартная лексика – профессиональные жаргонизмы.

В исследовании использовались следующие методы:

- 1) теоретико-лингвистический анализ литературы;
- 2) лингвистический метод, характерный для терминоведения: анализ словарных толкований терминов и переводных вариантов с точки зрения их нормативности;
- 3) определение способа словообразования с помощью соответствующих словообразовательных методик;
- 4) статистический метод и метод компьютерного анализа, используемые при обработке информации из авторского корпуса.

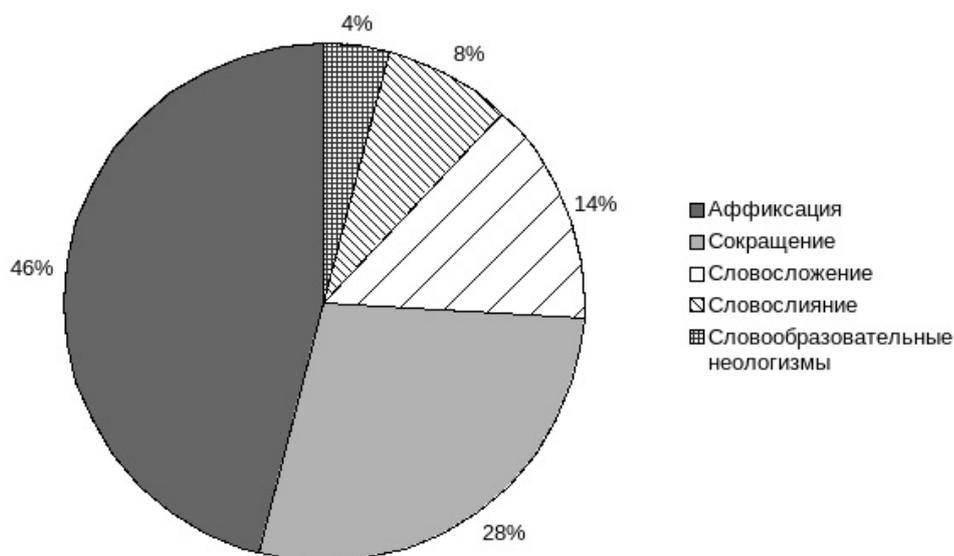
2.2 Обсуждение результатов

Терминология предметной области «киноиндустрия» формируется в результате следующих способов словообразования: аффиксации, словослияния, словосложения,

сокращения, словообразовательных неологизмов. Количественные параметры представлены в таблице 1, графическое изображение количественных показателей представлено на круговой диаграмме на рисунке 1, которая наглядно показывает наиболее высокую частотность терминов, образованных аффиксальным способом (в сравнении с другими способами). В таблице 2 даётся классификация видов сокращений с примерами из анализируемого материала.

Т а б л и ц а 1. Количественные показатели способов словообразования

№ способа	Название способа словообразования	Частотность встречаемости в абсолютных единицах	Частотность встречаемости в процентах
1.	Аффиксация	136	46%
	-er	57	42%
	-or	41	30%
	-pre	28	21%
	-ness	10	7%
2.	Сокращение	82	28%
3.	Словосложение	43	14%
4.	Словослияние	25	8%
5.	Словообразовательные неологизмы	12	4%

Р и с у н о к 1. Изображение способов словообразования с помощью диаграммы

Таблица 2. Количественные показатели видов сокращений

Вид сокращения	Частотность встречаемости в абсолютных единицах	Частотность встречаемости в процентах
1. Сложнослоговое сокращение первых слов сложного слова или словосочетания	9	11%
2. Графическое сокращение	8	10%
3. Аббревиатуры		
а) Инициальные (буквенные)	59	72%
б) Комбинированные, соединяющие усечения с инициальной аббревиатурой	6	7%

Аффиксация справедливо считается самым продуктивным способом словообразования в современном английском языке, поскольку, благодаря ей легко создаются новые производные лексические единицы. В анализируемом материале по частоте встречаемости аффиксы распределились следующим образом: *-er* (42%), *-or* (30%), *-pre* (21%), *-ness* (7%). Примеры терминов со словообразовательным аффиксом: *sharpness*, *prequel*, *pre-production*, *pre-release show*.

В сфере киноиндустрии суффикс *-er* (*-or*) является наиболее популярным и часто используется для образования кинопрофессий, например, *actor*, *adaptator*, *cinematographer*, *cutter*, *gaffer*, *producer*, *screenwriter*, *cable puller*, *director*, *composer*, *animator*. Вместе с тем, он активно применяется для обозначения технических возможностей, например, *rewinder*, *amplifier*, *diffuser*, *lighter*, *stabilizer*, а также для обозначения жанров и поджанров, например, *thriller*, *sleeper*. Самым распространенным суффиксом, который выражает значение активно действующего лица, является рассматриваемый нами ранее суффикс *-er*. Например, термин *wrangler* традиционно обозначает человека, присматривающего за скотом («*someone who looks after horses or other animals on a ranch*») [Cambridge..., 2019]. Применительно к сфере киноиндустрии данный термин обозначает специального человека, который присматривает за любым находящимся на съёмках животным.

В свою очередь способ «словослияние» набирает всё большую популярность в предметной области «киноиндустрия». Например, *biopic* (*biographic picture*), *romcom* (*romantic comedy*), *sitcom* (*situation comedy*), *mockumentary* (*to mock, documentary*), *bromance* (*bro, romance*), *moscap* (*motion capture*), *cinerama* (*cinema, panorama*), *camcorder* (*camera, recorder*), *dramedy* (*drama, comedy*).

Отмечается также наличие способа «словосложения», которым образованы термины в анализируемом материале, например, *cameraman*, *viewfinder*, *filmmaker*, *camerawork*, *artwork*, *stuntman*, *soundstage*, *backlight*, *backlot*, *cinemagoer*, *dollyshot*, *screenwriter*, *storyboard*, *newsreel*, *soundtrack*. Словосложение осуществляется благодаря соединению двух слов, которые впоследствии пишутся слитно. На основе приведённых примеров мы можем сделать вывод, что в результате данного способа образуется часть речи «существительное», а общая семантика слова складывается из семантики каждого входящего в его образование компонента.

Говоря о сокращениях, следует акцентировать внимание на том, что выделяется несколько видов данного типа словообразования. Проиллюстрируем их примерами из терминологии киноиндустрии:

1) сложнослоговые сокращения первых слогов сложного слова или словосочетания *Sci-Fi (Science Fiction)*, *ad-pub (Advertising and Publicity)*;

2) графические сокращения, используемые в письменной речи и не имеющие соответствующей звуковой формы выражения в устной речи *aud (audience)*, *biz (business)*, *vid (video)*, *cris (critics)*, *fave (favourite)*, *SUB (Subtitle)*, *DUB (Dublicated)* [Максимова, 2003, с. 87].

Далее представляется необходимым рассмотреть аббревиатуры, являющиеся видом сокращения, а также представить некоторые примеры данного способа словообразования из сферы киноиндустрии. О. М. Лашкевич разделяет аббревиатуры на несколько групп в зависимости от способа образования:

1) инициальные (буквенные), произносимые в соответствии с названиями букв в алфавите *HFC (Historians Film Committee)*, *IMDB (Internet Movie Date Base)*, *SMPTE (Society of Motion Picture and Television Engineers)*, *ICG (International Cinematographers Guild)*, *PVR (Personal Video Recording)*, *PGA (Producer's Guide of America)*, *OAV (Original Animated Video)*, *VOD (Video on Demand)*, *CGI (Computer-Generated Imagery)*;

2) комбинированные, соединяющие усечение с инициальной аббревиатурой *IMAX (Image Maximum)* [Лашкевич, 2007, с. 50].

Следует выделить ещё одну особенность современного словообразования, а именно наличие словообразовательных неологизмов. Например, имя человека сыграло важную роль в образовании кинопрофессии *foley artist* (специалист по записи шумовых эффектов). Данная профессия названа в честь американца Джека Фоли (1891–1967), который является автором успешных разработок в области звуковых эффектов.

В честь Джона и Антона Клегла, являющихся создателями ярких ламп для Голливуда, было названо профессиональное заболевание *Klieg eyes*, которое обозначает конъюнктивит, вызванный ярким освещением при киносъёмке. В честь дизайнера спецэффектов и режиссёра Дугласа Трамбалла был назван термин *Trumbull's Axiom* и сформулирован один из трюизмов, объясняющий, на что тратится время на съёмочной площадке.

Популярный звуковой эффект *Wilhelm scream* назван в честь солдата по имени Вильгельм из фильма *The Charge at Feather River* (1953 г.). Пронзительный крик героя в одном из эпизодов фильма был настолько естественным, что записанный крик впоследствии стал использоваться во многих фильмах. Имя русского режиссёра легло в основу термина *Kuleshov Effect*, который обозначает эффект сопоставления двух кадров, поставленных рядом при монтаже.

Интересно образование англоязычных кинотерминов, включающих прописную букву английского алфавита (А или В). Например, *A-lister* на киносленге заменяет кинодеятеля самого высокого уровня. Первая буква алфавита в термине обозначает высшую оценку, что является характерной особенностью системы оценивания в учебных заведениях Великобритании и США. Вместе с тем, термины *B-movie*, *B picture* свидетельствуют о кинематографическом продукте невысокого качества.

На основании перечисленных способов и рассмотренных примеров, мы делаем вывод, что процесс словообразования является эффективным инструментом обогащения словарного состава.

3. Заключение

Рассмотрев современные способы словообразования терминов на актуальном языковом материале кинодискурса с применением корпусного подхода, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивными являются аффиксация и сокращения.

Существование словообразовательных аффиксов способствует расширению лексики, обозначающей разнообразные кинопрофессии, техническое оборудование, а также киножанры и поджанры. Отметим, что наиболее часто встречаемым при данном способе словообразования является суффикс *-er*. В свою очередь способ «сокращение» становится всё более популярным в связи с тенденцией экономии языковых средств.

Низкую частотность словообразовательных неологизмов в анализируемом материале можно объяснить тем, что термины, образованные данным способом, относятся к нестандартной лексике и являются узкоспецифичными.

Разнообразные способы словообразования, рассматриваемые в данной статье, способствуют расширению англоязычного терминологического пласта предметной области киноиндустрии. В свою очередь увеличение словарного состава свидетельствует о том, что киноиндустрия и её терминологический аппарат динамично развиваются в силу разных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Выявление языковых особенностей определённой области имеет большую практическую пользу, так как это является подготовительным этапом создания справочной литературы, поскольку найденные особенности могут быть отражены в LSP словарях и учебных глоссариях. На наш взгляд, практическая польза поиска и систематизации принципов словообразования (в частности в сфере киноиндустрии) заключается в необходимости пополнения богатого репертуара справочной литературы новыми сведениями.

Перспектива данного исследования заключается в сравнении способов словообразования в кинодискурсе с другими типами дискурса.

Список литературы

- Базанова, Е. М. Практикум по лексикологии английского языка : учеб. пособие [Текст] / Е. М. Базанова, Н. М. Леонтьева. – М. : Ваше цифровое издательство, 2018. – 129 с.
- Батиг, В. А. Сопоставительный анализ наименования жанров кино в английском и русском языках [Текст] / В. А. Батиг // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2013. – Вып. 2. – С. 99–103.
- Гурьянова, О. А. Способы образования терминов телевидения (на материале английского языка) [Текст] / О. А. Гурьянова // Омский научный вестник. – 2013. – С. 131–134.
- Духовная, Т. В. Структурные составляющие кинодискурса [Текст] / Т. В. Духовная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (43). – Ч. I. – С. 64–66.
- Зайченко, С. С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса [Текст] / С. С. Зайченко // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 74. – С. 96–99.
- Зарецкая, А. Н. Особенности коммуникации адресата и адресанта кинодискурса [Текст] / А. Н. Зарецкая // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология, искусствоведение. – 2011. – Вып. 60. – № 33 (248). – С. 152–154.
- Колодина, Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс [Текст] / Е. А. Колодина // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2 (1). – С. 327–333.
- Лашкевич, О. М. Тенденции словообразования в современном английском языке [Текст] / О. М. Лашкевич // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. – 2007. – № 5. – С. 45–52.
- Маджаева, С. И. Термины в медицинском дискурсе [Текст] / С. И. Маджаева // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 60. – № 33 (248). – С. 92–94.
- Максимова, Т. В. Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке [Текст] / Т. В. Максимова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. – 2003. – Вып. 3. – С. 85–91.
- Маник, С. А. Новое в современной лексикографии и терминологии [Текст] / С. А. Маник // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. –

- № 1. – С. 223–227. – Рец. на кн.: Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook / ed. by O. Карпова, F. Kartashkova. – Cambridge scholar publishing, 2009.
- Маник, С. А. Общее описание терминологии общественно-политической жизни [Электронный ресурс] / С. А. Маник // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1 (21). – URL : www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 15.04.2019).
- Маник, С. А. К вопросу создания учебно-справочного пособия «Cinematography» (на материале английского языка) [Текст] / С. А. Маник, Н. А. Шамова // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2018 – Т. 24. – № 2. – С. 235–239.
- Матвеева, Д. С. Полисемантика аффиксального способа словообразования в современном английском языке [Текст] / Д. С. Матвеева // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 4. – С. 7–16.
- Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М., 2004. – 432 с.
- Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Назмутдинова Светлана Сергеевна ; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2008. – 18 с.
- Прошина, Т. А. Нестандартная лексика английского языка [Текст] / Т. А. Прошина // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 1. – С. 116–119.
- Слышкин, Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей, Publishers, 2004. – 153 с.
- Туранин, В. Ю. К вопросу об использовании терминов и понятий в рамках юридического дискурса [Текст] / В. Ю. Туранин // Наука. Искусство. Культура. – Вып. 1 (13). – 2017. – С. 103–109.
- Шамова, Н. А. Языковая специфика письменного кинодискурса на основе анализа авторского корпуса «cinema» [Текст] / Н. А. Шамова // Общие и частные вопросы филологии / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016 – С. 70–75.
- Шамова, Н. А. Электронный корпус предметной области «Cinematography» как инструмент при разработке учебно-справочного пособия на английском языке [Текст] : дис. ... магистра филологии 45.04.01 / Шамова Надежда Александровна ; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2018. – 128 с.
- Янутик, С. Я. Особенности словообразовательной аффиксации в английском языке [Текст] / С. Я. Янутик // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 20. – № 27 (170). – С. 79–84.
- Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/wrangler> (дата обращения: 15.04.2019).
- Plag, I. Word-formation in English [Text] / I. Plag. – Cambridge University Press, 2002. – 254 p.
- Štekauer, P. Handbook of Word-formation [Text] / P. Štekauer, R. Lieber. – Springer, 2005. – 470 p.

References

- Bazanova, E. M., Leont'eva, N. M. (2018). *Praktikum po leksikologii angliyskogo yazyka* [A practical course in English Lexicology]. Moscow.
- Batig, V. A. (2013). Sopostavitel'nyy analiz naimenovaniya zhanrov kino v angliyskom i russkom yazykah [Comparative analysis of cinema genre nomination in the Russian and English languages]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism.], 2, 99–103.
- Gur'yanova, O. A. (2013). Sposoby obrazovaniya terminov televideniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Means of word formation of English television terms]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 131–134.
- Duhovnaya, T. V. (2015). Strukturnye sostavlyayushchie kinodiskursa [Structural components of film discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1 (43), 64–66.

- Zaychenko, S. S. (2013). K voprosu o znakovoy neodnorodnosti kinodiskursa [To the problem of sign heterogeneity in film discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 74, 96–99.
- Zaretskaya, A. N. (2011). Osobennosti kommunikatsii adresata i adresanta kinodiskursa [Features of communication of the addresser and addressee in cinema discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology. Arts], 60 (33), 152–154.
- Kolodina, E. A. (2013). Status kinodialoga v ryadu sopolozhennykh ponyatij: kinodialog, kinotekst, kinodiskurs [The status of film dialogue among the related concepts: film dialogue, film text, film discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2 (1), 327–333.
- Lashkevich, O. M. (2007). Tendentsii slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke [Word-building tendencies in modern English]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 5, 45–52.
- Madzhaeva, S. I. (2011). Terminy v medicinskom diskurse [Terms in medical discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 60 (33), 92–94.
- Maksimova, T. V. (2003). Sovremennye tendentsii razvitiya sokrashcheniya kak sposoba slovoobrazovaniya v angliyskom yazyke [Modern trends in the development of reduction as a method of word formation in the English language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2 : Linguistics], 3, 85–91.
- Manik, S. A. (2010). Novoe v sovremennoy leksikografii i terminologii [New in modern lexicography and terminology] (Review on the book: Lexicography and terminography: A worldwide outlook ed. by O. Karpova, F. Kartashkova). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 1, 223–227.
- Manik, S. A. (2013). Obshchee opisanie terminologii obshchestvenno-politicheskoy zhizni [General description of terminology of socio-political life]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 1 (21). Retrieved April 15, 2019 from <www.sisp.nkras.ru >.
- Manik, S. A., Shamova, N. A. (2018). K voprosu sozdaniya uchebno-spravochnogo posobiya «Cinematography» (na materiale angliyskogo yazyka) [On creating learner's reference book «Cinematography» (case study of the English language)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 24 (2), 235–239.
- Matveeva, D. S. (2010). Polisemantika affiksalnogo sposoba slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke [Polysemantics of affixal means in word-formation in modern English]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky Univeristy after V. N. Tatischev], 4, 7–16.
- Mechkovskaya, N. B. (2014). *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: kurs lektsiy* [Semiotics: Language. Nature. Culture: A course of lectures]. Moscow.
- Nazmutdinova, S. S. (2008). *Garmoniya kak perevodcheskaya kategoriya (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo kinodiskursa)* [Harmony as a translation category (Based on Russian, English, French film discourse)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tyumen' : University of Tyumen.
- Proshina, T. A. (2010). Nestandartnaya leksika angliyskogo yazyka [Non-standard English vocabulary]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State Uneveristy. Series 2: Philology and the Arts], 1, 116–119.
- Slyshkin, G. G., Efremova, M. A. (2004). *Kinotekst: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* [Cinema text: experience of linguoculturological analysis]. Moscow.
- Turanin, V. Yu. (2017). K voprosu ob ispol'zovanii terminov i ponyatij v ramkakh yuridicheskogo diskursa [On the use of terms and concepts within the legal discourse]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Arts. Culture], 1 (13), 103–109.

- Shamova, N. A. (2016). Yazykovaya spetsifika pis'mennogo kinodiskursa na osnove analiza avtorskogo korpusa «cinema» [Language specificity of the written film discourse based on the analysis of the author's cinema corpus]. In N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva (Eds.), *Obshchie i chastnye voprosy filologii* [General and specific questions of philology] (pp. 70–75); Cheboksary : I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Press.
- Shamova, N. A. (2018). *Elektronnyy korpus predmetnoy oblasti «Cinematography» kak instrument pri razrabotke uchebno-spravochnogo posobiya na angliyskom yazyke* [Electronic corpus of the subject field «Cinematography» as a tool for compiling learner's reference book in English]. Master's thesis in Philological sci. Ivanovo : Ivanovo State University.
- Yanutik, S. Ya. (2013). Osobennosti slovoobrazovatel'noy affiksatsii v angliyskom yazyke [On the peculiarities of word-formation with affixes in modern English language]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 20 (27), 79–84.
- Cambridge Dictionary. Retrieved April 15, 2019 from <<https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/anglijskij/wrangler>>.
- Plag, I. (2002). *Word-formation in English*. Cambridge University Press.
- Štekauer, P. Lieber, R. (2005). *Handbook of Word-formation*. Springer.

УДК 81'42

UDC 81'42

Шустова Светлана Викторовна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanashust@mail.ru

Царенко Наталья Михайловна
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация
Natalia M. Tsarenko
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russian Federation
shibalovanata6a@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ **PRAGMATIC POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS**

Аннотация

В настоящей статье выделяются прагматические функции дискурсивных маркеров, представляющих собой языковые единицы, структурирующие дискурс. Предлагаемая тема является актуальной не только с позиций теории языка, но и лингводидактики, в частности – прагмалингводидактики. В центре внимания авторов находится прагматический потенциал грамматических дискурсивных маркеров. К таковым относятся прагматические идиомы, инфинитивные конструкции и разделительные вопросы. Согласно результатам анализа данных четырёх корпусов английского языка (BNC, COCA, NOW, iWeb), указанные грамматические дискурсивные маркеры выполняют целый ряд функций: этикетную, побуждение к действию, упрек, сожаление и другие, обладая при этом полифункциональностью. Наряду с грамматическими дискурсивными маркерами затрагивается вопрос о функциональных особенностях лексических дискурсивных маркеров. Поскольку лексические дискурсивные маркеры определяют синтаксическую структуру предложения, они также способны выполнять грамматическую прагматическую функцию. Их смысловая функция заключается в выражении степени уверенности говорящего и его отношения к сообщаемой информации. Целе направленное обучение правилам употребления дискурсивных маркеров позволяет соблюдать важнейшие принципы дискурсивности и аутентичности при обучении иностранному языку.

Abstract

The present article aims to outline the pragmatic functions of discourse markers viewed as language items structuring discourse. This issue requires thorough research not only from the language theory viewpoint but from linguodidactic, particularly pragmalinguodidactic, viewpoint as well. We focus on the pragmatic potential of grammatical discourse markers. These are pragmatic idioms, infinitive constructions and tag questions. The results of the material analysis from the 4 English corpora (BNC, COCA, NOW, iWeb) enabled to demonstrate the complex of functions that these grammar patterns perform in the discourse: etiquette, motivation for action, reproach, regret etc., they are also characterized by polifunctionality. In addition to grammatical discourse markers, the issue of functional patterns of lexical discourse markers is addressed. As far as they determine the syntactic pattern of a sentence, they can perform grammatical pragmatic function as well. Their meaning is to express the degree of certainty of the speaker about the information given in the utterance. Intentional training of L2 learners in the use of discourse markers patterns enables to maintain the principles of authentic discourse-based approach to teaching a foreign language.

Ключевые слова: прагматические функции, дискурсивный маркер, лингводидактика, прагмалингводидактика, прагматизация обучения, прагматический потенциал, грамматический дискурсивный маркер, лексический дискурсивный маркер.

Keywords: pragmatic functions, discourse marker, linguodidactics, pragmalinguodidactics, pragmatism of education, pragmatic potential, grammatical discourse marker, lexical discourse marker.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_163_170

1. Введение

В настоящее время отмечается возрастающий интерес к вопросам, касающимся организации дискурса и дискурсивного анализа. Дать чёткое определение понятию «дискурс» представляется непростой задачей, так как теория дискурса не является однозначным явлением, поскольку собственно категория дискурса предполагает определённую идеологическую основу, ориентированную как на персональные воззрения отдельного индивида, так и на представления, сложившиеся в рамках целой лингвокультуры [Команова, 2018, с. 9]. Т. ван Дейк рассматривает дискурс в узком и широком смысле. В широком смысле дискурс представляет комплексное коммуникативное событие (речевое, письменное, включает вербальные и невербальные составляющие), реализуемое в определённом темпоральном и пространственном контексте. В узком смысле дискурс (текст / разговор) включает, как правило, только вербальную составляющую коммуникативного действия [Dijk van, 1998, p. 191].

Цельность и связность дискурса рассматриваются как важные черты, способствующие организации смысловой связности в качестве языкового средства для выполнения этой функции выступают дискурсивные маркеры. Дискурсивный маркер представляет собой феномен дискурса, функциональный потенциал которого в настоящее время тщательно исследуется. Дискурсивные маркеры имеют широкую палитру номинаций: дискурсивные слова, дискурсивные маркеры, дискурсивные частицы, прагматы, незначащие слова маркеры дискурса, прагматические операторы и др. (см., напр., [Blackmore, 1987 ; Schiffrin, 1987 ; Fraser, 1999 ; Вишневская, 2015 ; Когут, 2016 ; Кравченко, 2016 ; Санжеева, 2017 ; Blühdorn, 2017]).

2. Грамматические дискурсивные маркеры

В центре нашего внимания находятся грамматические дискурсивные маркеры, частично затрагиваются вопросы функционирования лексических дискурсивных маркеров. Несмотря на возросшее количество работ, посвящённых дискурсивным маркерам, их прагматические функции требуют более пристального внимания. Объектом для исследования послужили английские 1) грамматические дискурсивные маркеры: а) прагматические идиомы, б) инфинитивные конструкции, в) разделительные вопросы; 2) лексические дискурсивные маркеры. Предмет исследования составили их функции и особенности употребления. Для определения прагматических функций указанных дискурсивных маркеров было принято решение обратиться к корпусам английского языка. Были использованы данные следующих корпусов: Британский национальный корпус английского языка (British National Corpus) (BNC), Корпус новостей в сети Интернет (News on the Web Corpus) (NOW), Корпус современного американского английского (Corpus of Contemporary American English (COCA), Корпус сети Интернет (Word Web Corpus) (iWeb).

2.1. Прагматические идиомы

Результаты анализа данных четырёх корпусов английского языка показывают, что употребление прагматической идиомы «*Could you...?*» предполагает выполнение четырёх функций:

1) этикетная, одновременно выражающая повышенную степень уважения к собеседнику и некую неуверенность в возможности выполнения действия:

- *Could you please announce this on your show?* [BNC].
- *Excuse me, could you take me to the bee pollen, please?* [NOW].
- *Please, could you take this with you on the boat?* [COCA].
- *Could you write a schematic, please* [iWeb].

2) побуждение к действию:

- *Could you wind up, please?* [BNC].
- *Excuse me, Miss, could you give us some change, please?* [NOW].
- *Could you briefly introduce your study and findings?* [COCA].
- *Could you write a poem for my mom's birthday?* [iWeb].

3) просьба о разрешении к действию:

- *Okay, could you let me talk to the driver?* [BNC]
- *Could you let us in?* [NOW].
- *Could you let me help you?* [COCA].
- *Could you let us pass?* [iWeb].

4) упрек или сожаление о совершенном действии, дополнительная экспрессия которого создается при помощи вопросительного слова *how*:

- *How could you then leave, leave both children?* [BNC].
- *How could you do that to your grandchildren?* [NOW].
- *How could you think I would mess with your brother?* [COCA].
- *How could you possibly be a friend and NOT KNOW THAT?!?!?* [iWeb].

Для прагматической идиомы «*Could you...?*» характерна полифункциональность. Этикетная функция присуща практически всем высказываниям, также модальный глагол *could* несколько снижает категоричность высказывания и вероятность совершения действия, и степень уверенности. Вопросительное слово *how*, напротив, усиливает категоричность высказывания и актуализирует аспект прошедшего времени, заложенный в модальном глаголе *could*, подчёркивая свершение последующего действия.

Следующая прагматическая идиома «*Would you ...?*» так же является полифункциональной прагматической единицей, для которой характерны следующие три функции:

1) этикетная в сопровождении с некоторой степенью неуверенности:

- *Would you, please, sit?* [BNC].
- *What wine would you like to order, sir?* [NOW].
- *Would you like to walk down to the garden, Gran?* [COCA].
- *Would you, please, go away?* [iWeb].

2) вероятность действия:

- *Would you assist him in that?* [BNC].
- *Would you allow me to see Sarek?* [NOW].
- *Would you explain, Mrs. Whiddle?* [COCA].
- *Would you, please, go away?* [iWeb].

3) условность:

- *Would you be happy if someone jumped at you with two feet?* [BNC].
- *What advice would you give to young, amateur coaches?* [NOW].
- *Would you have reservations about adding a female player to your team?*

[COCA].

- *What would you do when you get there?* [iWeb] (Приложение 1.2.).

Прагматическая идиома «*Would you like...?*» всегда выполняет этикетную прагматическую функцию и предполагает удовлетворение определённого желания собеседника, например:

- *Which one would you like to try?* [BNC].
- *What wine would you like to order, sir?* [NOW].
- *Which Game of Throne prequel would you like to see?* [COCA].
- *Would you like some coffee, Mr.–?* [iWeb].

«*Would you mind...?*», являясь прагматической идиомой, обладает постоянной неизменной функцией повышенной степени вежливости, уважительного отношения к собеседнику и параллельно выполняет три другие функции:

1) вопросительная:

- *Would you mind that? "Of course not."* [BNC].
- *Honey, would you mind...?* [NOW].
- *Would you mind coming with me?* [COCA].
- *Would you mind helping lift this?* [iWeb].

2) косвенное побуждение к действию:

- *Would you mind leaving us, Christina?* [BNC].
- *Would you mind telling me why you're here?* [NOW].
- *Would you mind telling me what wages you paid him?* [COCA].
- *Would you mind covering your mouth when you cough or sneeze?* [iWeb].

3) разрешение к действию:

- *Would you mind very much if I stretched my legs?* [BNC].
- *Would you mind if I used this lane?* [NOW].
- *Would you mind if I bought you a coffee or something?* [COCA].
- *Alice, would you mind if I spoke with Miss York in private?* [iWeb].

2.2. Инфинитивные конструкции

Инфинитивные конструкции, в большинстве случаев иницирующие высказывание (*to begin with, to start with, to sum up, to be sure, to tell the truth, to put it mildly, to cut a story short, to say the least of it* и др.), также могут рассматриваться в качестве грамматических дискурсивных маркеров. Как таковой сложности в плане грамматического строя языка эти дискурсивные маркеры не вызывают, так как представляют собой вводную конструкцию, которая способствует организации дискурса. При усвоении и использовании данного конструкта в речи следует обратить внимание на клишированность, которая исключает какие-либо дополнительные элементы в структуре инфинитива, что может не соблюдаться при недостаточном уровне прагмалингвистической компетенции.

Итак, грамматические дискурсивные маркеры *to begin with, to start with, to sum up, to cut a story short* выполняют функции по организации дискурса, указанию стадильности, последовательной связи мыслей и выстраиванию логики высказывания. Они также придают точность и объективность высказыванию. Нижеследующие примеры демонстрируют особенности употребления инфинитивных дискурсивных маркеров:

- *To begin with, it wasn't easy to get his own clientele base* [NOW].
- *To begin with, British built trains were used in foreign countries* [iWeb].
- *To start with, the record company will pay the costs of the recording studio* [BNC].
- *To sum up, they are not a popular bunch* [NOW].
- *To sum up, the answer to supposition two is yes* [COCA].
- *To cut a story short, we do not know* [BNC].
- *To cut a story short, T cracked the interview and got promoted* [iWeb].

Не все употребления в корпусах английского языка организующих инфинитивных конструкций являются дискурсивными маркерами, которые, как правило, выделяются запятыми. Данные конструкции также могут выполнять роль придаточного предложения или являться частью сказуемого, подлежащего, дополнения, например:

- *Let's remember why he intervened to begin with* [NOW].
- *Well it's never too late to start with good skin care* [BNC].
- *Be sure to start with your goal in mind* [iWeb].
- *To sum up all the recent returns would be a harrowing litany* [COCA].

Инфинитивные конструкции типа *to tell the truth, to put it mildly, to say the least of it* позволяют говорящему выразить своё отношение к описываемым событиям, дать личностную эмоциональную оценку.

Следующие предложения содержат эмоциональные инфинитивные дискурсивные маркеры:

- *To tell the truth, Frank Mir is a pretty powerful guy himself* [NOW].
- *To tell the truth, I'm a little shell-shocked* [iWeb].
- *To put it mildly, this is misguided and misleading nonsense* [BNC].
- *To put it mildly, you're right* [COCA].
- *To say the least of it, this scheme is clumsy and over-complicated* [BNC].
- *This must, to say the least of it, have been an interesting process* [NOW].

To tell the truth в части предложений выполняет не дискурсивную функцию, а функцию предиката:

- *I try to tell the truth as much as possible, no matter how raw it might be* [NOW].
- *Can you tell me what it means to tell the truth?* [COCA].
- *You asked me to tell the truth* [iWeb].

Грамматические дискурсивные маркеры *to be sure* и *to use your own words* выполняют функцию аргументации, когда говорящий пытается убедить своего собеседника в достоверности сказанного. Нижеследующие предложения демонстрируют аргументативную функцию инфинитивных дискурсивных маркеров:

- *To be sure, packs may bud off daughter packs* [BNC].
- *To be sure, this is a mixed blessing* [COCA].
- *To use your own words, this is caveman stuff* [NOW].
- *Those, to use your own words, 'creepy, perverted vids* [iWeb].

В группе выражения *to be sure* и *to use your own words* выступает в качестве предиката придаточного предложения, либо частью предиката:

- *It's just to be sure that you have the feeling that you can win* [NOW].
- *I want you to use your own words here* [COCA].
- *This practice forces you to use your own words* [iWeb].

2.3. Разделительные вопросы

Разделительные вопросы (*Tag-questions*) также можно рассматривать в качестве грамматических дискурсивных маркеров. Создание окончания разделительного вопроса может вызывать ряд трудностей у студентов и требует чёткого понимания грамматической структуры предложения и прагматической цели высказывания.

Основной прагматической функцией разделительного вопроса является подтверждение информации у собеседника или проверка его внимательности. Данная функция выполняется, если вопрос задаётся с нисходящей интонацией.

- *The God created the world but he's not meaning it in that respect, is he?*
- *You're familiar with the tragedies of antiquity, aren't you?*
- *They're not actually losing much by giving to us, are they?*

Если интонация в окончании вопроса восходящая, то выполняется вопросительная функция. Разница в интонации параллельно выполняет функцию демонстрации уверенности говорящего в сообщаемой информации: восходящая интонация – высокая степень уверенности, нисходящая – соответственно низкая [Murphy, 2003, p. 102].

Ряд разделительных вопросов имеет грамматические особенности использования того или иного вопросительного окончания. Так императивные высказывания, начинающиеся с *Don't* в качестве окончания требуют *will you?* (*Don't make any noise, will you?*). В данном контексте прагматическая особенность повелительного предложения обладает повышенной степенью вежливости и снижает степень категоричности высказывания. Высказывания с побуждением к действию *Let's* требуют окончания в форме модального глагола *shall we?* (*Let's sit in the garden, shall we?*) [Estwood, 2011, p. 102].

Ответы на разделительные вопросы так же реализуют прагматическую составляющую. Ответ «да» (*yes*) выражает согласие с утвердительной частью разделительного вопроса, а ответ «нет» (*no*) отрицает её:

- *Marco works for Zedco, doesn't he? – Yes he does. (He works for Zedco).*
- *Melania doesn't eat meat, does she? – Yes, I think she does. (She eats meat).*
- *Claire is married, isn't she? – No, of course she isn't. (She isn't married).*
- *Andrew hasn't got many friends, has he? – No. (He hasn't got many friends) [там же].*

3. Лексические дискурсивные маркеры

Лексические дискурсивные маркеры *definitely*, *certainly*, *probably*, выражающие степень уверенности говорящего и его отношение к сообщаемой информации, определяют синтаксическую структуру предложения, тем самым выполняя грамматическую прагматическую функцию. Приведём примеры предложений, содержащих лексические дискурсивные маркеры:

- *Yes, she's definitely going, isn't she?*
- *I definitely didn't say that [BNC].*
- *The Raptors will probably need some luck to make that happen*
- *You probably won't see him at the May 3 premiere [NOW].*
- *You can certainly write Lolita Dolores del Rio in Spanish...*
- *You most certainly will not take the truck [COCA].*
- *He is probably more scared of me than I am of him.*
- *In that case, Gatsby certainly wouldn't be Gatsby, now, would he?*
- *Anyway, I definitely have not solved the toenails yet [iWeb].*

Использование данных дискурсивных маркеров требует определённой синтаксической структуры предложения. Если предложение утвердительное и имеет составное глагольное сказуемое, то дискурсивный маркер занимает положение между частями предиката. В случае отрицательного высказывания, дискурсивный маркер занимает положение сразу после подлежащего, перед отрицательной частью сказуемого.

4. Заключение

Прагматический потенциал грамматических дискурсивных маркеров заключается в совокупности функций, которые они реализуют в дискурсе. Изучаемые единицы выполняют структурную и смысловую функции при организации текста, обладают высоким коммуникативным и прагматическим потенциалом. Поскольку лексические дискурсивные маркеры определяют синтаксическую структуру предложения, они также выполняют грамматическую прагматическую функцию.

С помощью дискурсивных маркеров реализуются межличностные отношения, уточняется их характер, снижается или, наоборот, усиливается конфликтогенность в целом. Особая роль отводится дискурсивным маркерам в аспекте уточнения полученной информации (*другими словами, иными словами, точнее сказать, лучше сказать, говоря другими словами, говоря иными словами, как то, то есть, иначе говоря*), расширения объёма информации (*для подтверждения, в доказательство, в качестве доказательства, как вариант, в качестве примера, в качестве варианта*), усиления (*в таком случае, в этом случае, таким образом, в результате, итак*). Дискурсивные маркеры придают тексту динамику, модифицируют его в коммуникативное событие, создают определённую тональность, обусловленную в том числе и персональным дейксисом. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров обусловлен интенциональностью, актуализируемой адресантом и адресатом.

Обобщив данные анализа дискурсивных маркеров, необходимо отметить, что их прагматический потенциал реализуется в дискурсе, следовательно, принципы дискурсивности и аутентичности при обучении использованию дискурсивных маркеров в рамках коммуникативно-когнитивного подхода полностью реализуются. При изучении прагматического потенциала дискурсивных маркеров повышается коммуникативность обучения, лингвопознавательная мотивация и интеркультурное взаимодействие. Соблюдается принцип функциональности путём прагматизации коммуникации в учебной ситуации.

Список литературы

- Вишневская, Г. М. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи [Текст] / Г. М. Вишневская, О. А. Загороднова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – Вып. 2. – С. 65–69.
- Когут, С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале). [Текст] : дисс... канд. филол. наук : 10.02.19 / Когут Светлана Валерьевна ; Томский политех. ун-т. – Томск, 2016. – 171 с.
- Команова, А. Ю. Функционирование фразеологизмов с элементами цветообозначения в англоязычном медиадискурсе [Текст] : дисс... канд. филол. наук : 10.02.04 / Команова Алла Юрьевна ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2018. – 164 с.
- Кравченко, Е. В. Модальная частица *ba*: эволюция, особенности функционирования и основные значения [Текст] / Е. В. Кравченко // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – Вып. 2. – № 4. – С. 114–122.
- Санжеева, Л. Ц. Прагматический аспект использования английских дискурсивных маркеров в разговорной речи [Текст] / Л. Ц. Санжеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 6. – С. 53–60.
- Blackmore, D. Semantic Constraints on Relevance [Text] / D. Blackmore. – Oxford, UK; New York, NY, USA: Blackwell, 1987. – 168 p.
- Blühdorn, H. Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status [Text] / H. Blühdorn, Th. A. Deppermann, H. Helmer // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen. Spranz-Fogasy (Hg.). – Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung, 2017. – S. 311–336.
- Dijk, T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach [Text] / T. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 390 p.
- Fraser, B. What Are Discourse Markers? [Text] / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 931–952.
- Schiffrin, D. Discourse Markers [Text] / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
- Murphy, R. English Grammar in Use. Second Edition [Text] / R. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 350 p.
- Estwood, J. Oxford Practice Grammar. Intermediate [Text] / J. Estwood. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 439 p.

Источники иллюстративного материала

- BNC – British National Corpus [Electronic Resource]. – URL : <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.05.19).
- COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic Resource]. – URL : <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.05.19).
- NOW – NOW Corpus (News on the Web) [Electronic Resource]. – URL : <https://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения: 23.04.19).
- iWeb – iWeb Corpus [Electronic Resource]. – URL : <https://corpus.byu.edu/iweb/> (дата обращения: 17.05.19).

References

- Vishnevskaya, G. M., Zagorodnova, O. A. (2015). Metazykovye svoystva diskursivnykh markerov v razlichnykh stilyakh rechi [Metalinguistic features of discourse markers in different speech styles]. *Verhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], 2. 65–69.
- Kogut, S. V. (2016). *Diskursivnye markery v nauchnom tekste: etnokul'turnyy i diskursivnyy aspekty (na russkom i nemetskom yazykovom materiale)* [Discursive markers in the scientific text: Ethnocultural and discursive aspects (Based on Russian and German)]. PhD in Philological sci. diss. The National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk.
- Komanova, A. Yu. (2018). *Funktsionirovanie frazeologizmov s elementami tsvetooboznacheniya v angloyazychnom mediadiskurse* [The functioning of phraseological units with elements of color terms in the English-language media discourse]. PhD in Philological sci. diss. Belgorod State University. Belgorod.
- Kravchenko, E. V. (2016). Modal'naya chastitsa 吧 ba: evolyutsiya, osobennosti funktsionirovaniya i osnovnye znacheniya [The modal particle 吧 ba: evolution, functioning patterns and basic meaning]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (4), 114–122.
- Sanzheeva, L. Ts. (2017). Pragmaticheskij aspekt ispol'zovaniya anglijskih diskursivnykh markerov v razgovornoj rechi [Pragmatic aspect of the use of English discourse markers in spoken language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 6, 53–60.
- Blackmore, D. (1987). *Semantic constraints on relevance*. Oxford, UK; New York, NY, USA : Blackwell.
- Blühdorn, H., Deppermann, Th. A., Helmer, N. (2017). Diskursmarker: Pragmatische Funktion und syntaktischer Status. *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Spranz-Fogasy (Hg.) (S. 311–336). Göttingen : Verlag für Gesprächsforschung.
- Dijk, T. van. (1998). *Ideology: A multidisciplinary approach*. London : Sage.
- Fraser, B. (1999). What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952.
- Schiffirin, D. (1987). *Discourse markers*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Murphy, R. (2003). *English Grammar in Use. Second Edition*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Estwood, J. (2011). *Oxford Practice Grammar. Intermediate*. Oxford : Oxford University Press.

Illustration material sources

- BNC – British National Corpus. Retrieved May 20, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/bnc/>>.
- COCA – Corpus of Contemporary American English. Retrieved May 20, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/coca/>>
- NOW – NOW Corpus (News on the Web). Retrieved May 23, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/now/>>.
- iWeb – iWeb Corpus. Retrieved May 17, 2019 from <<https://corpus.byu.edu/iweb/>>.

УДК 811.512.212, 81'33

UDC 811.512.212, 81'33

**Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна,
Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна**
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
bulatovany@gmail.com

Хань Юфэн
Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям
г. Харбин, КНР
Han Youfeng
Research Institute for Interethnic Relations
Harbin, China

Мэн Шусянь
Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР
Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China
mahayer_111@sina.com

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ОРОЧОНСКОМ И ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКАХ***
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NOUN IN OROCHON AND EVENKI

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа грамматических категорий имени существительного (числа, склонения и притяжательности) ороchonского языка и способов их образования. В ходе исследования установлено, что, как и в других тунгусских языках, основным морфологическим показателем грамматических форм в ороchonском языке является аффикс. Сопоставление полученных данных со сведениями об аналогичных грамматических категориях эвенкийского языка, представленных в научной литературе, обнаруживает близость грамматических систем двух генетически схожих языков. Анализ категории числа демонстрирует соответствие образования форм единственного и множественного числа эвенкийских и ороchonских существительных. Существительные в единственном числе не имеют специ-

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

ального морфологического показателя. Суффиксы множественного числа эвенкийских и ороchonских существительных эквивалентны. Сопоставление падежной парадигмы эвенкийского и ороchonского языков свидетельствует о соответствии падежных суффиксов в винительном, дательном, направительном и местном падежах. Анализ категории притяжательности двух языков выявил корреляцию аффиксов притяжательности существительных 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Возвратно-притяжательные аффиксы эвенкийского и ороchonского языков обнаруживают полное сходство в единственном числе и частичное сходство – во множественном.

Abstract

The current article presents the results of the Orochon noun categories study (number, declension and possessiveness) and their formation patterns. The study showed that as in other Tungusic languages, affix is the main morphological indicator of grammatical forms in the Orochon language. The data resulting from the comparison of Orochon and Evenki noun categories reveal the proximity of the grammatical systems of two genetically similar languages. The category of number of the Evenki and Orochon languages demonstrates the correspondence of formation of singular and plural noun forms. No special morphological indicator is used for Orochon and Evenki nouns in singular. The plural noun suffixes are similar. Case suffixes in the accusative, dative, directive and local case of the Evenki and Orochon languages are equivalent. Correlation of suffixes of the possessive nouns of the 1-st and 3-rd person singular and plural is proven. The reflexive suffixes in Evenki and Orochon reveal complete similarity in the singular and partial similarity in the plural.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, грамматика, морфология, имя существительное, категория числа, категория склонения, категория принадлежности.

Keywords: the Orochon language, Evenki language, grammar, morphology, noun, singular and plural number, noun declension, possessive case.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_171_181

1. Введение

Ороchonы (орочен, ороchol, орончун, олунчун) – малый народ, компактно проживающий на северо-востоке Китайской Народной Республики (горно-таежные районы на севере провинции Хейлундзянь, Автономная Республика Внутренняя Монголия). Исходя из всекитайской переписи населения 2010 года, численность ороchonов Китая составляет 8650 человек.

Ороchonы Китая являются ближайшими генетическими родственниками эвенков, проживающих в южных районах Восточной Сибири (Республика Бурятия) и Дальнего Востока (Амурская область, Забайкальский край). Необходимо отметить, что вплоть до конца первой трети XX века эвенки, живущие в Амурской области, Забайкальском крае и Бурятии носили название «орочоны», а в 1930 году были переименованы в эвенков и включены в состав эвенков по Постановлению правительства страны. Таким образом, можно утверждать, что эвенки России и ороchonы Китая относятся к одной этнической группе, имеющей языковую, культурную, религиозную и психологическую общность. Так, ороchonский и эвенкийский языки принадлежат к алтайской языковой семье тунгусо-маньчжурской группы и имеют статус исчезающих.

Исследования, предпринимаемые китайскими и российскими лингвистами, показывают близость языков в области фонетики, грамматики и лексики (Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Ху Цзэньи, О. Н. Морозова, Б. В. Решетов и др.) [Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013, 2014; Ху Цзэньи, 1986, 2001; Морозова, 2017, 2018; Решетов, 1998]. На сегодняшний день лучше всего изучен фонетический строй ороchonского языка – за последние несколько лет проведен ряд экспериментальных исследований с применением компьютерных программ обработки речевого сигнала (PRAAT) и высокотехнологичных

средств (МРТ), что позволило получить точные данные об артикуляторных и акустических характеристиках ороchonских звуков [Иванашко, 2018; Морозова, 2017, 2018; Morozova 2017]. Активно ведётся работа и по изучению лексического состава ороchonского языка – составляются словари и справочники [Морозова, 2017, 2018]. Однако труды, посвященные грамматическим аспектам языка ороchonов, немногочисленны и, в большинстве своём, фрагментарны. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью упорядочивания и классификации имеющихся на сегодняшний день данных о грамматическом строе ороchonского языка.

Целью работы является описание грамматических категорий имени существительного и способов их образования в эвенкийском и ороchonском языках. Полученные данные сопоставляются со сведениями научной литературы о формах и способах образования существительного в эвенкийском языке.

2. Эксперимент

2.1 Материал исследования

Материалом для исследования послужили аудиозаписи монологической и диалогической речи жителей Ороchonского автономного хошуна Внутренней Монголии Китая, полученные в ходе интервьюирования в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета и в ходе экспедиции в г. Алихэ Внутренней Монголии КНР. В экспериментальном исследовании приняли участие дикторы в возрасте старше 55 лет, для которых ороchonский язык является родным с рождения.

2.2 Грамматические категории имени существительного

Имя существительное выделяется в самостоятельную часть речи на основании его категориального значения – предметности. Существительное – это слово в единичном высказывании, обозначающее возможный предмет речи, который может рассматриваться как носитель признака и который тем или иным признаком проявляет себя во времени. Им обозначаются живые существа, предметы, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия [Болдырев, 2007, с. 50, 63]. На синтаксическом уровне имя существительное может выполнять функцию подлежащего, дополнения, обстоятельства. Существительное способно сочетаться с определениями, выражающими качество, количество, принадлежность, статический и динамический признаки [Болдырев, 2007, с. 64].

В эвенкийском и ороchonском языках имени существительному сопутствуют частнограмматические категории числа, падежа и притяжания (личного и возвратного). Основным способом образования имен существительных является суффиксация.

2.2.1 Категория числа

Имена существительные в эвенкийском и ороchonском языках имеют грамматическую категорию единственного и множественного числа. Категория числа указывает на количественную характеристику названий предметов или их частей. Имена существительные в единственном числе не имеют специального морфологического показателя, они являются немаркированными, имеющими нулевую форму.

Категория множественного числа выражается суффиксами, которые указывают на множество объектов, обозначенных данным существительным, не называя их точного количества. Специальные суффиксы находятся как правило в постпозиции к существительному, и их форма определяется конечным звуком основы слова.

В ороchonском языке выделяют следующие суффиксы множественного числа: *-шал, -шэл, -нар, -нэр, -хал, -хэл, -л* (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Образование множественного числа существительных в ороchonском языке**

Ед. число	Мн. число	Перевод
ахᠤнар	ахᠤнаршал	брат – братья
балди	балдишал	родственник – родственники
эхᠤнэр	эхᠤнэршэл	сестра – сестры
мурин	муриншэл	лошадь – много лошадей
ахин	ахиннар	старший брат –старшие братья
нᠠдю	нᠠдюнар	дядя – дяди
эцин	эциннэр	мама – мамы
эхин	эхиннэр	старшая сестра –старшие сестры
кумаха	кумахахал	олень – олени
ахᠠ	ахᠠхал	старший брат – старшие братья
ухур	ухурхэл	корова – коровы
эхᠡ	эхᠡхэл	старшая сестра – старшие сестры
муринᠮᠠ	муринᠮᠠл	тётя – тёти
к᠔хан	к᠔ханал	ребёнок – дети

Примечание к таблице 1: Ороchonский язык не имеет письменности. В настоящей работе применяется упрощенная транскрипция на кириллице с целью более наглядного сопоставления морфологии ороchonского и эвенкийского языков.

В эвенкийском языке множественное число имён существительных образуется с помощью суффиксов *-л, -и, -р*:

сулакᠢ (лиса) – *сулакᠢл* (лисы);

диктэ (ягода) – *диктэл* (ягоды);

орон (олень) – *орор* (олени) и др. [Болдырев, с. 104-105; Булатова, с. 8; Константинова, 1964, с. 42].

Множественное число терминов родства в эвенкийском языке образуется при помощи суффиксов *-тᠮᠢл, -нᠢл, -сᠠл, -сᠡл*:

амᠢ (отец) – *амтᠮᠢл* (отцы);

экᠢ (старшая сестра) – *эknᠢл* (старшие сестры) и др.

В эвенкийском и ороchonском языках в случае сочетания существительных с количественными числительными суффикс числа не используется:

амун (один) + *бэйэ* (человек) → *амун бэйэ* (один человек) (ороч. яз.);

дᠮᠣр (два) + *мурин* (лошадь) → *дᠮᠣр мурин* (две лошади) (ороч. яз.);

илан (три) + *дᠮᠣ* (дом) → *илан дᠮᠣ* (три дома) (ороч. яз.) [Са Сижун, 1981, с. 13].

умун (один) + *бэйе* (человек) → *умун бэйе* (один человек) (эв. яз.);

дᠮᠣр (два) + *мурин* (лошадь) → *дᠮᠣр мурин* (две лошади) (эв. яз.);

илан (три) + *дᠮᠣ* (дом) → *илан дᠮᠣ* (три дома) (эв. яз.) [Василевич, 1958].

Как видно из примеров, в эвенкийском и ороchonском языках множественное число имён существительных образуется суффиксальным способом, при этом некоторые

суффиксы в сопоставляемых языках обнаруживают сходство, например, *-л*, *-шэл*, *-сэл*. Схожим образом проявляют себя имена существительные в эвенкийском и ороchonском языках при согласовании с числительными.

2.2.2 Категория склонения

В эвенкийском и ороchonском языках формы имён существительных противопоставляются друг другу не только по числовым значениям, но и по синтаксическим отношениям имени к другим словам, его функциональному статусу и отношению зависимости в рамках отдельных синтагм. В составе предложения имена существительные выступают в формах различных падежей. Под падежным значением понимается форма имени, находящаяся в том или ином синтаксическом отношении к слову, обозначающему действие. Падеж существительного отражает его способность выступать в качестве подчинённого члена отношения управления. Изменение имён существительных по падежам в сопоставляемых языках происходит путём присоединения к основе слова соответствующих падежных суффиксов.

В ороchonском языке выделяют 7 падежей, выраженных падежными формами у изменяемых слов (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Особенности образования падежных форм в ороchonском языке

Падеж	Суффикс	Пример
Именительный	-	кумаха илгимаран – олень стоит амā тэтэн – папа сидит торохи утилде – кабан убежал
Родительный	-ни	минни мурицив – моя лошадь аминни мивденин – папино ружьё кōханни тэтин – одежда ребёнка
Винительный	-ма -ва -вэ -ба	бй эри мивдёнма тахурам – я это ружьё использую щй эри нанавā элбухэл – ты эту кожу унеси бй эри бэйухшэвэ элбум – я эту лосиную кожу унёс щй тārба элбухэл – ты то унеси
Дательный	-дуви -ду	бинадандуви битэйэ турэлдив – когда мне было 7 лет, я пошёл в школу бй дйодуви тэдив – я в доме у себя присел мувэ мўлинкиду уцкудэ – воду в ведро налей щй тарилду бўдэй? – ты им дал?
Исходный	-дук	дйодук ябудя – из дома пошёл муриндук эвудэ – с лошади слез байтадук йўдэ – отсюда началось (пошло) энўк шэрэдук бахавдя – заболел от того, что промок
Местный	-дулā -дулāk -лэ -лэк	таргандулā нэнде – под землю спустился таргандулāk эмэргиде – из-под земли вернулся урэлэ нэнде – на гору поднялся урэлэк эмэргиде – с горы вернулся
Направительный	-тихи -тихахи -тихэхи	аминтихи ургудёнэн – с отцом разговаривает бирахантихахи нэнде – в сторону реки пошел урэтихэхи ухтилде – на гору побежал

Именительный падеж в ороchonском языке является прямым, безаффиксальным падежом. Имя существительное в именительном падеже выполняет функцию подлежащего, обозначая предмет, явление или процесс.

Отвечает на вопросы «Кто?», «Что?».

Родительный падеж – косвенный падеж, выражающий обладание и принадлежность, а также субъектные или объектные отношения. В предложении существительное в родительном падеже может выполнять функцию определения, дополнения, обстоятельства. Отвечает на вопросы «Кого?», «Чего?».

Винительный падеж обозначает объект, который находится под прямым управлением действия. Винительный падеж оформляет прямое дополнение, обстоятельственное дополнение места и времени, расстояния и количества. Как правило, выражается с помощью суффиксов. Отвечает на вопросы «Кого?», «Что?».

Дательный падеж показывает время, место, направление совершения действия или события, а также объект, который находится под косвенным управлением. В предложении имя существительное в дательном падеже может служить косвенным дополнением, обстоятельством места и обстоятельством времени. Отвечает на вопросы «Кому?», «У кого?», «В чём?», «На чём?», «Где?», «Чему?», «Когда?».

Исходный падеж главным образом указывает на исходный пункт траектории движения одного из участников ситуации либо на источник явления. Имя существительное в исходном падеже служит обстоятельством места. Отвечает на вопросы «Откуда?», «С чего?», «Из-за чего?»

Местный падеж существительного обозначает место, лицо или предмет, к которому направлено движение. Если местный падеж употребляется с существительными, имеющими временное значение, он также может иметь значение времени. Данным падежом управляют глаголы, имеющие значение движения. В предложении имя существительное в местном падеже может быть обстоятельством места, обстоятельством времени, дополнением. Отвечает на вопросы «К кому?», «К чему?», «Где?», «Куда».

Направительный падеж имеет значение места, по направлению к которому происходит движение, или лица, к которому обращаются с речью. По значению местный и направительный падежи весьма близки, различие лишь в том, что направительный падеж указывает лишь направление, в котором производится действие, а местный падеж указывает на место или предмет, на которое, до которого, или в которое направляется действие. В предложении имя существительное в направительном падеже выполняет функцию обстоятельства места. Отвечает на вопросы «К кому?», «К чему?».

В эвенкийском языке 13 падежей, каждый из которых имеет по несколько значений. Различия в значениях обусловлены отношениями между лексическим значением склоняемого существительного и значением управляющего им слова. В таблице 3 представлены падежные суффиксы имен существительных в эвенкийском языке [Болдырев, 2007, с. 154; Булатова, 2002, с. 11].

По наблюдениям Н. Я. Булатовой, направительно-местный и направительно-продольный падежи в настоящее время практически не употребляются в эвенкийском языке [Булатова, 2002, с. 11]. Тем не менее, сопоставление падежной парадигмы эвенкийского и ороchonского языков обнаруживает более богатую категорию склонения имен существительных в эвенкийском языке. При этом обращает на себя внимание тот факт, что все падежи ороchonского языка, за исключением родительного, находят соответствия в системе падежей эвенкийского языка. Кроме того, наблюдается корреляция суффиксов винительного, дательного, направительного и местного падежей в эвенкийском и ороchonском языках.

Т а б л и ц а 3. Падежные суффиксы имён существительных в эвенкийском языке

Падеж	Суффикс
Именительный	-
Винительный определённый	-ва, -ма/-вэ, -мэ/-во, -мо, -ба
Винительный неопределённый	-я/-е/-ё, -а/-э/-о
Дательный	-ду, -ту
Направительный	-тки, -тыки
Местный	-ла/-лэ/-ло, -дула/-дулэ, тула/-тулэ
Продольный	-ли, -дули, -тули
Направительно-местный	-кла/-клэ/-кло
Направительно-продольный	-кли
Отложительный	-дук/-тук
Исходный	-гит/-кит/-цит
Творительный	-т, -ди
Совместный	-нун

2.2.3 Категория принадлежности

В ороchonском языке отношения между предметами по их принадлежности в широком понимании (предмета обладателя к обладателю, части к целому, одного лица к другому по родству, свойству, подчиненности и т. п.) выражаются с помощью системы притяжания. Притяжательные суффиксы обозначают принадлежность предмета тому или иному лицу. Притяжательные суффиксы могут присоединяться к именам существительным в единственном и множественном числе как в именительном, так и во всех косвенных падежах. При этом притяжательные суффиксы ставят в самом конце слова после всех других суффиксов.

В ороchonском языке различают личную и возвратную притяжательность. Принадлежность чего-либо кому-либо в ороchonском языке оформляется с помощью лично-притяжательных суффиксов, обозначающих принадлежность первому, второму, третьему лицу единственного или множественного числа (см. табл. 4).

В виду ограниченности языкового материала, при составлении таблицы, представленной выше, не учитывался тип основы, к которой присоединялся лично-притяжательный суффикс. Однако в связи с тем, что в эвенкийском языке окончание основы оказывает прямое воздействие на форму притяжательной морфемы [Болдырев, 2007, с. 112–113], авторы настоящего исследования считают необходимым пополнить имеющийся корпус ороchonских аудиотекстов новыми материалами, которые позволят определить наличие или отсутствие указанной зависимости в ороchonском языке.

Сопоставление категории притяжательности в ороchonском и эвенкийском языках показало полное соответствие её видов, однако, формы лично-притяжательных суффиксов двух языков продемонстрировали лишь частичную близость. Так, в обоих языках было отмечено совпадение притяжательных морфем (-в, -вун, -мун) существительных 1-го лица (в т. ч. исключяющей формы) и 3-го лица единственного и множественного числа (-тин / -тын, -н). Однако суффиксы притяжательности 2-го лица двух языков оказались различными [Болдырев, 2007, с. 112–113].

Т а б л и ц а 4. **Виды личной притяжательности в ороchonском языке**

Вид	Суффикс	Пример
1	суффиксы 1-го лица, ед. ч.: -в, -нив	кумахав – мой олень мурин нив – моя лошадь
2	суффиксы 2-го лица, ед. ч.: -й, -ий	кумахай – твой олень мурин ий – твоя лошадь
3	суффиксы 3-го лица, ед. ч.: -н, -нин	кумахан – его олень мурин нин – его лошадь
4	суффиксы исключяющей формы 1 лица, мн. ч.: -вун, -мун	кумахав ун – наш олень мурин мун – наша лошадь
5	суффикс включающей формы 1 лица, мн. ч.: -тир	кумахат ир – наш с тобой олень мурин тир – наша с тобой лошадь
6	суффикс 2-го лица, мн. ч.: -шун	кумахаш ун – ваш олень мурин шун – ваша лошадь
7	суффикс 3-го лица, мн. ч.: -тин	кумахат ин – их олень мурин тин – их лошадь

Возвратно-притяжательные суффиксы указывают на принадлежность предмета лицу, совершающему действие. Данный вид притяжательности не имеет лица, только число (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5. **Виды возвратной притяжательности в ороchonском языке**

Вид	Суффикс	Пример
1	ед. ч.: -ви, -ми	дѳви – свой дом тарган ми – свою пашню
2	мн. ч.: -вал, -вэл, -мал, -мэл и др.	тарган вал – пашня, своя для многих белгэ вэл – продовольствие, свое для многих мивдѳ мал – оружие, свое для многих мурин мэл – лошадь, своя для многих

Возвратно-притяжательные суффиксы в ороchonском и эвенкийском языках варьируют только в зависимости от числа существительного. Сравнительный анализ показал сходство указанных аффиксов для ед. ч. существительных (-ви, -ми). Во мн. ч. абсолютных соответствий выявлено не было, однако, была отмечена определённая близость возвратных суффиксов в рассматриваемых языках. Так, в ороchonском языке для выражения возвратной притяжательности используются аффиксы *-вал, -вэл, -мал, -мэл*, а в эвенкийском – *-вар, -пар, -кар, -мар, -бар* [Булатова, 2002, с. 28]. Известно, что на современном этапе развития ороchonского языка большое влияние на него оказывает китайский, в котором фонемы /r/ и /l/ не различаются на слух. Возможно предположить, что замена в ороchonских суффиксах фонемы /r/ на /l/ произошла под воздействием фонетической системы китайского языка.

3. Выводы

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Основным способом образования грамматических категорий числа, склонения и притяжательности в ороchonском языке является аффиксация.

2. Множественное число имён существительных в эвенкийском и ороchonском языках образуется при помощи суффиксов; суффиксы *-л*, *-шэл*, *-сэл* имеют соответствия в обоих языках. Если ороchonским или эвенкийским существительным предшествует количественное числительное, в этом случае морфологические показатели числа отсутствуют и, соответственно, существительное употребляется в форме единственного числа.

3. Сопоставление падежных форм эвенкийского и ороchonского языков демонстрирует более развитую систему склонения первого (13 и 7 падежей соответственно). Все падежи ороchonского языка, за исключением родительного, обнаруживают соответствия в эвенкийском языке. Что касается падежных суффиксов сравниваемых языков, их формы аналогичны для винительного, дательного, направительного и местного падежей.

4. Анализ категории притяжательности двух языков выявил полное соответствие её видов. Корреляция суффиксов притяжательности обнаруживается у существительных 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа.

5. Возвратная притяжательность существительных в ороchonском и эвенкийском языках не имеет категории лица, соответственно, суффиксы её выражающие, выполняют функцию различения числа имени существительного. Суффиксы единственного числа обоих языков эквивалентны. Во множественном числе возвратно-притяжательные аффиксы обнаруживают частичное сходство, различаясь лишь конечным элементом (*-вал*, *-вэл*, *-мал*, *-мэл* в ороchonском языке, *-вар*, *-нар*, *-кар*, *-мар*, *-бар* – в эвенкийском). Гипотетически, это может быть обусловлено отсутствием фонемной оппозиции /r/-l/ в китайском языке, оказывающим значительное воздействие на фонетический, а в результате – и морфемный состав ороchonского языка.

Настоящая работа представляет собой начальный этап комплексного исследования грамматической системы частей речи ороchonского языка и способов их образования. В дальнейшем планируется описание знаменательных и служебных частей речи ороchonского языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка русских эвенков.

Список литературы

- Артикуляционное описание гласных и согласных звуков ороchonского языка (по результатам МРТ) [Текст] / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, А. В. Ильин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск, 2018. – № 4 (4). – С. 36–58.
- Болдырев, Б. В. Морфология эвенкийского языка [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Наука, 2007. – 932 с.
- Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах [Текст] / Н. Я. Булатова. – СПб. : Дрофа, 2002. – 64 с.
- Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. – Гиинс, 1958. – 803 с.
- Детский иллюстрированный эвенкийско-орочонский словарь [Текст] / О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, В. А. Долгов, И. А. Мельников, Г. А. Стручков / отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова. – Благовещенск : Изд-во ОДЕОН. – 2017. – 53 с.
- Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 274 с.

- Морозова, О. Н. Особенности реализации /t/ в эвенкийском и ороchonском языках [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск, 2017. – № 3 (4). – С. 66–79.
- Морозова, О. Н. Есть ли дифтонги в ороchonском языке? [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, В. С. Гибалин // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 4 (31). – С. 247–256.
- Мэн Шусянь. Общее описание ороchonского языка в Китае [Текст] / Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 1. – С. 67–86.
- Ороchonский язык: материалы корпусного исследования звучащей речи ороchonов КНР [Текст] / О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, С. В. Андросова, В. С. Гибалин, Е. А. Процукович, Ю. П. Иванашко. – Благовещенск : Изд-во «ИПК Одеон». 2018. – 108 с.
- Решетов, Б. В. Ороchonы [Текст] / Б. В. Решетов // Народы и религии мира / глав. ред. В. А. Тишков. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 401–401.
- Са Сижун. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия [Текст] / Са Сижун. – Пекин : Изд-во национальностей, 1981. – 71 с.
- Morozova, O. N. Comparative Characteristics Of Vowels and Consonants in the Selemdzha Evenki and Heilongjiang Orochen languages (Acoustic Analysis) [Text] / O. N. Morozova // Proc. of the 15th Seoul International Altaistic Conference «Contemporary outlooks on Altaic languages». – The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea, 2017 – P. 497–503.
- Morozova, O. N. Consonants and vowels in the Evenki and Orochen languages [Text] / O. N. Morozova // Phonetics Without Borders : Proc. of the 3d International Conference, June 13–14, 2017. – Blagoveschensk : Amur State University Press. – P. 39–49.
- 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Ху Цзэньи. Краткое описание ороchonского языка [Текст] / Ху Цзэньи. – Народное издательство, Пекин, 1986. – 209 с.]
- 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Ху Цзэньи. Исследование ороchonского языка [Текст] / Ху Цзэньи. – Изд-во Миньцзу, 2001. – 293 с.]
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页. [Хань Юфэн. Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. – Центральное изд-во Ин-та национальных меньшинств. – Пекин. 1993. – 385 с.]
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页 [Хань Юфэн. Краткая хрестоматия ороchonского языка [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. – Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, Харбин, 2013. – 185 с.]
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Хань Юфэн. Исследование диалектов ороchonского языка [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. – Издательский отдел Национального музея этнологии, Осака, 2014. – 113 с.]
- 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Материалы по ороchonскому языку (сборник). Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. – 111 с.]

Reference

- Ivanashko, Yu. P., Morozova, O. N., Androsova, S. V., Ilyin, A. V. (2018). Artikulyatsionnoye opisaniye glasnykh i soglasnykh zvukov orochonskogo yazyka (po rezul'tatam MRT) [Articulatory description of the Orochon vowels and consonants (Based on MRI)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), 36–58.
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press.
- Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. SPb. : Drofa Press.
- Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiyskorusskiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : Foreign and National Dictionaries Press.

- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
- Morozova, O. N., Androsova, S. V., Protsukovich, E. A. (2018). Osobennosti realizatsii /r/ v evenkiyskom i orochonskom yazykakh [Features of the implementation of / r / in Evenki and Orochonsky languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (4), 66–79.
- Morozova, O. N. Androsova, S. V., Gibalin, S. V. (2018). Yest' li diftongi v orochonskom yazyke? [Are there diphthongs in Orochon?]. *Ural-Altai Studies*, 4 (31), 247–256.
- Morozova, O. N., Bulatova, N. Ya., Androsova, S. V., Gibalin, S. V., Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2018). *Orochonskiy yazyk: materialy korpusnogo issledovaniya zvuchashchey rechi orochonov KNR* [The Orochon language: Corpus study of the oral speech of the Orochons of China]. Blagoveshchensk : Odeon Press.
- Morozova, O. N., Bulatova, N. Ya., Dolgov, V. A., Struchkov, G. A. (2017). *Detskiy illyustrirovannyi evenkiysko-orochonskiy slovar'* [Children's illustrated Evenki-Orochon dictionary]. Blagoveshchensk : Odeon Press.
- Meng Shuxian (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], № 3 (1), 67–86.
- Reshetov, B. V. (1998). Orochony [The Orochons]. *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world] (pp. 401–401). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Press.
- Sa Sizhun (1981). *Elementarnaya kitaysko-orochonskaya sopostavitel'naya khrestomatiya* [Sino-Orochon Comparative Reading]. Beijing : Natsional'nosti Press.
- Morozova, O. N. (2017). Comparative Characteristics of Vowels and Consonants in the Selemdzha Evenki and Heilongjiang Orochen languages (Acoustic Analysis). *Proc. of the 15th Seoul International Altaistic Conference «Contemporary outlooks on Altaic languages»* (pp. 497–503). The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies. Seoul.
- Morozova, O. N. (2017). Consonants and vowels in the Evenki and Orochen languages. *Phonetics Without Borders: Proc. of the 3d International Conference, June 13–14, 2017* (pp. 39–49), Blagoveshchensk : Amur State University Press.
- 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Hu Zengyi. (1986). *Short description of the Orochon Language*. Beijing].
- 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). *Studies in the Orochon Language*. Minzu Press].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Central publishing house of the Institute for National Minorities].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). *Brief reader of the Orochon language*. Heilongjiang Province Education Publishing House].
- 韩有峰(卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物馆の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka].
- 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government].

Наши авторы

Авакян Самвел Арменович, аспирант кафедры прикладной институциональной экономики, Экономический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, email: sam.avakyan@gmail.com

Андросова Светлана Викторовна, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Ахметгареева Оксана Федоровна, преподаватель Военного университета Министерства обороны, г. Москва, Российская Федерация, email: oksanafed1979@mail.ru

Бай Сюйхаожань, аспирант, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, email: baisujxaozhan@yandex.ru

Беклемешева Наталья Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: beclesmesheva@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингвистич. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, РФ, email: bulatovany@gmail.com

Бучилова Ирина Анатольевна, канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация, email: ibuchilova@yandex.ru

Водяницкая Альбина Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: avodyanickaya@yandex.ru

Галстян Сона Артуровна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры романских языков Военного университета Министерства обороны РФ, г. Москва, Российская Федерация, email: bekki@inbox.ru

Гусейханова Зарема Сажудинова, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация, email: zagema7@inbox.ru

Давыдов Денис Витальевич, д-р эконом. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества, Российская экономическая школа, г. Москва, Российская Федерация, email: ddavydov@nes.ru

Дубровская Полина Дмитриевна, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: dubrovskaya.pl@mail.ru

Завьялова Виктория Львовна, д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, email: zavyalova.vl@dvvfu.ru

Иванашко Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia80@mail.ru

Ищенко Ирина Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iirinagen@mail.ru

Карманов Арван Арсланович, студент Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация, email: ak-740@mail.ru

Манёрова Кристина Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского гос. ун-та., г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: k.manerova@spbu.ru

Морозова Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, РФ, email: morozova_olga06@mail.ru

Мукабенова Жанна Алексеевна, старший преподаватель кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация, email: zhanna61297@yandex.ru

Мушаев Владимир Наранович, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация, email: mushaev_vn@mail.ru

Мэн Шусянь, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлуцзян, КНР

Процукович Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна, д-р. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: olgasoul@ Rambler.ru

Султанов Казимурза Каджиевич, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация, email: kazimurza@yandex.ru

Сюткина Надежда Павловна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: nadegda.siutkina@gmail.com

Трубицина Ольга Федоровна, студент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: olya95-95@bk.ru

Хань Юфэн, Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям, г. Харбин, КНР

Чертыхова Мария Дмитриевна, д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та гуманитар. исслед. и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru

Шамова Надежда Александровна, аспирант кафедры английской филологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Российская Федерация, email: sh941@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: info@psu.ru

Царенко Наталья Михайловна, канд. пед. наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, email: shibalovanata6a@mail.ru

Яременко Вера Ивановна, доцент кафедры иностранных языков Московского технологического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: veraj@mail.ru

Our authors

Samvel A. Avakyan, PhD Student, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, email: sam.avakyan@gmail.com

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Oksana F. Akhmetgareeva, teacher, Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation, email: oksanafed1979@mail.ru

Bai Xuhaoran, PhD student, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: baisujxaozhan@yandex.ru

Natalia N. Beklemesheva, PhD in Philology, Associate professor, Linguistics and Translation Department, Moscow City University, Russian Federation, email: beclemesheva@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com

Irina A. Buchilova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Defectology Education, Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, email: ibuchilova@yandex.ru

Albina A. Vodyanitskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Linguistics and Translation Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: avodyanickaya@yandex.ru

Sona A. Galstian, PhD in Philology, senior teacher, Roman Languages Department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, email: bekki@inbox.ru

Zarema S. Guseykanova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, email: zarema7@inbox.ru

Denis V. Davydov, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Center for the Study of Diversity and Social Interactions, New Economic School, Moscow, Russian Federation, email: ddavydov@nes.ru

Polina D. Dubrovskaya, Magister of Arts, independent researcher, St Petersburg, Russian Federation, email: dubrovskaya.pl@mail.ru

Yulia P. Ivanashko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, email: polia-80@mail.ru

Irina G. Ishchenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iirinagen@mail.ru

Arvan A. Karmanov, student, Kalmyk State University, Elista, Russian Federation, email: ak-740@mail.ru

Kristina V. Manerova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of German Philology, Saint Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: k.manerova@spbu.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Zhanna A. Mukabenova, senior teacher, Department of the Kalmyk language and Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University, Elista, Russian Federation, email: zhanna61297@yandex.ru

Vladimir N. Mushaev, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Kalmyk language and Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University, Elista, Russian Federation, email: mushaev_vn@mail.ru

Meng Shuxian, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China

Elena A. Protsukovich, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru

Olga A. Suleimanova, PhD in Philology, Professor, Head of Linguistics and Translation Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: olgasoul@rambler.ru

Kazimurza G. Sultanov, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of English Language, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, email: kazimurza@yandex.ru

Nadezhda P. Siutkina, PhD in Philology, senior teacher, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nadegda.siutkina@gmail.com

Olga F. Trubitsina, student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: olya95-95@bk.ru

Han Youfeng, Research Institute for Interethnic Relations Harbin, China

Maria D. Chertykova, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru

Nadezhda A. Shamova, PhD student, Department of English Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, email: sh941@mail.ru

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: info@psu.ru

Natalia M. Tsarenko, teacher, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, email: shibalovanata6a@mail.ru

Vera I. Yaremenko, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department, National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation, email: veraj@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Авакян С. А., Давыдов Д. В., Завьялова В. Л.</i>	Количественные оценки фонетической вариативности английского языка (на примере стран Восточной Азии)	5
<i>Ахметгареева О. Ф.</i>	Функции личных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии	18
<i>Бай С.</i>	Причины ошибок при восприятии иноязычной речи: на примере русского и китайского языков	26
<i>Бучилова И. А.</i>	Языковая личность детей-инофонов младшего школьного возраста: лексикон	33
<i>Галстян С. А.</i>	Предлог как средство отражения в языке категории пространства (на материале испанского языка)	41
<i>Гусейханова З. С., Султанов К. Г.</i>	Фреймовая организация концепта «ислам» в англоязычных СМИ	52
<i>Дубровская П. Д., Манёрова К. В.</i>	Лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре «стэндап» (на материале русского и немецкого языков)	62
<i>Ищенко И. Г., Трубицина О. Ф.</i>	Гастрономическая метафора в рекламном тексте сферы туризма	75
<i>Морозова О. Н., Андросова С. В.</i>	Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон	84
<i>Мушаев В. Н., Мукабенова Ж. А., Карманов А. А.</i>	Корейская письменность хангыль и монгольское квадратное письмо	97
<i>Сидняев Н. И., Бутенко Ю. И., Гаража В. В.</i>	Статистическая оценка ассоциативной силы неосмысленных буквосочетаний	107
<i>Судейманова О. А., Водяницкая А. А., Беклемешева Н. Н., Яременко В. И.</i>	Пути развития навыков устной коммуникации у студентов	125
<i>Сюткина Н. П., Шустова С. В.</i>	Эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс	133
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Хакасская лексема <i>харах</i> «глаз; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека	140
<i>Шамова Н. А.</i>	Особенности словообразования в сфере терминологии современного английского кинодискурса	152
<i>Шустова С. В., Царенко Н. М.</i>	Прагматический потенциал дискурсивных маркеров	163
<i>Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я., Хань Юфэн, Мэн Шусянь</i>	Сопоставительные характеристики категории имени существительного в орочонском и эвенкийском языках	171
<i>Информация об авторах</i>		182

CONTENTS

Original Papers

<i>Avakyan S. A., Davydov D. V., Zavyalova V. L.</i>	Quantitative evaluation of phonetic variation of English (The example of East Asian countries)	5
<i>Akhmetgareeva O. F.</i>	The functions of personal pronouns in the presidential discourse of Georgia	18
<i>Bai X.</i>	Reasons for mistakes in foreign speech perception: Based on Russian and Chinese	26
<i>Buchilova I. A.</i>	Language personality of other than Russian Language origin young children learning Russian: Lexicon	33
<i>Galstian S. A.</i>	Preposition as a means to reflect the category of space in the language (Based on Spanish)	41
<i>Guseykhanova Z. S., Sultanov K. G.</i>	The concept of islam: frame modeling in the English-Language mass media	52
<i>Dubrovskaya P. D., Manerova K. V.</i>	Lingvoculturological analysis of the mechanisms of humour creating in stand up (On example of Russian and German)	62
<i>Ishchenko I. G., Trubitsina O. F.</i>	Gastronomic metaphor in advertising texts in the sphere of tourism	75
<i>Morozova O. N., Androsova S. V.</i>	The prosody of question in the Amur Evenks' speech: pitch	84
<i>Mushaev V. N., Mukabenova Zh. A., Karmanov A. A.</i>	Korean Hangul and Mongolian square script	97
<i>Sidnyaev N. I., Butenko J. I., Garazha V. V.</i>	Statistical assessment of meaningless letter strings associative power	107
<i>Suleimanova O. A., Vodyanitskaya A. A., Beklemesheva N. N., Yaremenko V. I.</i>	Boosting communication skills in students	125
<i>Siutkina N. P., Shustova S. V.</i>	Emotive-expressive-causative semantic subcomplex	133
<i>Chertykova M. D.</i>	Khakas lexeme <i>xapax</i> "eye; eyes" as a mediator between the personal and spiritual nature of a human	140
<i>Shamova N. A.</i>	Word formation patterns in contemporary English cinema discourse terminology	152
<i>Shustova S. V., Tsarenko N. M.</i>	Pragmatic potential of discourse markers	163
<i>Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya, Han Youfeng, Meng Shuxian</i>	Comparative analysis of the noun in Orochon and Evenki	171
<i>Our authors</i>		182

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 5, No 4, 2019.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: Е45085

Сдано в набор 04.12.2019. Подписано к печати 02.12.19. Дата выхода в свет 19.12.2019.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 21,85. Тираж 1000. Заказ 131. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.